

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТОЛЬЯТТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XVII Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 25-26 ноября 2011 г.)

Материалы и доклады

Самара
Издательство «Самарский университет»
2011

УДК 94
ББК 63.3
П37

П37 **Платоновские чтения** : материалы и доклады XVII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 25–26 ноября 2011 г.) / отв. редактор П. С. Кабытов. – Самара : Издательство «Самарский университет», 2011. – 243 с.

ISBN 978-5-86465-532-0

В сборнике представлены статьи участников XVII Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском государственном университете 25-26 ноября 2011 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, международных связей, власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли истории культуры и этносов России.

УДК 94
ББК 63.3

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. П. С. Кабытов (ответственный редактор);
д-р ист. наук, проф. Э. Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. Н. Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. М. И. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Ю. Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В. А.Тюрин (ответственный секретарь)
канд. ист. наук, ст. преп. Д. В. Серых

ISBN 978-5-86465-532-0

© Авторы, 2011
© Самарский государственный университет, 2011
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

XVII Всероссийские Платоновские чтения – 2011

9

Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

- Растрепин П.П.** Роль князя Владимира Серпуховского в событиях 1380 года (по материалам Иргизского списка «Сказания о Мамаевом побоище») 14
- Натаров А.И.** Казачьи слободы Симбирской засечной черты в 1640-х – конце 1660-х гг 16
- Малинкин Е.М.** Вооруженные силы городских гарнизонов Поволжья в начале XVIII века. Проблема источников 19
- Столяров О.Д.** Внутриполитическая деятельность А.И. Остермана в период правления Анны Иоанновны 22
- Щипанова Н.А.** «Одворянивание» российских заводладельцев в середине XVIII в. (на примере П.А. Демидова: по материалам «Выписок» и «Ведомостей» о расходах 1745-1758 гг.) 25
- Арапова Л.В.** Дореформенные города России в процессе урбанизации 28
- Толкачева Т.В.** Формирование банковской системы в Самарской губернии в начале XX века 30
- Кукиль Н.В.** Проблемы взаимодействия России и Германии на высшем уровне (1894-1914 гг.) 32
- Габдрашитова М.А.** К вопросу об изучении иностранного капитала в нефтепромышленности Кавказа советской историографией 20-е гг. XX века 35
- Буланая О.Ю.** Нарушение трудовой дисциплины в колхозах АССР НП 38
- Пономаренко И.В.** Решение кадрового вопроса на предприятии города Чапаевска в годы Великой Отечественной войны 41
- Архипова Т.А.** Вопросы профилактики кишечных инфекций в Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) 43
- Крайнова О.А.** Научное сотрудничество работников науки и производства в 1946-1950 гг. 46
- Иванова О.И.** Состояние аграрной науки СССР в 1980-е г. и внедрение научных достижений в сельское хозяйство 48

Секция II. Власть и общество в истории России

Кочережко С.С. Способы и мотивы участия дворян в подавлении Пугачевского восстания	50
Прокопьев А.А. Затерянная записка и забытая «Конституция»: эволюция политических взглядов Г.С. Батенькова в 1822 – 1826 гг.	53
Михайлов Д.С. Изменения в структуре административного управления Оренбургским краем (конец XVIII – первая половина XIX в.)	55
Торшина М.С. Стратегии обращения во власть: тексты жалоб и доносов (на материалах Казанской губернии первой четверти XIX в.)	57
Кусов В.В. Состояние правосудия до реформы 1864 года	60
Шепелева А.Ю. Отношение общественности губерний Поволжья к событиям на Балканах в 1875-1876 гг.	62
Доценко Е.В. Либеральные сатирические журналы 1905-1907 гг.	65
Миняшев В.С. Вопросы демократизации избирательного права в III и IV Государственных думах Российской империи	68
Досекин Е.С. Участие Е.Н. Трубецкого во Всероссийском Поместном Соборе 1917-1918 гг.	71
Сахабутдинов Д.В. Крестьянское движение 1917 г. глазами губернского комиссара (по материалам Казанской губернии)	74
Павленко А.П. Причины и типология конфликтных ситуаций с офицерами на Черноморском флоте в начале Революции 1917 г.	77
Вяльцева Е.Н. Михал Лемпицкий: годы в самарской ссылке	
Васильченко М.А. Чехословацкие легионеры и Комуч: экономическое и культурное взаимодействие	79
Пережогина Е.А. История развития института альтернативной гражданской службы в России	82
Синельникова Е.Ф. Особенности существования петроградских научных обществ в 1917-1922 годы	85
Замуленко В.С. Либерализм в России начала 90-х годов XX века: утраченная и возрожденная традиция	88
Викторова Е.И. Власть и бизнес в регионах (на примере г. Сызрани)	93

**Секция III. История общественной исторической мысли,
политических партий, общественных движений и организаций**

Раскин Г.С. Методы исторической реконструкции	97
Манькова А.И. Система ценностей «благородного сословия» в российской литературе второй половины XVIII века	99
Кузнецов Д.И. К вопросу об организации партизанского движения в Отечественной войне 1812 года в российской историографии	101
Странник Д.Х. Бретерство в России первой половины XIX века как текст поведения на примере графа Федора Ивановича Толстого – Американца	105
Лосева Н.Ю. Самарские епархиальные ведомости как источник изучения народов Самарского края	107
Казеева Т.В. Становление правосознания пореформенного общества в оценках либералов	109
Пазин Р.В. Отношение «Союза 17 октября» к политическому террору начала XX в.	112
Абилова Р.О. Фотография в семейном альбоме (XX век): методы исследования	115
Баишев Н.И. Манифестация образа врага в официальном правительственном дискурсе в годы Первой мировой войны	119
Мистрюгов П.А. Историографические и методологические основы исследования чрезвычайных судебных структур 1917–1920 г.	121
Бочкарева Л.О. Антикосмополитическая компания 1949 г. на кафедре истории средних веков в МГУ	124
Мингалимов И.В. Советская авиация в годы Великой Отечественной войны (вопрос историографии)	126
Борисова Т.О. Эпохи российской истории в исторической памяти 1940-80-х гг. XX в. (на примере детской кинематографии и мультипликации)	129
Кислухин Н.В. Историк и корпорация (А.Я. Гуревич и советская медиевистика в конце 1960-х – начале 1970-х гг.)	131
Голечкова О.Ю. Изучение феномена власти в истории России	134
Сливков Е.И. С.Н. Прокопович в интерьере энциклопедических словарей имперской и советской эпохи	136

**Секция IV. Русская культура,
история этносов и повседневность**

Паршина Н.В. Песни и марши как проявление общественного и патриотического подъема в период Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813-1814 гг.	140
Кондалова Н.А. Военная повседневность провинциального города в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской губернии)	143
Васильева М.А. Этапы становления попечительств о детях в России (на материалах Оренбургского края)	146
Сулейманова Ю.Ф. Мусульманский вопрос в политике губернской администрации Оренбургского края в XIX веке	148
Воробьева Т.Е. Женский вопрос в Викторианской Англии по материалам общественных и культурных деятелей	151
Вяльдина Т.В. Организация дачного отдыха в г. Ставропольна-Волге	154
Рябова С.А. Повседневная жизнь московских увеселительных садов в конце XIX – начале XX вв.	156
Земницкая М.А. Православное просвещение: синтез государственной и церковной идеологии	159
Николенко Н.В. Ценности здоровья в свадебных традициях народов Среднего Поволжья	161
Панин Е.В. Политика советской власти в области национального образования. 1917 – 1920-е годы	164
Шафрановский А.Н. Хулиганство в 1920–30-е годы в Самаре	166
Артамонова Н.П. Советская праздничная культура 1920-х гг.	168
Макарова И.Н. Содействие родительских организаций органам управления народным образованием в 1955 -1965гг. (на примере Куйбышевской области)	170
Муртова С.Н. Музыка поколения диссидентов. Галина Уствольская	174
Помелова Д.В. К вопросу о социальной истории музеев второй половины XX века	178
Клековкина Н.В. Повседневные проблемы эпохи «застоя» в праздничном преломлении	180

**Секция V. Международные отношения России:
история и современность**

Плотников И.Н. Европейцы в Монгольской империи в середине XIII века	183
Кусакин Е.О. Русско-английские отношения XVI-XVII веков	186
Бородин А.В. «Кембриджская пятерка»: самарские страницы истории легендарной разведгруппы	188
Селиверстов И.С. Взаимоотношения Г.К. Жукова и Д. Эйзенхауэра и советско-американские отношения в 1940-50-е годы	191
Казакова Т.С. Отношения Русской Православной и Римско-Католической церквей во второй половине 1990-х годов на примере двухсторонних встреч	193
Голик Д.В. Механизмы формирования «Образа России» в современных американских и британских СМИ накануне выборов в Государственную думу 4 декабря 2011 года	195
Шафатова С.В. Россия и Китай: взаимовосприятие и стереотипы	196
Цирулева Е.А. Видение России США	199
Щегинская Я.В. «Фабрики мысли»: мировой опыт и Россия	201
Пиковская К.Б. Образ России как Другого в американских политических концепциях	204
Целикова Т.Ю. Катынский вопрос в российско-польских отношениях на современном этапе	207

Стендовые доклады

Гурская Н.В. Уральское казачество, как феномен культуры (XIX в.)	210
Клопова Т.Б. Анна Тайшина vs Церен-Янжи: быт крещеной княгини	212
Трипутина А.В. Е.Е.Колосов — один из видных деятелей партии социалистов-революционеров	214
Залялетдинова Р.М. «Кембриджская история России» о внешней политике России конца XIX — начала XX вв.	216
Кузнецов С.Н. Государственно-правовой статус Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи	218
Калинина А.С. Феномен ярмарки в русской истории и культуре	221

Осьмакова О.Н., Осьмаков И.Н. Приобщение членов Русской Духовной Миссии к традициям китайского народа: опыт культурного общения	224
Ромашов Ю.В. Отношение болгар к российской армии в годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. по сведениям русских наблюдателей	226
Колесникова С.Ю. В.В. Вейдле о России, русской культуре и Европе	228
Филонов А.А. Лесопромышленная деятельность населения Марийского края по данным анкеты 1914 года	231
Чагадаева О.А. «Сухой закон» и черный рынок в годы Первой мировой войны	233
Панькин П.В. Уральское казачество в переломный момент истории (1917–1920 гг.): постановка научной проблемы	235
Тямкова Н.А. Особенности демографического развития регионов	237
Евменова О.Н. Влияние городов-побратимов на становление местного самоуправления на территории Среднего Поволжья с 1991 по 1999 годы	240

XVII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2011

25–26 ноября 2011 г. в Самаре на базе Самарского государственного университета состоялись XVII Платоновские чтения. Цель проведения конференции заключалась в содействии развитию научного творчества молодежи и пропаганде российского национального исторического наследия.

Платоновские чтения являются межвузовским форумом научной молодежи России. Они имеют конкурсный характер и собирают молодых исследователей из основных регионов европейской России, Урала и Сибири. По положению о конференции в них могут принимать участие аспиранты, научные сотрудники, преподаватели и студенты в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания.

В 2011 г. Чтения собрались в 17-й раз. В последние годы появились значительные сложности в финансировании конференции и поэтому ее организаторы выражают особую благодарность руководству Министерства культуры Самарской области и лично министру Ольге Васильевне Рыбаковой за неоценимую помощь в этом вопросе. Кроме того, существенный вклад в проведение конференции, подготовку и издание сборника материалов внес Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина.

На всем протяжении существования Чтений, они показали свою высокую эффективность и значимость для вузовской молодежи. В среднем в работе каждой из конференций принимали участие до 200 студентов, соискателей и аспирантов; выступали с докладами 50–70 и более человек. Все представленные и прошедшие конкурсную экспертизу тезисы были опубликованы.

Платоновские чтения получили заслуженное признание в среде студенчества и молодых ученых. Их особенность состоит в постоянстве, регулярности, единстве требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение «Платоновских Чтений» стало научной традицией. Во многих городах Российской Федерации – Москве, Екатеринбурге, Казани, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Казани и других сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Начиная с 1996 г., организатором и главным исполнителем Платоновских чтений являлся Самарский государственный университет. В течение ряда лет методическую и научную помощь в проведении конференции оказывал Санкт-Петербургский Институт истории РАН.

Проект «Платоновские Чтения» является неотъемлемой частью всей системы научной и учебной работы исторического факультета Самарского государственного университета, ежегодных научных конференций молодых ученых и студентов. Платоновские Чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Поволжья, но также по территории всей России.

Как и в предшествующие годы, основными направлениями работы Оргкомитета Платоновских чтений во главе с профессором П.С. Кабытовым в 2011 г., являлись следующие:

- проведение совокупности мероприятий, обеспечивающих участие в научной конференции студентов, аспирантов и соискателей из вузов различных городов Российской Федерации,

- организация работы конференции,

- подготовка к изданию сборника тезисов докладов и сообщений;

Новым для XVII Платоновских чтений стало увеличение количества секций конференции до 5. К четырем традиционным прибавилась еще одна 5-я секция «Международные отношения России, история и современность».

Работа конференции проходила в 2 этапа:

1. Заседания секций – 25 ноября 2011 года.

2. Пленарное заседание – 26 ноября 2011 года.

На всех 5-х секциях прозвучало 63 докладов студентов и аспирантов, а всего на заседаниях присутствовало более 150 чел.

На первой секции – «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России» выступавшие 11 докладчиков (6 аспирантов и соискателей, 3 студента и 2 магистранта) представляли Самарский (7), Самарский экономический (1), Тольяттинский (1), Уральский федеральный (1) университеты; Поволжскую государственную социально-экономическую академию (1). Первое место на секции за доклад «Роль князя Владимира Серпуховского в событиях 1380 г. (по материалам Иргизского списка «Сказания о Мамаевом побоище)» присуждено студенту Самарского государственного университета Растрепину П.П., второе место аспирантке Самарского государственного университета Архиповой Т.А. за доклад «Вопросы профилактики кишечных инфекций в Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1950 гг.)», третье место – магистрантке Уральского федерального университета Щипановой Н.А. за доклад «Одворянивание» российских заводладельцев в середине XVIII в. (на примере П.А. Демидова: по материалам «Выписок» и «Ведомостей» о расходах 1745-1758 гг.)».

Вторая секция «Власть и общество в истории России» – 14 докладчиков – объединила студентов (5), магистрантов (1), аспирантов и соискателей (8). Из них 9 человек представляли: Самарский государственный университет (6 человек), Поволжскую государственную социально-государственную академию (1 чел.), Самарский государственный экономический университет (1 чел.), Самарский государственный аэрокосмический университет (1). Уральский федеральный университет представляли 2 докладчика, Приволжский (Казанский) федеральный университет – 1 человек, Саратовский государственный университет – 1, Оренбургский и Пензенский государственные педагогические университеты – по 1 человеку.

Первое место за доклад «Способы и мотивы участия дворян в подавлении пугачевского восстания» присуждено аспиранту Самарского государственного экономического университета Кочережко С.С.; второе место – за доклад «Причины и типология конфликтных ситуаций с офицерами на Черноморском флоте в начале революции 1917 г.» аспиранту Уральского федерального университета Павленко А.П.; третье место за доклад «Участие Е.Н. Трубецкого во Всероссийском Поместном Соборе 1917 – 1918 гг.» – аспиранту Самарского государственного университета Досекину Е.С.

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций» прозвучали 13 докладов (9 студентов, 1 магистрант и 3 аспиранта). Из них самарские вузы представляли 11 докладчиков, в том числе: государственный университет – 10, гуманитарную академию – 1. Высшие учебные заведения других российских центров делегировали: Московский государственный университет – 1, Приволжский (Казанский) федеральный университет – 1.

Первое место присуждено за доклад «Фотография в семейном альбоме (XX век): методы исследования» студентке Приволжского (Казанского) государственного университета Абиловой Р.О.; второе место за доклад «Эпохи российской истории в исторической памяти 1950-80-х гг. XX века (на примере детской кинематографии и мультипликации)» аспирантке Самарского государственного университета Борисовой Т.О.; третье место за доклад «Союз 17 октября и политический террор начала XX в.» студенту Самарского государственного университета Пазину Р.В.

Секция «Русская культура, история этносов и повседневность», на которой прозвучал 14 докладов (6 студентов, 2 магистранта, 6 аспирантов и соискателей), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 7 докладов. Из них: государственный университет – 5,

академия культуры и искусств – 2. Представители других городов – 7 докладов, в том числе: Тольяттинский университет – 1, Московский – 2, Пензенский государственный педагогический университет – 1, Оренбургский государственный педагогический университет – 2, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти) – 1. Первое место за доклад «Мусульманский вопрос в политике губернской администрации Оренбургского края в XIX веке» президиум секции присудил аспирантке Оренбургского государственного педагогического университета Сулеймановой Ю.Ф.; второе место за доклад «Военная повседневность провинциального города в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской губернии)» студентке Пензенского государственного педагогического университета Кондаловой Н.А.; третье место за доклад «Содействие родительских организаций органам управления народным образованием в 1955 – 1965 гг. (на примере Куйбышевской области)» магистрантке Самарского государственного университета Макаровой И.Н.

На заседании пятой секции «Международные отношения России: история и современность» выступили с докладами 11 студентов вузов Самары и Тольятти. Из них 8 человек представляли Самарский государственный университет, 1 человек – Самарскую гуманитарную академию и 2 человека – Тольяттинский государственный университет.

Первое место на секции за доклад «Подготовка и установление дипломатических отношений между СССР и Ватиканом в годы «перестройки»» присуждено студентке Тольяттинского государственного университета Казаковой Т.С., второе место студентке Самарского государственного университета Голик Д.В. за доклад «Механизмы формирования «Образа России» в современных американских и британских СМИ накануне выборов в Государственную Думу 4 декабря 2011 года», третье место – студенткам Самарского государственного университета Щетинской Я.В. за доклад «Фабрики мысли: мировой опыт и Россия» и Пиковской К.Б. за доклад «Образ России как Другого в американских политических концепциях».

26 ноября 2011 г. состоялось пленарное заседание XVII Платоновских чтений. К участникам пленарного заседания обратился председатель Оргкомитета профессор П.С. Кабытов, отметивший необходимость дальнейшего совершенствования организации Чтений, расширения их географии, повышения уровня докладов.

Последовавшие затем конкурсные выступления соискателей, занявших первые места на своих секциях, вызвали многочисленные и острые вопросы аудитории, были выслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессоров звание лауреата XVII Всероссийских Платоновских чтений было присуждено студентке Приволжского (Казанского) государственного университета Абиловой Р.О. за доклад «Фотография в семейном альбоме (XX век): методы исследования».

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В конце пленарного заседания в выступлениях его участников, состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости всероссийских форумов научной молодежи. Было предложено способствовать закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня, а при соответствующем финансировании повысить ее статус до международного с приглашением зарубежных участников.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов

СЕКЦИЯ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

П.П. Растрепин

Самарский государственный университет

РОЛЬ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СЕРПУХОВСКОГО В СОБЫТИЯХ 1380 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИРГИЗСКОГО СПИСКА «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»)

Заглавие Иргизского списка «Сказания о Мамаевом побоище» [1] явно выдвигает на первый план не Дмитрия Донского, а его брата. Текст показывает, что ни одно важное государственное дело великий князь Дмитрий не решает без брата своего Владимира. Внук Ивана Калиты, как и двоюродный его брат Дмитрий Иванович Донской, Владимир Андреевич, князь московско-серпуховской и боровский, является фактически устроителем Московского государства, героем Куликовской битвы и соправителем Московского княжества. Существуют две прямо противоположные точки зрения на роль Владимира Серпуховского в «Сказании о Мамаевом побоище»: 1. Л.А. Дмитриев отмечает, что автор «Сказания» преуменьшил роль Владимира Серпуховского в событиях 1380 г., показал его человеком безынициативным, лишь выполняющим волю великого князя, и отношения их – пример вассальной верности удельного князя великому князю Московскому [2, с. 429-430]. 2. М.Н. Тихомиров [5, с. 370] и Р.Г. Скрынников [4, с. 83] уверены: «Сказание» носит тенденциозный характер, прославляет Владимира Серпуховского и несколько принижает роль Дмитрия. Л.А. Дмитриев считает, что как самостоятельная личность князь Серпуховской для автора Сказания не представлял интереса. Текст Иргизского списка не позволяет согласиться с данной точкой зрения. Эпизод искушения Дмитрием брата наглядно показывает, что автор «Сказания» очень высоко оценивал роль Владимира Серпуховского в событиях 1380 г.: Владимир не только во всем поддерживает Дмитрия, но объявляет его «главой и государем всей земли Русской», вдохновляя на борьбу с Мамаем. Дмитрий Донской поручает брату самые ответственные задания: войска Дмитрия и Владимира идут к Дону разными дорогами, дружинам Владимира предстояло создать угрозу литовскому пособнику Ма-

мая, Ягаило, (который в «Сказании» назван Ольгердом). Князь Владимир блестяще выполнил маневр, результатом которого была остановка Ольгерда возле Одоева. М.Н. Тихомиров выдвигает тезис: в Сказаниях главным героем сражения изображается не Дмитрий Иванович, а Владимир Андреевич Серпуховской [5, с. 370]. Анализ Иргизского списка показывает, что большая часть повествования все же посвящена действиям Дмитрия Донского, который стремительно и мудро реагирует на малейшее изменение обстановки: повелевает войску переправиться через Дон и вооружаться. «Уряживает» полки на Куликовом поле. Направляет полк Владимира Андреевича «вверх по Дону в дуброву», т.е. именно двоюродному брату и воеводе Дмитрию Боброку поручает командование засадным полком. Принимает решение сражаться в передовом полку и начинает битву. Текст Иргизского списка не позволяет согласиться с мнением М.Н. Тихомирова, что автор «Сказания» прославляет Владимира Серпуховского и принижает роль Дмитрия Донского. Кульминационным моментом сражения является атака засадного полка во главе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским. Вступлению засадного полка в бой предшествовал разговор Владимира Андреевича с воеводой Дмитрием Михайловичем Волынским. Суть разговора касалась определения времени, приемлемого для выхода полка из засады. Боброк предлагает князю ждать до «времени подобна», именно тогда, по мнению Дмитрия Волынского, Божественная благодать снизойдет на русских и поможет им разбить «поганых». Некоторые ученые полагают, что воевода ожидал благоприятных природных условий и перемены ветра для вступления в бой. Однако В.Н. Рудаков [3, с. 137] доказывает, что упомянутый в тексте «дух южный», «потянувший» сзади русских полков, не может ассоциироваться с реальным, южным ветром, а является знаменем снисходящей на православное воинство Божественной благодати, а 8 час является не конкретным временем атаки засадного полка, а временем священным, сакральным. Ведь битва происходила в знаменательный для христиан день Рождества Пресвятой Богородицы — 8 сентября 6888 года от Сотворения Мира. Появление в тексте точных хронометрических данных связано со спецификой средневекового восприятия времени. Термин «час» на Руси в средние века не имел ничего общего с нашим пониманием слова, и конкретные события не воспринимались буквально, а соотносились с промыслом Божиим. В статье «О исходе потаенного полка» Иргизского списка читаем: когда *«приспе же час осмый»* и *«абие»* (т.е. тотчас) *«дух южны потянув з запада»*, засадный полк Владимира Андреевича выступил и Волынец вскричал: *«Братия и друзи! Сила бо Святаго Духа помогает нам!... Сынове же рускыя силою святаго духа бяху их и помощью святых мученикъ Борисом и Глебом, аки лес роняють их...»*.

Следовательно, сила Владимира Серпуховского не только в том, что он во всем послушен воле великого князя и ни разу не вышел из подчинения ему. Он послушен воле Провидения и является вместе со своим засадным полком как бы орудием в руках Провидения на «нечестивого» Мамаю. Автор «Сказания» считает: дело освобождения родной земли от захватчиков угодно Богу, поэтому рисует битву не только как сцену батальную, но и как провиденциальную. Иргизский список показывает, что роль Владимира Серпуховского чрезвычайно важна в тексте «Сказания» и в событиях противостояния русских войск и Мамаю в 1380 г.

Библиографический список

1. Списание Софоние Резанца похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу. Сборник (XVI-XVII вв.) // Отдел редкой книги Самарской областной универсальной научной библиотеки. № 108. Инвентарный номер 306121. Л. 29-99.
2. Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подг. Л.А. Дмитриев, О.П. Лихачева. Л., 1982.
3. Рудаков В.Н. «Дух южны» и «осьмой час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9 / Отв. ред. Е.Б. Рогачевская. М., 1998. С. 137 – 157.
4. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV-XVI вв. Новосибирск, 1991.
5. Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959.

А.И. Натаров

Самарский государственный университет

КАЗАЧЬИ СЛОБОДЫ СИМБИРСКОЙ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ В 1640-х – КОНЦЕ 1660-х гг.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 10-01-00194а.*

В отечественной историографии истории городского казачества посвящены, как правило, небольшие разделы крупных монографий и обобщающих работ. Среди таких исследований, изданных до революции, можно назвать работы И. Д. Беляева, полк. Хорошихина, П. О. Бобров-

ского; советского периода – А. В. Чернова, П. П. Елифанова, В. М. Важинского. Поэтому предпринятая в нашем сообщении попытка рассмотрения процесса верстания в казаки и основания казачьих слобод на материалах Среднего Поволжья, актуальна и научно значима. Впервые данная проблема была сформулирована Г.И. Перетятковичем в его докторской диссертации «Поволжье в XVII и в начале XVIII в. Очерки из истории Низовья», опубликованной в 1882 г.

Основными источниками для данной работы стали «Приходно-расходная книга Симбирской приказной избы»[1], «Строельная книга Симбирска» [2] и «Сметы военных сил Московского государства 1661 – 1663 гг.» [3].

Изучение истории Симбирской засечной линии представляет большой интерес в свете исследования истории одной из частей крупной оборонительной системы расположенной на территории Среднего Поволжья. Строительство укреплений требовало привлечения значительных людских и материальных ресурсов, напряженного труда служилых людей всего региона, но позволяло в свою очередь защитить и освоить незаселенные пространства приграничных территорий.

Центром Симбирской засечной черты была крупная крепость, построенная на правом берегу Волги – Симбирск, кроме нее опорными пунктами являлись пригороды Симбирска – Юшанск, Тагаев, Уренск [4, с. 37]. С 1647 по 1654 годы параллельно со строительством Засечной линии шло строительство многочисленных слобод для служилых людей [5, с. 4]. Московское правительство переселяло из тыловых крепостей на передовые рубежи целые общины служилых людей, набирая в случае необходимости новых служилых людей по прибору. Переселенцам выделялись под самозастройку заранее спланированные земельные участки, а из казны выдавались деньги и хлебное жалование.

Внутреннее устройство городских казаков было весьма схожим со стрелецким. Казаки находились в «приборе» у своего головы, набиравшего их на службу. Казачий голова непосредственно подчинялся воеводе или осадному голове. Хотя нужно отметить, что упоминаемые в «Строельной книге» Алексей Романов и Григорий Жуков указываются как стрелецкие и казачьи головы [2, с. 92, 96]. Обычный состав прибора составлял 500 человек. Приборы делились на сотни, которые находились в приказе у сотников. Сотни в, свою очередь, подразделялись на полусотни и десятки. Обычно сотня состояла из 2 пятидесятников, 8 десятников и 90 рядовых казаков. Все казаки Симбирской засечной линии имели одинаковые размеры земельных пожалований в зависимости от звания: пятидесятник – 40 четвертей, десятник – 30 и рядовой казак – 20 четвертей [2, с. 20, 21, 23, 30]. Кроме того, нужно доба-

вить, что помимо сельского хозяйства казаки активно занимались торгово-ремесленной деятельностью.

Самый крупный гарнизон был в Симбирске, основу которого составляли 830 конных казаков, которые основали вблизи города восемь своих слобод [2, с. 6, 8, 10, 11, 13, 15, 18, 20]. Самой маленькой среди них была – Ишеевская, в которой жило 50 казаков, самой большой – Шумовская из 200 человек. Основу четырех слобод составили переведенцы, еще две были из вновь прибранных в казачью службу, о происхождении последних двух информации не имеется.

Следующей крепостью по Засечной черте был пригород Юшанск. Казачьих слобод Юшанска нам известно четыре. Раньше всего появились Арская и Тетюшская, основанные каждая 50 переведенцами из одноименных населенных пунктов [2, с. 21, 23]. В «Приходно-расходной книге» упоминается еще две казачьих слободы Юшанска – Подгородная и Царская слободы, в первой в 1665 г. насчитывалось 75 дворов, во второй – 44 двора [1, с. 90]. К 1661 году общая численность гарнизона выросла с 343 до 359 человек [3, л. 235].

Тагайские казаки основали две слободы – Подлесную и Подгорную [2, с. 29]. Население первой составили 100 «Ключищинских переведенцев», о происхождении и численности казаков во второй сведений нет. При гарнизоне в 278 человек в 1661 году [3, л. 235], к 1665 году количество всех дворов служилых людей Тагая составило 244 двора [1, с. 90].

Последняя крепость Симбирского участка Засечной черты – Уренск, имела третий по численности гарнизон на всей черте. В начале 1650-х годов он состоял из 720, а к началу 1660-х годов из 897 стрельцов и казаков [3, с. 236]. Всего к Уреню было приписано не менее трех казачьих слобод – Карлинская из переведенцев, и две из вновь прибранных – Усть-Уренская Барышская и Белозерская [2, с. 35, 36, 89]. Каждая из них была основана сотней казаков. К 1665 году численность дворов составляла 93, 99 и 95 соответственно.

Периодически казачьим сотням требовалось пополнение, причины были самыми разнообразными. Всего в «Строельной книге» указано 70 эпизодов верстания в казачью службу, почти половина – 32 вновь прибранные, 13 заменили умерших, 8 случаев по неизвестным причинам, 7 побегов, остальные случаи единичные.

В целом привлеченный материал показывает, что, несмотря на отдельные колебания в указанный период времени численность населения казачьих слобод остается стабильной. Количество служилых людей могло совпадать с количеством дворов, либо превышать, в связи с наличием несколько казаков в одном дворе. Причины верстания в казаки в процентном отношении можно представить следующим образом –

45,7% вновь прибранные; 20% – вместо умерших, в т.ч. родственников; 11,4% – по неизвестным причинам, 10% – в связи с побегами; по 2,8% ссыльные стрельцы ставшие казаками и несущие половинную службу и, наконец, все остальные причины в сумме – 7,1%.

Библиографический список

1. Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. (Приходно-расходная книга Синбирской приказной избы). 1665 – 1667 гг. Симбирск, 1896.
2. Мартынов П. Строельная книга города Синбирска 161 – 162 гг. (1653–1654 г.). Симбирск, 1897.
3. Сметы военных сил Московского государства 1661 – 1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 3. М., 1911.
4. Гуркин В. А. Симбирская черта. Москва – Ульяновск, 2000.
5. Географический указатель по справочнику административно-территориального деления Симбирской губернии – Ульяновской области за 1648–1985 гг. Ульяновск, 1986.

Е.М. Малинкин

Самарский государственный университет

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ГОРОДСКИХ ГАРНИЗОНОВ ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА. ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

В истории русской армии одним из наиболее слабо изученных периодов является конец XVII – первое десятилетие XVIII вв. Это было время первых петровских военных реформ, когда менялась как структура армии и ее управление, так и методы комплектования вооруженных сил. Практически не исследована в рамках данной темы эволюция вооруженных сил на окраинах государства и, прежде всего, на территории т.н. понизовых городов, находящейся под юрисдикцией Приказа Казанского дворца.

Целью нашей работы является рассмотрение состояния и проблематики источников, отражающих картину эволюции вооруженных сил в Поволжье, их специфики и уровня достоверности.

Если говорить о типах источников, которые дают основную информацию по составу и численности гарнизонов понизового Поволжья в XVII в., то в первую очередь необходимо назвать сметные списки, перечни и росписи. Эти документы составлялись, как правило, накануне

и в период военных компаний, фиксируя состав и численность различных категорий войск в отдельном городе.

К началу XVIII в. одним из основных источников по военным силам, размещенным в понизовом Поволжье, становятся документы Генерального двора в с. Преображенском, отложившиеся в фонде Поместного приказа РГАДА. Это полифункциональное центральное учреждение занималось, в том числе, и набором даточных людей для комплектования армии [1, с. 102]. Делопроизводство, производившееся по данному направлению работы приказа, дает представление преимущественно не о составе и численности поволжских городских гарнизонов, а о мобилизационном ресурсе региона. Для нас особый интерес представляют документы, составленные в процессе наборов в солдаты в 1700-1702 гг. по городам Понизового Поволжья сотрудниками «комиссии» князя Н.И. Репнина, которому поручили сбор даточных людей в низовых городах — по Казани, Самаре, Саратову, Симбирску, Нижнему Новгороду, Арзамасу, Царицыну, Сызрани, Пензе и другим. Информация в них примерно одного типа — именные списки «новоприборных» солдат, как правило, с указанием их географического размещения и социального происхождения, возраст. Кроме солдат упоминаются рейтары, но информация по ним незначительна [2, л. 120-125об; 3, л. 306-315об]. Результаты по наборам в каждом городе не сведены в одно дело или хотя бы в единый раздел, в большинстве книг по набору и книг с именными списками информация по конкретному городу может встречаться несколько раз. Это создает сложности в точном подсчете, так как даже в одной книге за один год могут встречаться противоречивые данные о числе набранных [5]. По некоторым городам количество даточных в целом соответствует численности их населения и мобилизационным возможностям, как например, по Казани, где было набрано более 1000 человек или Нижнему Новгороду — около 1500. [4, л. 446-568об; 5, л. 296-593об].

Наиболее ценные сведения содержатся в переписной книге служилых людей от 1702 года, где говорится о городах Самара, Сызрани и Кашпире.[6] Здесь приводится информация по всем категориям служилых людей и членам их семей, которые были зафиксированы переписчиками. Изучение этих материалов, касающихся Самары дает важную информацию об изменениях в составе и численности гарнизона. Здесь мы видим более подробную информацию не только об основных категориях служилых людей местного гарнизона, но и о составе их семей, соотношении возрастных групп и т.д. В данном документе приведены данные, в том числе, о численности и составе женского населения города, что в списках новоприборных солдат практически не

встречается. [1, с. 105]. По Самаре мы имеем материалы во многом уникальные, позволяющие исследовать демографические процессы, происходившие в городе на рубеже XVII-XVIII веков. Тем самым, появляется реальная возможность соединить их с данными различных перечней, росписей по XVII столетию проследить весь путь изменения численности и состава самарского гарнизона практически с первых десятилетий его существования.

По Сызрани и Кашпиру в переписных книгах мы видим не такую подробную картину состава семей служилых людей, но это объясняется и составом местных гарнизонов, которые были более однородными. И в Сызрани, и в Кашпире гарнизоны состоят почти исключительно из солдат, с небольшим количеством пушкарей и воротников (последние упоминаются только по Кашпиру). В обоих городах, которым на момент переписи было менее 20 лет, мы видим крупные гарнизоны на несколько сотен солдат действующей службы. Кроме самих солдат переписчики указали членов их семей мужского пола — братьев, сыновей, племянников, пасынков, приемышей, шуринов и др. с указанием возраста. [6. л. 321-352] Возникает вопрос — почему в Самаре на тот период мы не видим новых видов ратных сил. Возможно, все дело в возрасте этих городов. Особенностью устройства русских вооруженных сил в течение всего XVII в. была семейная преемственность в большинстве категорий служилых людей. В Самаре, с ее почти неизменным по численности ряда категорий служилых людей гарнизоном, эта система действовала и к началу XVIII в. В Сызрани и Кашпире эта традиция только начинала формироваться. Эти города были построены в период, когда военные формирования нового образца распространились по всей территории государства и им отдавался приоритет при наполнении гарнизонов.

Наиболее значимым и даже уникальным источником по рассматриваемому вопросу является смета ратных сил понизовых городов 1704 года, составленная приказными людьми приказа Казанского Дворца, и обнаруженная среди документов Кабинета Петра I. Подобные источники, как говорилось выше, дают основную, базовую информацию о вооруженных силах Понизового Поволжья в XVII в. Фактически это последний документ подобного типа, обобщающий информацию о численности и структуре военных сил региона. Если посмотреть на состав гарнизонов 31 города, представленного в смете, то мы увидим здесь полки нового строя только в 8 городах. В большинстве городов состояли все те же категории служилых людей: дворян и детей боярских, стрельцов конных и пеших, казаков, крещенных татар и татар-мусульман, пушкарей, воротников и затинщиков. [8, л. 431-437].

Смета 1704 года — это официальный документ, составленный для представления государю численности ратных сил в Среднем и Нижнем Поволжье. Но несмотря на его особую важность, этот источник нельзя считать достаточно точным при оценке численности вооруженных сил в регионе. После перечисления численности и состава гарнизона по каждому городу, а также указания того, сколько по тому или иному городу отправлено в «свейский поход», переписчики дают аналогичные итоговые цифры. Но конечная цифра по каждому из этих двух расчетов не совпадает с реальной численностью служилых людей, выявленной нами в источнике. [8 Л. 437] Особенно значительную разницу мы выявили при подсчете отправленных «в sweйский поход» — переписчики указывают итоговую цифру примерно в 3 раза большую, чем получается при подсчете по каждому городу, из которого посылали служилых людей в действующую армию. Не менее разнятся цифры и по общей численности гарнизонов. Следовательно, для применения данных этой сметы в исследовании, необходим точный пересчет численности каждого гарнизона.

Библиографический список

1. Дубман Э. Л. Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII-XVIII вв. // Проблемы российской и социальной истории: сборник научных статей. Самара, 2011.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5029.
3. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5030.
4. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5106.
5. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5107.
6. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5128.
7. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5193.
8. РГАДА. Ф. 9. (Кабинет Петра I). Отд. 2. Д. 3.

О.Д. Столяров

Самарский государственный университет

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.И. ОСТЕРМАНА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

Специфика внутренней политики эпохи Анны Иоанновны заключается в том, что в этот период почти не проводилось реформ. Среди

более или менее крупных преобразований ее правления можно назвать создание в 1731 г. Кабинета министров, а также ряд мероприятий, направленных на облегчение государственной службы дворян, который завершился манифестом 1736 г. [1, с. 159].

В первые годы правления Анны Иоанновны Остерман являлся, по видимому, чуть ли не единственным, кто мог оказывать и оказывал влияние на действия императрицы: Бирон и Миних еще не вошли в силу, и к тому же Миних на этом этапе был союзником Остермана [2, с. 103].

В 1731 г. для непосредственного управления империей был создан Кабинет министров, как считается, по инициативе Остермана [3, с. 38]. В 1735 г. подписи трех кабинет-министров были приравнены к подписи императрицы [1, с. 264]. В течение первого года существования Кабинета Анна часто приходила на его заседания. Начиная с конца 1732 г. она почти перестает там появляться [4, с. 241], и большинство исследователей считают, что влияние императрицы на внутреннюю политику было минимальным.

Кроме Остермана в первоначальный состав Кабинета входили канцлер граф Г.И. Головкин и князь А.М. Черкасский [5, с. 722]. Что касается первого, он, хотя и был формально первым кабинет-министром, фактически принимал небольшое участие в работе Кабинета. Согласно протоколам этого учреждения Головкин почти не посещал заседаний [6, с. 197]. Что касается Черкасского, вплоть до 1738 г., когда третьим членом Кабинета стал А.П. Вольтинский, Черкасский ни в чем не противоречил Остерману. Таким образом, в первой половине тридцатых годов Остерман имел полный контроль над Кабинетом.

Положение Остермана еще более укрепилось после смерти Головкина в 1734 г. Андрей Иванович стал первым кабинет-министром, и его подпись теперь неизменно стояла первой на бумагах Кабинета [7, с. 56]. Третьим кабинет-министром стал граф П.И. Ягужинский [7, с. 57], который не мешал Остерману, хотя и был, как считается, ставленником Бирона [8, с. 125].

Когда речь идет о степени влияния Остермана в период правления Анны Иоанновны, неизбежно встает вопрос о соотношении фигур Остермана и Бирона. Все источники и авторы исследований сходятся на том, что Бирон не занимался делами повседневного управления [2, с. 9-12].

Положение Остермана пошатнулось после смерти Ягужинского в 1736 г. В течение двух лет место Павла Ивановича оставалось незанятым, и лишь в 1738 г. Бирону удалось ввести в Кабинет А.П. Вольтинского, который вскоре начал оказывать значительное влияние на

Черкасского, и, соответственно, стал серьезным соперником Остермана [13, с. 83].

Однако такое положение вещей продолжалось недолго. Приобретая большее влияние, Волынский решил, что Бирон теперь ему не нужен, и между ними начались конфликты. Бирон понял, что совершил ошибку, помогая Волынскому, и переметнулся на сторону Остермана. Волынский был казнен, а на его место встал А.П. Бестужев-Рюмин [14, с. 351], который, хотя и был протеем Бирона, не приобрел такого влияния, как Волынский, да и сам Бирон, по-видимому, стал более осторожно относиться к своим выдвиженцам и в большей степени доверять Остерману [12, с. 61]. Ситуация вернулась к той же точке, в какой она находилась в первой половине 30-х гг.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что инициатива принятия всех решений Кабинета этого периода принадлежала именно Остерману. Это касается и Манифеста от 31 декабря 1736 г., согласно которому срок службы дворян был ограничен 25 годами, и, кроме того, дворянских детей разрешалось записывать «в полки и коллегиальные присутствия» с момента их крещения [15, с. 358]. Нетрудно понять, что Анна и ее правительство пытались таким образом обезопасить себя от возможного недовольства со стороны дворян и, прежде всего, гвардейских полков, во многом обеспечивших ее приход к власти. Опасениями за безопасность трона можно объяснить и многие другие действия Анны Иоанновны и Остермана, в частности, многолетний судебный процесс над Долгоруковыми, закончившейся казнью большинства из них [16, с. 83]. Но, так или иначе, Манифест 1736 г. положил начало целому ряду мероприятий, направленных на освобождение дворян от службы и составил, по выражению Соловьева, «целую эпоху в истории дворянства в первой половине XVIII в.» [17, с. 267].

Итак, можно сделать вывод, что Остерман играл ведущую роль во внутренней политике в эпоху Анны Иоанновны. Его соперниками в этой сфере в конце 30-х гг. был Волынский и отчасти Бирон, не принимавший прямого участия в государственных делах, но, тем не менее, до самой смерти императрицы именно Остерман оказывал наибольшее влияние на внутренние дела Российской империи.

Библиографический список

1. Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.117. Юрьев, 1904.
2. Де-Лирия. Донесения // Со шпагой и факелом. М., 1991.

3. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. СПб., 2001.
4. Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.106. Юрьев, 1899.
5. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1995.
6. Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.104. Юрьев, 1898.
7. Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.114. Юрьев, 1902.
8. Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.
9. Бирон Э.И. Записка // Со шпагой и факелом. М., 1991.
10. Хавен П. Путешествие в Россию // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997.
11. Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002.
12. Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002.
13. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. М., 1986.
14. Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.146. СПб., 1915.
15. О порядке приема на службу шляхетских детей и увольнении от оной // Полное собрание законов Российской империи. I издание. Т.9. СПб., 1830.
16. О преступлениях князей Долгоруких; о казни, учиненной тягчайшим из них преступникам и об отправлении прочих в ссылку // Полное собрание законов Российской империи. I издание. Т.10. СПб., 1830.
17. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 10. М., 2006.

Н.А. Щипанова

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

**«ОДВОРЯНИВАНИЕ» РОССИЙСКИХ ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЕВ
В СЕРЕДИНЕ XVIII В. (НА ПРИМЕРЕ П.А. ДЕМИДОВА: ПО МАТЕРИАЛАМ
«ВЫПИСОК» И «ВЕДОМОСТЕЙ» О РАСХОДАХ 1745-1758 ГГ.) [1]**

Одворянивание заводовладельцев в XVIII в. является одним из ключевых процессов в социально-культурной жизни русского общества. В научной литературе термин «одворянивание» чаще всего трактуется как трансформация образа жизни промышленников от облика мастеров — организаторов производства, купцов и т.д. к идеалу, эталону дворянина, созданному в результате реформ Петра I и его последова-

телей, а также после участвовавших контактов представителей высшего сословия со знатью зарубежной Европы.

В ряду известнейших российских династий видное место занимает род Демидовых, который дал России горнозаводчиков, сумевших благодаря их неукротимой энергии, мастерству, таланту и предприимчивости создать сеть металлургических предприятий в центре страны и на Урале, меценатов и государственных деятелей.

Данное исследование рассказывает об одном из представителей третьего поколения данной фамилии – о старшем сыне Акинфия Никитича Демидова, Прокофий (1710 – 1786 гг.). Образ его в сознании современников и потомков (последних, в особенности) складывался не столько из фактов биографии, сколько из заменявших ее анекдотов. Последние плотной пеленой заслоняют многообразие черт личности Прокофия Демидова. «Известным и славным проказой» называл «Проньку Демидова» в записках А.Т. Болотов, выразивший в такой характеристике мнение если не всех своих современников, то многих [2, с. 67]. Кроме анекдотов в истории встречается множество заблуждений о Прокофий – например, неоднократно высказанное в литературе мнение о его несостоятельности в вопросах металлургии, неспособности заниматься горным делом.

Период с 1745 по 1758 гг. выбран не случайно. На это время приходится затянувшийся раздел имущества А.Н. Демидова между тремя его сыновьями – Прокофием, Григорием и Никитой. Процесс обжалования отцовского завещания, по которому все предприятия переходили к младшему сыну, Никите, не только наложил отпечаток на отношения между братьями, но и во многом сформировал социально-культурный облик Акинфиевичей.

Несмотря на обширный массив исследований по истории рода Демидовых, некоторые аспекты жизни заводчиков практически не изучались [3, с. 258]. Исследователи не анализировали финансовые отчеты заводладельцев, несмотря на весомое количество данных источников и их важность в формировании представления о социальном облике Демидовых. Основой для данной работы послужили «Выписки», «Реестры» и «Ведомости» о расходах Прокофия Демидова за период с 1745 по 1758 гг. [4], досконально фиксирующие его затраты. Они представляют собой таблицу, в которой прописаны обстоятельства денежных трат и суммы. Источник исследуется впервые.

Социальный облик третьего поколения рода Демидовых коренным образом отличается от социального облика первого и второго поколений этой промышленной династии. Рожденные еще до того, как семья получила дворянство, воспитывавшиеся на уральских горных заводах, готовившиеся занять место отца в управлении «горным гнездом», они

все-таки представляют собой уже совершенно другой тип личности, нежели «основатели горного царства» Никита и Акинфий.

Согласно «Выпискам» и «Ведомостям» П.А. Демидов в указанный период проживал, в основном, в Туле, Санкт-Петербурге и Москве (московский двор, получивший название «Нескушный дворец», строился в 1750-х гг.). Он продолжал пополнять отцовскую минералогическую коллекцию (которую в 1755 г. передал недавно открывшемуся Московскому университету), занимался коллекционированием редких растений, вместе с младшими братьями жертвовал крупные суммы денег на благотворительность. В 1751 г. Прокофий отправил своего сына Льва за границу «для научения немецкаго языка и протчих наук к содержанию заводов» [5, с. 20]. Круг его общения обширен и включает в себя лиц, занимавших на тот момент ведущие должности в государстве, приближенных к императрице Елизавете (Н.Г. Жеребцов, А.П. Бестужев-Рюмин, М.М. Голицын, Ф.М. Бессонов, И.И.Шувалов, А.Г. Разумовский и др.). Интересно, что практически все эти люди упоминаются в связи с покупкой железа, то есть старшего сына Акинфия Демидова с ними связывали деловые отношения. Этот факт косвенно опровергает устоявшееся мнение о неспособности Прокофия к горному делу, незаинтересованности его по отношению к заводам (данная точка зрения подтверждается материалами последующих лет).

Процесс трансформации тульских оружейников Демидовых в «господ дворян» завершился именно при третьем поколении данной династии. И период с 1745 по 1758 гг. является в данном случае одним из ключевых. Акинфиевичи перестали жить при предприятиях, все более вовлекаясь в «столичную жизнь». Они еще принимали участие в управлении предприятиями, но уже не вникали в тонкости производства (в отличие от отца и деда). На данном этапе Прокофий Акинфиевич Демидов представлял собой яркого представителя «высшего общества», который, однако, еще не в полной мере оторван от заводов.

Библиографический список

1. Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (научно-исследовательский проект «Человек в условиях социально-культурных трансформаций российского общества XVII – XX вв.» ГК 14.740.11.2009).
2. Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М.: Наука, 2001.
3. Он же: Демидовы в Туле. Тула, 1998.
4. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 – 22.
5. Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735-1786. Екатеринбург: Демидовский институт, 2010.

ДОРЕФОРМЕННЫЕ ГОРОДА РОССИИ В ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ

Проблема изучения эволюции урбанизационных процессов на территории России в настоящий момент является одной из наиболее востребованных в отечественной науке. Это связано с целым рядом причин, главной из которых, по-видимому, является довольно длительное пренебрежение изучением городской истории, характерное для российских историков советского периода. Играет свою роль и то, что указанные процессы продолжают. Таким образом, изучение исторической ретроспективы, выявление особенностей исторического развития городских образований и городского населения позволяют предположить возможные векторы развития российской городской среды.

Сам термин «урбанизация» включает в себя целый комплекс процессов, происходящих в городах и с городами в различные исторические эпохи. Если классифицировать максимально обобщенно, то их можно разделить на изменения, происходящие с городами как экономическими, административными и культурными центрами, а также на трансформации, происходящие с городским населением. В рамках данного исследования основное внимание будет уделено непосредственно городским поселениям в условиях урбанизационных процессов второй половины XVIII – первой половины XIX вв.

Рост значения городов в развитии общества включал в себя такие аспекты, как возникновение новых городских центров, увеличение количества средних и крупных городов, усложнение отраслевой структуры занятости горожан, развитие транспортной сети, повышение степени городского благоустройства, расширение политических и культурных функций городских центров, их инновационной деятельности. Объектом данного исследования будет являться комплекс исторических исследований, посвященных перечисленным процессам в российских городах дореформенного периода.

Когда же начался процесс формирования административно – территориальной системы городов? Этот процесс начался во второй половине XVIII века. В это же время сформировалась своеобразная иерархия городов – столичные, губернские и уездные. Различия между ними с самого начала основывались на отношении, в которое они были поставлены правительством данного региона. Существовали также безуездные или заштатные города, особенностью их было отсутствие административных властей.

Градостроительство получило свое развитие в правительственных актах Екатерины II, губернская реформа 1775 года увеличила число губерний, что привело к необходимости появления новых административных центров. Чтобы это реализовать многим селам был присвоен городской статус.

Недвижимость принадлежала городу, то есть его властям, а не отдельным горожанам, действовал буржуазный принцип собственности с индивидуальным владением. «Поводом к основанию городов послужили не промышленные или торговые...виды; с середины XVIII века в устройстве городов при новых преобразованиях внутреннего управления преобладают соображения административные...от этого города, возникшие как бы по приказанию, на местах, выгодно единственно в видах административных, остаются и до сих пор важными лишь для правительства. Только постоянному пребыванию властей и административных учреждений обязаны они своею городской наружностью и некоторой степенью благосостояния». По материалам для географии и статистики до середины XIX века переформирование сел в города еще встречалось.

С расширением границ и преобразованием территории России увеличилось число губерний, следовательно, и число губернских городов. «Понятие и признаки городского поселения нигде в законе положительностью не установлены», поэтому попытки составить списки городов не отличались точностью и полнотой, но работа по их составлению в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел и Центральном статистическом комитете проводилась на протяжении всего XIX века.

Аграрный характер экономики и распространение мелкой кустарной промышленности определили особенности русского города. Одной из форм неземледельческого центра был рассеянный город. В центрально-промышленных губерниях основным фактором процесса урбанизации стало объединение рассеянной мануфактуры, то есть сельских товаропроизводителей.

Процесс урбанизации продолжался и в XIX веке, однако, перевод села в разряд города стал редкостью. Развитие промышленности приводило к образованию не столько новых городов, как к возникновению фабричных сел, ставшими центрами промышленности и сохранявшими юридический статус села.

Русский город второй половины XVIII – первой половины XIX веков – это центр с административно-политическими функциями, который тесно связан с селом. Аграрный характер русских городов влиял и на формирование городской культуры, проявляясь в условиях общественного и домашнего быта, отсутствии городского благоустройства,

в мировоззрении горожан. Преобладающим типом был город – местный торгово-промышленный центр сельской округи. Ремесленные и кустарные производства преобладали среди промышленного производства, крупный масштаб индустриального развития встречался редко. Город испытывал влияние традиционной народной культуры, одновременно являясь и центром инновационных общественно-культурных процессов. В середине XIX века усиливается процесс модернизации и культурного развития городов, что повлияло на изменения социального состава населения.

Т.В. Толкачева

*Самарский филиал Московского городского
педагогического университета*

ФОРМИРОВАНИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В 70-х годах XIX столетия в России складывается система коммерческого кредита, во главе которого стоял Государственный Банк, открытый 31 мая 1860 года. Документ, регулировавший работу банков, назывался «Положение о городских общественных банках». Это положение было разработано Государственным Советом и Государственной Думой. Согласно этому положению все городские общественные банки учреждались по постановлениям местных городских дум, далее для вступления в законную силу решение о учреждении банка передавалось министерству финансов, после чего проект передавался в Сенат для окончательного решения. Во главе банка стояло правление, состоявшее из директора и его товарищей. Само правление избиралось городской думой сроком на четыре года. Ведя строгую отчетность по всем текущим счетам, правление банка было обязано ежегодно отчитываться перед Министерством финансов [8, с. 3-9].

В начале XX века в Самарской губернии функционировали отделения следующих банков: Государственного, Азовско-Донского, Донского земельного, Волжско-Камского коммерческого, Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли, Русского торгово-промышленного коммерческого, Санкт-Петербургского международного, Северного, Нижегородско-Самарского земельного, а также Самарского купеческого [5, с.255]. Во время предвоенного промышленного подъема с 1910 по 1914 годы число банков в Самаре и Самарской губернии увеличилось до 23 [4, с. 167]. Их общий капитал составлял 170 миллионов рублей [10, с.124.].

Основные операции банков, установленные Положением: прием вкладов срочных, безсрочных и на текущий счет; учет русских и иностранных векселей; перевод денег; покупка и продажа государственных и частных ценных бумаг; залог; подтоварный кредит и осуществление собственных торговых операций. Множество операций банка были связаны со скупкой сельскохозяйственных продуктов и особенно широко применялось кредитование хлебных грузов при его экспорте.

В этот период помимо государственных банков большое значение приобретают частные банки. Такие кредитные учреждения были нескольких видов: в форме общественных заемщиков, которые были связаны круговой ответственностью; в акционерной форме [1, с. 59]. Но по сравнению с государственными банками их кредиты были слишком обременительными для частных лиц, так как у них были более высокие проценты.

Особенно широко работу самарских банков рассмотрим на примере Самарского купеческого банка. Он был открыт 30 апреля 1908 года на ул. Дворянской (ныне ул. Куйбышева) и Алексеевской площади (ныне пл. Революции) [2, л.2-5]. Его работа также регулировалась «Положением о городских общественных банках», банк имел правление, состоящее из директора и членов правления [8, с. 5]. Правление избиралось городской думой на четырехлетний срок. Первым председателем совета Самарского купеческого банка являлся Л.С. Аржанов [9, с. 86]. Членами совета: И.П. Журавлев, А.М. Мальцев, Н.Н. Рычков, В.М. Сурошников, И.С. Чекмарев, Н.Ф. Иванцов, И.П. Шихобалов [7, с. 1]. В правление банка входили: председатель М.А. Шадрин, А.А. Савельев, А.А. Титов [7, с. 1]. В 1913 году количество членов совета уменьшилось до шести человек, ушел Н.Ф. Иванцов [6, с. 2]. Общий оборот банка составил 250437837 рублей 04 копейки [6, с. 3]. В 1915 году на специальных текущих счетах банк располагал: пшеницей переродной в размере 173774 п. 30 ф., пшеницей кубанкой – 178096 п., пшеницей русской – 216455 п. 10 ф., рожью – 54936 п. 05 ф., овсом – 11875 п., мукой разных сортов – 63334 п., отрубями – 2912 п. 05 ф [7, с. 35].

В итоге, можно сказать, что реформы второй половины XIX века дали мощный импульс в развитии финансово-кредитной системе России. В свою очередь банковская система была тесно связана с экономической политикой региона. В Самарской губернии было много представительства как государственных, так и коммерческие банков, причем были и свои, учрежденные именно в Самаре. Но все же банковская система не смогла противостоять государственным потрясениям, и была вынуждена подчиниться и измениться по требованиям новой власти. Конечно же, новая власть не могла существовать без банков, и в

связи с этим многие банки были ликвидированы, а некоторые преобразовались, и существуют на сегодняшний день.

Библиографический список

1. Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М.: Ось-89. 1997.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 226. Самарский купеческий банк. (1908-1918). Оп. 1. Д.2.
3. Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М.: «Академия наук СССР», 1960.
4. Зернохранилища Заволжского района в 1913-1914 гг. Выпуск II. Самара: Электро-типография Н. Фейгельман, 1915.
5. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX века – начало XX века / Ред. коллегия: П.С.Кабытов, И.Б.Васильев, Э.Л.Дубман, Ю.Н.Смирнов, Л.В.Храмков / Редакторы кн. П.С.Кабытов, Н.Н.Кабытова. М.: Наука, 2000.
6. Календарь и справочная книга для города Самары и Самарской губернии на 1888 г. Самара: Типография Г.В. Сербулова.
7. Отчет Самарского купеческого банка за 1913 год. Шестой отчет. Самара: Губернская типография.
8. Отчет Самарского купеческого банка за 1915 год. Восьмой отчет. Самара: Губернская типография.
9. Положение о городских общественных банках. Самара: Типография А. Козлова и К°, 1912.
10. Самарское купечество: веки истории / Под. ред. Е.П. Бариновой. Самара: «Самарский университет», 2006.
11. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М.: «Наука», 1975.

Н.В. Кукиль

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ (1894-1914 гг.)

Внешняя политика последнего российского монарха до объявления Германией войны России 19 июля (1 августа) 1914 г. отличается многофакторностью и многоаспектностью в силу ставившегося перед ней большого количества целей и задач, имевших преимущественно им-

перский характер. Значительное место во внешнеполитической деятельности Николая II 1894–1914 гг. занимали отношения с кайзеровской Германией и лично с Вильгельмом II, в основе которых лежали достаточно тесные экономические, династические, культурно-исторические и, разумеется, политические связи, которые в указанное двадцатилетие непрерывно ухудшались [5, с. 23–25]. Целесообразно отметить противоречивую сущность взаимодействия российского и германского монархов на высшем уровне, прямым следствием которой явились взаимное недоверие и подозрительность: по мнению А.С. Ерусалимского, «...экономические и политические противоречия между российским и германским империализмом оказались сильнее, чем общность династических интересов Гогенцоллернов и Романовых» [1, с. 141]. Также значительный интерес для рассматриваемой проблематики представляет изучение важных дипломатических аспектов, влиявших в указанный период на общую атмосферу взаимоотношений между Россией и Германией, по праву относившимся к великим европейским державам. Дипломатическая игра была призвана в полной мере обеспечить достижение стратегических целей обеих монархий, учет их национальных интересов в преддверии глобального конфликта [3, с. 120]. Деятельность российского МИДа накануне Первой мировой войны (1914–1918) явно не могла претендовать на позитивную оценку со стороны противоборствующих политических групп консервативной и либеральной направленности, представителей которых условно принято именовать герmanoфилами и герmanoфобами. Данный фактор был одной из главных причин раскола в политической элите Российской империи, не сумевшей найти надежные способы обеспечения единства нации перед угрозой тяжелейших военных испытаний [3, с. 146]. Требуется особо выделить значимость разведки в политических и военных контактах России и Германии на рубеже XIX–XX вв., механизмы которой были разработаны в указанное время [4, с. 25]. При рассмотрении и оценке места и роли личностного фактора во внешней политике его следует наглядно продемонстрировать наличием личных встреч Николая II и Вильгельма II на высшем уровне. Первая подобная встреча произошла между российским и германским императорами 11 (24) июля 1905 г. в Бьерке [8, с. 21]. Кайзер Вильгельм II склонил своего кузена к подписанию секретного союзнического Бьеркского договора, ст. 4 которого гласила, что «император всероссийский, после вступления в силу этого договора, предпримет необходимые шаги к тому, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы» [6, с. 336]. Стоит учесть, что франко-русский оборонительный союз был оформлен в 1891–1893

гг. и закреплен соответствующей военной конвенцией на случай угрозы немецкой агрессии. В Бьеркском договоре ярко отражена политика двойных стандартов Николая II, стремившегося следовать миротворческим инициативам и заветам своего покойного отца, и Вильгельма II, главным приоритетом внешнеполитической доктрины которого было закрепление за Германией законного «места под солнцем». Экономическая взаимозависимость России и Германии не могла быть проигнорирована правящими кругами обеих монархий. Кайзеровская Германия нуждалась в поставках российского зерна, а Россия – в импорте высокотехнологичных для того периода немецких станков и оборудования [7, с. 35]. Российско-германское сотрудничество и сопровождавшее его соперничество допустимо рассматривать в качестве важной вехи эволюции международных отношений в конце XIX- начале XX вв. Неразрешимые проблемы и противоречия между Россией и Германией в этот короткий, но насыщенный значительными событиями исторический период оказали влияние на судьбу всей европейской цивилизации, облик которой резко изменила Первая мировая война [2, с. 160].

Библиографический список

1. Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность. М., 1964.
2. Из истории буржуазной дипломатии и межимпериалистического соперничества в конце XIX-I пол. XX вв. Сб. статей // Отв. ред. С.С. Григоревич. Томск, 1985.
3. История дипломатии. Дипломатия в Новое время 1871-1914 гг. // Под ред. А.А. Громыко. М., 1963.
4. Николаи Вальтер. Тайные силы // Родина. 1993. №1.
5. Переписка Вильгельма II с Николаем II в 1894-1914 гг. М.-Пг., 1923. Мемуары. События и люди.
6. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952.
7. Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. (Торговые отношения в конце XIX в.-1914 г.). М.: ИРИ, 1996.
8. Фейгина Л. Бьеркский договор. М., 1929.

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА
В НЕФТЕПРОМЫШЛЕННОСТИ КАВКАЗА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ
20 гг. XX ВЕКА**

После Октябрьской революции в нашей стране господствующей идеологией становится марксизм и начинается перестройка исторической науки. Одним из ключевых моментов в дискуссиях этого периода выступил вопрос о роли иностранного капитала и степени его влияния на Россию. Советские историки-марксисты в своих исследованиях исходили из тезиса В.И. Ленина о том, что экономика России конца XIX – XX века подчинена иностранному капиталу [1].

В этой связи монополистические объединения конца XIX – начала XX века рассматривались как результат воздействия извне. Эти взгляды нашли выражение в выдвинутой в середине 20х гг. концепции дочернего происхождения финансового капитала Н.Н. Ванага. Он утверждал, что происходила «монополизация русской промышленности международным банковским капиталом», осуществлявшаяся в «утонченной форме»: «через русские акционерные коммерческие банки» [2, с. 25].

Работа Ванага «Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны», в которой излагалась данная концепция, вызвала бурную дискуссию в среде российских историков. Большинство ее участников не оспаривали решающей роли иностранного капитала в утверждении монополистического капитализма России. Внимание их привлек вопрос о начале и завершении становление монополистического капитализма, степени зависимости народного хозяйства страны от иностранного капитала и т.п. [3, с. 8-16].

Одним из первых советских экономистов, работавших над проблемой иностранных инвестиций в царскую промышленность был Павел Васильевич Оль. Оль начинает свой труд «Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России» с типологии иностранных предприятий. К категории «иностранное предприятие» П.В. Оль счел возможным причислить такие предприятия, где в той или иной мере физически участвуют иностранные представители, а также те, в которых даже в незначительно степени прослеживаются иностранные займы [4, с. 5-8]. В соответствии с данной концепцией около 50% всех иностранных капиталов, вложенных в промышленность России в 1880 – 1913 гг., были иностранного происхождения. Внимание ученого привлекает

факт значительного увеличения закладного капитала иностранных фирм. Он преподносит это как следствие высокой окупаемости предприятий уже в первые годы существования.

Работа П.В. Оля изобилует огромным количеством статистических таблиц по положению как российской промышленности рубежа веков в целом, так и иностранного капитала в ней. За редким исключением они снабжаются авторской оценкой, однако в большинстве случаев Оля воздерживается от нее.

Исследование Оля получает высокую оценку: «Книга П.В. Оля дает богатейший материал по вопросу о деятельности иностранных капиталов в царской России. Автор самым детальным образом изучает роль и степень участия иностранных капиталов – французских, английских, немецких, бельгийских, голландских, швейцарских, шведских, датских, австрийских, итальянских и т. д. – в русской промышленности. Книга снабжена многочисленными таблицами и диаграммами и является капитальным трудом, крайне важным для уразумения зависимости царизма от Антанты» [5, с. 304].

В 20-е гг. выходят специальные исследования, посвященные промышленным отраслям Советского государства, рассматривающие различные аспекты вопроса. Одно из таких исследований, вошедших в серию «Богатства СССР», подготовленное исследователем М.А. Кохом в соавторстве с П.В. Олем «Нефтяная промышленность» [6]. Работа рассматривает геологические, климатические и ряд других особенностей стратегически важной для государства нефтепромышленности. Книга в большинстве своем лишена оценок. Исследователи упускают из внимания, тот факт, что в ряде частных случаях инфраструктура Кавказа к XIX в. была фактически полностью благоустроена иностранными предприятиями. Это приводит к ошибке в оценке причинно-следственной связи: привлечение иностранных капиталов становится следствием усиленного железнодорожного строительства. Написанная, очевидно по работам Оля, статья Коха в целом повторяет описательные работы своего соавтора.

В этой работе в отдельную главу вынесены «районы Черных Гор и передовых хребтов Кавказа» [6, с. 44], зачастую упущенные в работах 20-х гг. И хотя, исторический обзор развития данного нефтепромышленного региона беглый, сам прецедент внимания к региону примечателен.

Еще одна крупная работа, обращающая на себя внимание – это «Иностранный капитал в нефтяной промышленности России 1874-1917 гг.» [7] Л.Я. Эвентова. Отличительной чертой работы является то, что она написана с точки зрения истории технических достижений в кав-

казской нефтепромышленности. Рассматривая начальный период развития отечественной нефтепромышленности, Эвентов выделяет основную причину отказа в 1874 г. от откупной системы – потребности промышленного развития страны. Начавшийся после отмены откупа «рассвет Российской нефтяной промышленности очень скоро натолкнулся на серьезное препятствие. Это препятствие сводилось к недостатку средств, болезни, свойственной обычно молодому капитализму отсталых стран» [7, с. 13]. Своего рода лекарем в этой связи предстают иностранные капиталовложения.

Таким образом, в 20е гг. XX в. был заложен фундамент дальнейшего развития советской исторической мысли по вопросам иностранного капитала в нефтепромышленности. Все исследователи выделяют Кавказский регион – как основной нефтепромышленный центр дореволюционной России. Остальные регионы игнорируются или упоминаются в связи с меньшим преобладанием в них иностранных капиталов и менее динамичными темпами развития. В большинстве своем исследование 20х гг. носят описательный характер. Выводы авторов чаще всего скрываются за нагромождением статистических таблиц, которые по умолчанию должны иллюстрировать ситуацию. Единства по вопросу о роли иностранного капитала в экономике царской России не наблюдается. Заложенные лидерами большевистской партии догматические воззрения о негативной роли иностранного капитала еще не становятся преобладающими. В целом через большинство публикаций 20-х гг. проходит мысль о возможности привлечения иностранного капитала для социально-экономического развития страны.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Избранные произведения в 3-х т. Т.1. М.: Политиздат, 1982.
2. Ванаг Н.Н. Российский капитал в России накануне первой мировой войны. М., 1925.
3. Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитализма в России. М., 1967.
4. Оль. П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925.
5. Павлович М. П. В. Оль. Иностранные капиталы в России // Институт экономических исследований. Труды института. № 3. Петроград, 1922.
6. Кох М.А., Оль П.В. Нефтяная промышленность // Богатства СССР. Выпуск 1. М., 1925.
7. Эвентов Л. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России 1874-1917 гг. М.-Л.: Госплан, 1925.

НАРУШЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В КОЛХОЗАХ АССР НР

История повседневности приобретает все большую значимость при изучении к прошлому человеческого общества. Обращение к условиям быта, проживания, деятельности и социальной адаптации позволяет проследить важные детали в развитии сознания, норм поведения, предпочтений. Однако до сих пор, многие из этих аспектов не получили должного освещения в исторических исследованиях. Во многом неизученными остаются и вопросы изменения повседневной жизни в Автономной Республике немцев Поволжья, в том числе отношение к отдыху и труду сельского населения в годы коллективизации.

В 1934 г., когда создание колхозов было в целом завершено, население Поволжья стало оправляться от тяжелого голода, стали увеличиваться урожаи, возобновился рост поголовья скота, улучшилась оплата труда [1, с. 278]. Однако вопреки активной пропаганде «ударной» работы в посевную и уборочную кампании среди населения было немало людей, которые по своему уклонялись от общественных работ, либо которым приписывалось это уклонение. В печати того времени, несмотря на свойственный для советского времени идеологический пафосом по активному «разоблачению» подобных проявлений нарушения трудовой дисциплины, вполне можно проследить основные особенности проявления мотивации труда в колхозах или уклонения от него.

В кантональной газете сообщалось о проблеме мобилизации масс на выполнение поставленных задач: в бригаде № 1 колхоза «Путь к социализму» на прополках в 1934 г. работало только 5 человек, а остальные ничего не делали или занимались своими делами [2]. Из-за этого пропадали трудодни. Некоторые недобросовестные колхозники не отличались дисциплинированностью и время, отведенное на сельскохозяйственные работы, проводили на рынке, что отражалось на трудоднях. Газета «За большевистские колхозы» освещала нарушение дисциплины колхозников часто в сатирических стихах: «В колхозе «Путь к социализму» / Уборка в разгаре,/ А народ на базаре!/ Тетка Марья с парой крынок / Отправляется на рынок,/ Вслед за нею в путь не близкий / Павел прет с пучком редиски.../ Хоть товару на пятак,/ А трудодень пропал за так» [3]. Комбайнер Лысенко без ведома директора ЭМТС уехал в колхоз «Заветы Ильича», не домолотив 5-6 возов проса.

В результате комбайн 35 дней простоял и бригада бездействовала [4]. Так, нередко колхозники вместо общественных работ предпочитали заниматься своими делами, что часто наносило урон коллективному хозяйству

В печати отмечалось халатное отношение к делу со стороны руководства, которое вело к срывам обеспечения продуктами питания колхозников и потерям урожая. Так, получив деньги от правления колхоза «Власть труда» на покупку хлеба для села, завхоз П.З. Полях потратил их на развлечения, в результате чего колхозники были два дня без хлеба [5]. Безобразное отношение наблюдалось и со стороны руководителей шумейковского колхоза к трактористам, проявившееся в незаинтересованности улучшения их питания и быта. Из письма в редакцию следует, что председатель колхоза Котенко, парторг Иванов и полевод ни одного раза не побывали в тракторном отряде, не поинтересовались, как живут и как работают трактористы. В тракторную колонну № 3 продукты поступали после запроса через 2-3 дня и в половинном размере. Бригадир 2-й бригады Ильин во время доставки ухитрился оставить для себя 8 кг хлеба из пайки трактористов, на что правление не обратило внимание. Другие продукты, (мука, картофель) поступали также в неизвестном количестве, лишь потому, что в тракторном отряде не было весов. Не лучше обстояло дело и с жирами. Молоко давали не равномерно. Один день по 1 литру на человека, а на другой день по поллитра находя при этом какой-то «закон» [6]. Бывали случаи, когда заведующий Шумейковского МТФ совсем отказывался дать молока, мотивируя тем, что «у нас баки на 50 литров, а вам нужно 23 литра на день, а по этому из-за вас не буду половить баки, – берите сразу на два дня целый бак [6].

Нельзя не отметить и халатное отношение администрации колхозов за сохранение урожая. Так в колхозе «Путь к социализму» с трудом спасли урожай после нападения саранчи: «...Не знал и бригадир бригады, что его участок заражен саранчой. Не мало пришлось затратить силы, чтобы заставить их на деле бороться за сохранение урожая. Под большим напором зам. директора было мобилизовано 50 человек колхозников и через два часа саранча была уничтожена» [7]. Неорганизованность в работе руководителей являлась причиной задержки хлебодачи. В колхозе «Власть труда» из-за отсутствия весов и тары не была обеспечена своевременная сдача зерна [8].

Случались и случаи порчи колхозного имущества. Халатное отношение к работе наблюдалось и среди трактористов. Так тракторист Черевко работая в дневную смену уснул, в результате трактор свалился в овраг. В результате дирекция ЭМТС сняла Черевко с работы, лишила

его звания тракториста и отдала под суд [9]. Поэтому газета призывала к необходимости развернуть в колхозах еще больше бдительности за сохранение колхозного имущества. Позднее из колхозов стали исключать за нарушение трудовой дисциплины, в том числе за невыход на работу, за незасыпку семян, по суду, как социально-чуждых [10, л. 71-73].

Так, в повседневной жизни сельского населения республики немцев Поволжья нередко случалось нарушение дисциплины, как со стороны самих колхозников, так и со стороны администрации. причинами тому служили как личные интересы самих колхозников, которые вместо работы в колхозе предпочитали решать свои дела, так и безответственность и некомпетентность колхозных работников и колхозного руководства, что вело в конечном результате к невыполнению обязанностей в срок и порче имущества.

Библиографический список

1. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М., 2007.
2. За большевистские колхозы. 16 июня 1934. № 4.
3. За большевистские колхозы. 29 июля 1934. № 10.
4. Сурово наказать виновников простоя комбайнов // За большевистские колхозы. 29 октября 1934. № 22.
5. Вместо деловых вопросов занимаются пьянкой // За большевистские колхозы. 30 июня 1934. № 6.
6. Когда же кончится мытарство трактористов (письмо в редакцию) // За большевистские колхозы. 30 июня 1934. № 10.
7. Руководители сидят в правлении, а саранча ест посевы // За большевистские колхозы. 23 июня 1934. № 5.
8. Когда же в тракторных отрядах будут хорошо оборудованные походные мастерские // За большевистские колхозы. 22 сентября 1934. № 16.
9. Это должно послужить уроком для каждого тракториста // За большевистские колхозы. 23 июня 1934. № 5.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 120. Д. 119.

РЕШЕНИЕ КАДРОВОГО ВОПРОСА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРОДА ЧАПАЕВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период войны наиболее острой была проблема обеспечения оборонных предприятий рабочей силой [4, с. 328]. Расширяющееся военное производство требовали огромного количества рабочих рук. Например, на заводе № 15 из-за увеличения номенклатурного выпуска продукции потребовало ввода больших контингентов рабочих [5, л. 2-3]. Так, дополнительная потребность снаряжательного цеха 10 завода № 15 составила около двух тысяч человек, цехов 11 и 12 (снаряжательный и прессовый) около тысячи в каждый, от ста до двухсот во вспомогательные цехи и службы. В действующих цехах по выпуску вредных веществ и переработке кислот большого увеличения численности, против имеющейся, не потребовалось, поскольку они уже работали в напряженном ритме. Исключение составил цех № 9 – производство пикриновой кислоты, который развертывался из консервации. Если в первую мировую войну 1914 – 1917 г.г. пополнение завода кадрами было решено за счет ввода солдат старших возрастов (ратников) в качестве рабочих, то теперь основным источником комплектования явилась мобилизация трудоспособного населения. Как отмечалось в докладной записке уполномоченного Государственного Комитета Обороны Докторова в ЦК ВКП (б), в порядке мобилизации только в сентябре – октябре 1941 г. завод № 15 получил 1398 человек, завод № 309 – 2400 человек, а затем дополнительно еще 3968 человек [3]. В 1942 году постановлением Куйбышевского исполкома на заводы были мобилизовано следующие количество людей: №15-2100, №102-1900, №309-4200 [2, с. 17].

На завод № 15 мобилизация в первый год войны произошла за счет эвакуируемых с других заводов Наркомата (в основном, из Павлограда) и около 470 человек выпускников ремесленных училищ и школ ФЗО разных областей. Резкое увеличение приема характерно для первых двух лет войны. На конец первого года войны численность работающих составила 10,3 тысячи человек, при 835 инженерно-технических работниках и около трехсот человек служащих [6, л.13]. В дальнейшем эта численность практически стабилизировалась, в то время как выпуск взрывчатых веществ и боеприпасов из года в год возрастали. Напряженным трудом, творческим решением организационных и техниче-

ких проблем коллектив заводов обеспечил выполнение оперативных заданий правительства по выпуску взрывчатых веществ и боеприпасов.

В 1943 году на заводе № 309 работали 7529 человек рабочих из них свыше 70% рабочих составляли женщины в снаряжательных производствах, а на заводе № 15 преобладал женский труд, доля которого доходила до 75 -78 %, которые в совершенстве овладели традиционно мужскими специальностями. Среди них знатные стахановки военного времени: многостаночники Анна Михайловна Елисеева и Александра Михайловна Савинова, слесарь-лекальщик Зинаида Бонифациевна Чеканова, токарь-лекальщик Анна Аксентьевна Камызина и т.д. Сколько нашим женщинам пришлось выдержать испытаний. Работать надо было много, давать план [8, с. 132].

На заводе №102 количество рабочих рук за первый год войны возросло с 1672 до 2379 человек [10]. Пополнение завода рабочими кадрами осуществлялось за счет местного населения, выпускников школ РУ и ФЗО, за счет мобилизаций трудоспособного населения из других регионов страны [9]. В 1942 г. мобилизованных лиц поступило округленно 3 тысячи человек, в 1943 г. — столько же, в том числе немногим более восьмисот узбеков.

В период тяжелых боев под Москвой для помощи заводу в выполнении оперативного задания Правительства с ноября 1941 г. на заводы №15 и №309 направляются студенты заводского техникума, а также студенты спецфакультета Куйбышевского индустриального института с частью преподавателей кафедры (П.И. Сиднев, Н.Т. Разумов, П.Г. Кузнецов, В.Т. Косолапов) [1, с.137]. Направляется также некоторая часть учащихся из старших классов общеобразовательных школ города и студенты техникума. Студенты первого курса техникума в 1942 г. до сентября месяца проработали на рабочих местах в производстве и к занятиям не приступали. Всего учащейся молодежи в качестве сверхштатных рабочих на заводе оказалось более 800 человек.

В 1941 – 1942 г.г. на завод прибыла большая группа молодых специалистов с высшим техническим образованием: Б. П. Гнивуш, В.П. Орлов, А. Г. Волков, А. К. Михалкин, Б. А. Матюшин, А. А. Климов, Б.Н. Пейсахович, М. А. Никишев, А. Я. Савенков, С. П. Скопцов, П.Я. Смирнов, В. П. Некрасов, Г. Г. Орешников и др., ставшие впоследствии ведущими специалистами и руководителями завода № 309 и других предприятий.

Все работники военных производств подвергались строгой проверке отделами найма заводов и горотдела НКВД.

Библиографический список

1. Есть у биографии начало, нет у биографии конца. (История Сергиевского завода взрывчатых веществ). Историко-экономический очерк. Чапаевск, 2001.
2. Из постановления Куйбышевского исполкома об обеспечении рабочей силой оборонных заводов // Здесь тыл был фронтом (1941-1945): сб. док. и материалов. Самара: Парус, 2000.
3. Книга памяти. В 19 томах. Т.15. – Самара: 1994. С. 148; Вырыпаев А.Ф. Промышленность Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны // Краеведческие записки. Вып. 4. Куйбышев, 1976. С. 117; Из докладной записки обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) характеристика г. Чапаевска // Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Документы материалы / сост. Ю.Е.Рыбалко, А.А.Буданова. Самара: Издательство «Самарский дом печати». 1995.
4. Митрофанова А.В. Рабочий класс Советского Союза в первый период великой Отечественной войны М., 1960.
5. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 2779. Оп. 13. Д. 26.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2700. Оп. 27. Д. 25.
7. Самарская область. География и история, экономика и культура. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. Составители: Э.Я.Дмитриева, П.С.Кабытов. Самара, 1999.
8. Шире обучение молодых рабочих // Чапаевский рабочий. 1942. 25 октября.
9. Чигренев М. В тылу как на фронте // Чапаевский рабочий. 2003. 25 апреля.

Т.А. Архипова

Самарский государственный университет

ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ КИШЕЧНЫХ ИНФЕКЦИЙ В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945)

Развитие человеческой цивилизации сопровождается процессом усиления в обществе роли медицины и системы здравоохранения как социально обусловленной формы осуществления медицинской деятельности. В настоящее время интерес к системе здравоохранения определяется ее местом не только в воспроизводстве человеческого потенциала общества, но и в обеспечении права любого человека на долгую и

активную жизнь. Гарантия соблюдения этого права выступает одним из критериев оценки качества всей социальной системы. Если здравоохранение не справляется со своими функциями, то это оборачивается серьезными потерями в личностном и общественном развитии. Актуальность изучения противоэпидемической и санитарной службы как комплексной составляющей здравоохранения обусловлена дефицитом знаний относительно процессов, происходивших в советском здравоохранении, а полученный опыт важен для современной истории.

Период 1941–1945 гг. характеризуется резким сокращением численности населения и падением качества его здоровья. Ухудшение санитарного состояния и увеличение плотности населения, прежде всего, сказалось на распространении острых кишечных заболеваний и дизентерии. Локализация *брюшно-тифозных заболеваний*, главным образом, отмечалась в населенных пунктах, которые находились в особо неблагоприятных санитарных условиях. Так, уже в августе 1941 г. среди населения г. Куйбышева широкое распространение получили дизентерия и другие желудочно-кишечные заболевания, что могло вывести из строя целые заводы. Первое время эпидемия быстро росла: транспорт стоял, больные лежали в тесных квартирах, общежитиях, заражая окружающих. Особенно большой процент заболеваемости наблюдался среди рабочих эвакуированных предприятий. Горздрав совместно с Областной санитарно-эпидемиологической станцией сделали все возможное, чтобы не допустить эпидемию и ликвидировать ее очаги. Были произведены – очистка города от нечистот и мусора, обработка эпидемических очагов, госпитализация больных и дезинфекция помещений и одежды [1, с. 321-322].

Сыпной тиф – бич всех войн. В годы Великой Отечественной войны сыпной тиф охватил жителей г. Сызрани. Это было связано с тем, что город являлся узловой железнодорожной станцией, где наблюдалась высокая миграция населения. Кроме того, на повышение заболеваемости в г. Сызрани повлияло значительное количество больных сыпным тифом, снимаемых с проходящих поездов. Так, в феврале 1942 г. прибыли рабочие-нефтяники, из них 6 человек сняли с поезда уже больными. Вспышку сыпного тифа среди нефтяников не допустили, благодаря своевременному и правильно проведенному комплексу мероприятий при расселении: изоляция в обособленные помещения, предварительная санобработка, термометрия контактных и т. д. В июне 1943 г. в г. Сызрани сняли и госпитализировали больных сыпным тифом девять детей, из проходящего через станцию эшелона [2, л. 38]. Более того, крупная вспышка сыпного тифа и дизентерии были зарегистрированы среди школьников в Кутузовском и Ставропольском

районах, а также в детдоме в Безенчукском районе, на которое падает 10% от общего числа заболеваемости (всего 615 случаев [2, л. 26-37]). Исполком Областного Совета издал ряд специальных решений о приведении детских домов в должное санитарное состояние. В результате принятых мер значительно улучшилось санитарное состояние детских домов, положение со снабжением их инвентарем, питанием и санобработкой.

Всего в области по группе заболеваний — сыпной, брюшной тиф, дизентерия было ликвидировано очагов: в 1941 г. — 1043, в 1942 г. — 1119, в 1943 г. — 1550, в 1944 г. — 946, в 1945 г. — 798 [2, л. 59]; в эти числа вошла и повторная обработка очагов больных.

Серьезное внимание уделялось изучению сыпного тифа. В 1941 г. этим вопросом занимался Н. В. Геминев. Автор собрал и разработал статистический материал о заболеваемости сыпным тифом по области за ряд лет; разработал поселенную и возрастную заболеваемость; собрал данные о путях сообщения и отходничества по области; однако, работа не была закончена [3, л. 42]. Изыскания по эпидемиологии сыпного тифа продолжались в 1942 г. [3, л. 16].

Не меньше внимание уделялось эпидемиологическим отделом изучению эпидемиологии кишечных инфекций — брюшного тифа и дизентерии. Эти вопросы представлены в тематике 1941 г. темами: эпидемиология брюшного тифа в Куйбышевской области; эпидемиология дизентерии в Куйбышевской области; эпидемиология кишечных заболеваний в г. Куйбышеве; роль мух и тараканов в распространении кишечных заболеваний в г. Куйбышеве.

Таким образом, исключительные трудности коммунального и бытового порядка в период войны создали совершенно неповторимую эпидемиологическую обстановку. Наиболее неблагоприятным годом по заболеваемости инфекционными заболеваниями стал 1942 г., что объяснялось наиболее интенсивной миграцией населения, колоссальным притоком в область и расселением при недостаточном жилом фонде в явно неудовлетворительной санитарной обстановке. Проанализировав движение заболеваемости, следует сказать, что падение заболеваемости не являлось следствием стойко обусловленного санитарного благополучия, а достигнуто было благодаря проведению противоэпидемических мероприятий всей сетью эпидемиологических организаций.

Библиографический список

1. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): документы и материалы. Самара: Изд-во Самарский Дом печати, 1995.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 946. Оп. 1. Д. 3.
3. ЦГАСО. Ф. 4082. Оп. 1. Д. 130.

О.А. Крайнова

Самарский государственный университет

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РАБОТНИКОВ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА В 1946-1950 гг.

Экономика страны развивается, во многом благодаря высокотехнологичной промышленности, которая не может существовать без тесной связи с наукой и вузами готовящих высококвалифицированных специалистов, способных совершенствовать производственный процесс. Промышленность СССР быстро восстанавливалась после Великой Отечественной войны, и в этом немалую роль сыграло сотрудничество ученых и инженерно-технических работников.

Четвертый пятилетний план ставил перед наукой задачу «обеспечения технического прогресса, как условия подъема производства и повышения производительности труда, обороноспособности» [1, л.30]. Немало в этом направлении сделали научные работники Куйбышевского индустриального института – крупнейшего вуза страны. Коллектив института выполнил более двадцати научных исследований. Их результаты были внедрены на одиннадцати предприятиях города Куйбышева [2, с. 3].

Активное участие в научно-исследовательской работе принимали кафедры: промышленного использования тепла, теплотехники и тепловых двигателей, теоретической и общей электроники, технологии металлов и металловедения. Так, в 1947 г. под руководством доцента Л. И. Кудряшева была осуществлена реконструкция компрессорного хозяйства станкостроительного завода, что дало экономию электроэнергии, а на заводе «Автотрактородеталь» сотрудники кафедры провели работу по повышению паропроизводительности котельной, что позволило увеличить выход пара на 70% [3, л.41-42].

Научные сотрудники кафедры теоретической и общей электроники под руководством профессора С. Н. Тельного вместе с инженерами ряда предприятий исследовали функционирование электроплавильных дуговых печей. Результаты внедрялись на заводах города.

В 1948 г. ученые кафедры общей и теоретической химии под руководством доцента А. Г. Саркисова совместно с инженерами внедрили анодно-механическую резку вольфрама на заводе Катэк. На этом же заводе доцент В. П. Зоотов занимался внедрением в производство метода контактной сварки. Н. Г. Шульга и Л. В. Муратов разрабатывали новые способы термической обработки металлов, искали пути повышения магнитных свойств сплавов для металлов, а так же поиском более дешевых и качественных сплавов.

Кроме того, для совершенствования производственных циклов на базе института был организован лекторий. На заседаниях выступали работники производства с лекциями о новых методах труда. К обобщению опыта привлекались студенты старших курсов. Итоги их работы обобщались на лекциях, семинарах и публикациях [4, л.50].

Так же, студенты вели исследовательскую деятельность в научно-технических обществах. Результаты исследований внедрялись в производство во время производственной практики. Во время студенческой практики в 1950 г. студенты института Семенов и Афлитунов на Куйбышевском подшипниковом институте изготовили электрическое реле времени для аппарата электроклепки подшипников. На этом же предприятии студенты Шмелев, Быков, Анаевич занимались конструированием инструментов.

Дипломница З. М. Мамонтьева разработала проект токарно-винторезного станка повышенной точности. В нем были применены новейшие достижения техники: бесступенчатое регулирование скорости, специальные типы шариковых подшипников, введены последние методы термической обработки деталей станка [5, л. 14 об].

Важной формой связи института с промышленностью была организация комплексных бригад ученых и работников предприятий, которые решали актуальные вопросы производства. Первая бригада была организована в 1950 г. на станкостроительном заводе во главе с доцентом А.Н. Чалым-Прилуцким. Бригада изучала методы работы передовиков производства и помогала распространить их опыт на другие заводы.

Таким образом, индустриальный институт являлся не только местом подготовки высококвалифицированных кадров для производства, но и центром научно-технической помощи промышленности. Местом, где ученые, инженеры и рабочие разрабатывали и внедряли пере-

довые технологии в производство. Кроме того, содружество института и промышленности привело к расширению научно-исследовательской деятельности института.

Библиографический список

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.13. Д.163.
2. Волжская коммуна. 11 февраля 1951 г.
3. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 76. Д.109.
4. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 76. Д.502.
5. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 76. Д.502.

О.И. Иванова

Самарский экономический университет

СОСТОЯНИЕ АГРАРНОЙ НАУКИ СССР В 1980-Е Г. И ВНЕДРЕНИЕ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Динамичное развитие экономики и аграрного сектора во многом зависит от способности внедрять и осваивать достижения науки.

В аграрной науке СССР в 1980-е г. исследования велись по двум направлениям. Это борьба с засухой, которой подвержены территории России, Казахстана, Украины. В этих районах было размещено 65% пашни, более 2/3 черноземов, производилось более половины продукции сельского хозяйства СССР. Второе направление исследований связано с организационно-экономическими вопросами.

Например, в Глазуновском районе Орловской области осенью 1980 г. начали создавать безнарядные звенья, которые сначала работали за сдельную оплату без учетов конечных результатов, т.е. оплачивался объем выполненных работ, а не выход продукции. Поэтому стали создавать безнарядные звенья на добровольной основе с переводом на полный хозрасчет. Было организовано обучение людей не только технико-технологическим, но и экономическим вопросам. В 1982 г. в районе было уже 44 звена, в которых было занято 380 человек. С 1987 г. Орловская область начала широко применять арендные отношения. В результате в 1985-1990 гг. по сравнению с 1981-1985 гг. валовая продукция сельского хозяйства возросла на 23,8 %, производство зерна на 58%, фондовооруженность на 42 %. Был также известен положительный опыт других регионов.

На вопрос, почему научные разработки не могли быть применены повсеместно, попытаемся ответить, опираясь на новую институциональную экономическую теорию. С одной стороны, сложившиеся институциональные ограничения (экстенсивный труд без поощрения инициативы работников и т.д.) не могли быть изменены организациями, которые сами являлись частью этой системы. Только организации, противостоящие существующим институциональным ограничениям способны предъявлять спрос на новые знания. Свою роль при этом сыграли также неформальные нормы, правила, мотивы поведения крестьян, которые продолжают действовать, несмотря на изменение формальных институтов, произошедшее в 1990-е гг.

Библиографический список:

1. Николаев О.В. Наука как основа устойчивого развития современной экономики // Вестник Российского государственного заочного аграрного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rgazu.ru/db/vestnic/2011%283%29/economics/009.pdf>
2. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и научн. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

С.С. Кочережко

*Самарский государственный
экономический университет*

СПОСОБЫ И МОТИВЫ УЧАСТИЯ ДВОРЯН В ПОДАВЛЕНИИ ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ

Дворяне-помещики могли участвовать в подавлении восстания опосредованно — посредством направления своих проверенных крепостных в «уланские корпуса» или «отряды копейщиков», а дворяне-чиновники и дворяне-военные могли участвовать напрямую — лично возглавлять карательные отряды или собирать их, проводить следствие и допросы пойманных бунтовщиков.

Е.Н. Марасинова указывала, что дворян на участие в подавлении восстания звал в первую очередь их долг службы перед самодержицей, а не осознание личной опасности [1, с.227]. Изучение обширной источниковой базы (более 900 источников около 160 дворянских авторов: в первую очередь мемуары и официальная переписка) позволяет говорить, что как минимум важны были оба мотива и что в некоторых случаях имело место различие между настойчиво декларируемыми самими дворянами оценками и их истинными, скрытыми мыслями, которые были весьма практичными и приземленными. Главными из этих истинных интересов были два, и оба они были связаны с основными сферами жизни дворянства: во-первых, обеспечение безопасности собственного имущества, во-вторых, поддержание особого авторитета фамилии, что неизбежно упиралось в служебную карьеру. Именно с этими интересами, а не с абстрактным «служением долгу императрице», в сознании дворян соотносилось все, что было связано с их участием в карательных операциях.

Хотя дворяне постоянно декларировали важность процесса подавления восстания, многие представители высшей дворянской родовой знати подчеркивали неprestижность этого вида деятельности, поскольку он не может принести ни карьерного роста, ни весомых наград. Неслучайно П.И. Панин советовал молодому князю С.Б. Куракину лучше

отправиться на заграничную службу (к князю Н.В. Репнину), поскольку не видел «ни пользы, ни чести, ни выгоды войтить ему ко мне в прежнее при своем генерале звание к такому на меня возложенному делу, кое при самом начатии обращается в сыскную разбойникам экспедицию» [2, с.16].

Тот же П.И. Панин, знаменитый своим честолюбием, по итогам восстания счел себя недостаточно награжденным, ведь А.И. Бибиков даже не за поимку Пугачева и не за успокоение половины страны, а лишь за несколько поражений бунтовщикам получил значительное вознаграждение [3, л.4].

Поэтому представители дворянской аристократии, участвовавшие в подавлении восстания, постоянно и даже нарочито подчеркивали значимость этой «комиссии».

Дворянство признавало именно антидворянский характер восстания и прекрасно осознавало личную опасность. В этом отношении интересно проследить мотивацию участия дворян в создании т.н. «уланских корпусов» из собственных крепостных. Такие корпуса начали активно создаваться дворянами с подачи императрицы и А.И. Бибикова в начале 1774 г. (первый пример подали казанские дворяне, а затем ему последовали симбирские, пензенские, саранские, свияжские и некоторые другие дворянские общества) и активно действовали до второй половины года (когда начались проблемы с их снабжением), а окончательно были распущены П.И. Паниным в декабре 1774 г. в связи с разгромом основных сил бунтовщиков и начинающимся голодом [4, с.196-197]. Помещики выдавали по 1 крепостному с 200 душ из своих деревень и брали на себя его содержание (как правило, раскладывали эти затраты на другой крестьян).

При раскрытии мотивации создания этого корпуса дворяне указывали, что стремились не только защитить отечество и императрицу, не только способствовать «общему благу» и не опозориться в глазах потомков, но и «к возстановлению... и соответственной своей безопасности» [5, с. 52-53]. Прямое указание на этот прагматичный мотив на фоне бесконечных высокопарных выражений отлично свидетельствует об истинных мотивах действий дворян. Это подтверждается также и тем фактом, что если поначалу дворяне даже слишком патриотично и восторженно восприняли идею создания таких отрядов, то уже к лету 1774 г. инициативный и жертвенный порыв дворян угас (в июне 1774 г. князь Ф.Ф. Щербатов докладывал императрице, что казанские, симбирские, пензенские и саранские дворяне прекратили снабжать такие корпуса и спрашивал у нее, из каких источников ему финансировать эти отряды [6, л. 29]). Налицо прямая зависимость масштабов, интен-

сивности восстания и заинтересованности дворян в обеспечении отрядов из крепостных крестьян.

Наконец, ссылки на долг службы и неприемлемость нарушить присягу законной императрице вполне можно свести к карьерным притязаниям дворян. Некоторые из них напрямую указывали, что видели в карательной деятельности способ возвращения на службу и продвижения по ней [7, с. 94-95, 146]. В других случаях опасность падения авторитета фамилии ограждала служащих дворян от бегства из подверженных нападениям восставших крепостей и городов [8, с. 649].

Таким образом, мотив «ревности по службе императрице» был скорее средством реализации подлинных интересов дворян, поэтому их участие в подавлении восстания следует расценить не только и не столько как службу императрице, сколько службу в своих интересах и на благо фамилии.

Библиографический список

1. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999.
2. Русский архив. 1876. Т. II.
3. Панин П.И. Записка о несчастливом продолжении службы генерала графа Панина в сравнении его сверстников. 1775 г. // ОР РГБ. Ф. 222. Картон 15. Д. 27.
4. Письмо Панина П.И. Екатерине II от 5 декабря 1774 г. // Сборник РИО. Т. 6.
5. Определение казанского дворянства о собрании конного корпуса войск из своих людей против Пугачева // ЧОИДР. 1864. Кн. 3/4. Отд. 5. 105-106; Речь благодарственная императрице от казанского дворянства // Бибииков А.А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибиикова. М., 1865.
6. Письмо Щербатова Ф.Ф. Екатерине II от 25 июня 1774 г. // РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 497.
7. Державин Г.Р. Записки. М., 1860. Т.3; Записки сенатора П.С. Рунич // Русская старина. 1870. Т. 2.
8. Лукин И.Ф. Жизнь старинного русского дворянина // Русский архив. 1865. Вып. 7. Стб. 916-917; Папав А.В. Против Пугачева // Русская старина. 1904. Т. 118. № 6.

**ЗАТЕРЯННАЯ ЗАПИСКА И ЗАБЫТАЯ «КОНСТИТУЦИЯ»:
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Г.С. БАТЕНЬКОВА В 1822 – 1826 гг.**

Личность Г. С. Батенькова издавна привлекала внимание историков. Тем удивительнее то, что в его биографии остается еще немало «белых» пятен. И причиной тому излишне активный интерес исследователей к одним аспектам и фактам из жизни этой незаурядной личности и недостаточное внимание к другим, не менее важным. Так, слабо изучен «додекабристский» период жизни Батенькова, его мировоззрение в эти годы. Но есть пробелы и там, где исследователи работали активно. Например, хотя деятельность Батенькова в Северном обществе и следствие над ним изучены весьма подробно, почему-то очень мало внимания уделялось любопытному конституционному проекту, который был написан декабристом во время следствия и сохранился в его деле.

Данная работа служит попыткой проанализировать эволюцию политических взглядов Батенькова на ранних этапах путем сравнения двух созданных им документов. Первый – вышеупомянутый конституционный проект 1826 г. Второй – ранее не вводившаяся в научный оборот записка «Опыт теории правительственных учреждений», найденная при обыске в кабинете Батенькова и хранившаяся отдельно от его следственного дела. Она датируется нами 1822 – 1823 гг., а значит, может дать представление о взглядах автора в ранний, «додекабристский» период.

Текст этой записки невелик, схематичен и плохо структурирован. Большая его часть посвящена вопросу деятельности «правительственных учреждений представления», т. е. представительных учреждений. Батеньков пишет, что они должны созываться только императором и работать строго под его руководством. Такая идея законосовещательного органа власти весьма типична для либералов тех лет. Но в записке есть пункт, не вписывающийся в эту концепцию: «В некоторых случаях допускается определение срока, до истечения которого [представительное учреждение] непременно должно быть создано» [1, л. 6]. Здесь наблюдается еще несмелое, но уже сформированное стремление к ограничению самодержавной власти над представительным органом. Очевидно, что Батеньков продолжал думать над этим вопросом, и в конституционном проекте 1826 г. идея получает уже более жесткое оформление: «Палатам собираться в Москве по приглашению государя, если же в течение определенного числа лет приглашения не будет,

то по приглашению вице-президента верхней палаты» [2, с. 137]. Принципиальное отличие парламента, предусмотренного в этом проекте, от парламента, описанного в записке, — его законодательный характер. В единственной имеющейся на данный момент оценке конституционного проекта Батенькова — работе С. В. Осипенко — этот парламент назван совещательным органом [3, с. 50]. Но против этого однозначно свидетельствует пункт о взаимном праве вето («воспретительной силы») у императора и обеих палат. Кроме того, император был ограничен в командовании сухопутной армией — это Батеньков считал одной из гарантий сохранения конституционного строя [2, с. 138]. Таким образом, за три года Батеньков полностью перешел от идеи законосовещательного парламента к идее о законодательном органе власти.

Любопытная черта обоих документов — заимствование традиций английского парламентаризма. В «Опыте...» это наблюдается в отношении парламентской обрядности (как и большинство современников, Батеньков в любом важном деле большое внимание уделял обрядовой стороне): особые одежды депутатов, процедура заседаний [1, л. 13]. В конституционном проекте об Англии напоминает уже сама структура парламента: две палаты, палата «вельмож», включавшая представителей высшего духовенства и т. д. Однако пункт о ненаследственном «вельможестве» (в Англии личные пэры появились только в 1876 г., во Франции — в 1830 г.) показывает, что Батеньков не копировал английскую систему, а только использовал ее элементы, меняя их в соответствии со своими взглядами.

Еще одна характерная для Батенькова черта — требование свобод и гласности. В «Опыте...» он говорит об открытости созыва и работы парламента. В проекте 1826 г. — уже об обширном наборе свобод и прежде всего — о свободе печати. Гласность он считал залогом вовлечения в политику образованных людей. В конституционном проекте эта цель получает развитие: ей служит также привлечение депутатов от университетов и академий.

Конечно, не все положения конституционного проекта находят аналогии в более раннем и более сумбурном «Опыте...». Но описанные выше параллели показывают сохранение и развитие ранних идей Батенькова на «декабристском» этапе его жизни. Кроме того, эти два документа подтверждают самобытность политических взглядов Батенькова, а не заимствование их из проектов декабристов или идей Сперанского (в последнем Батенькова обвиняют довольно часто): его идеи весьма отличаются и от тех, и от других. В этом и заключается особенность положения Батенькова в политическом раскладе тех лет: как в «декабристский» период, так и в те месяцы, когда он был членом Северного общества, он находился между «легальными» реформаторами

Александра I и их оппозицией из тайных обществ. Он пытался выработать политическую концепцию, максимально приемлемую для обеих сторон, и сделал важные шаги в этом направлении. Но реализовать свои планы ему было не суждено.

Библиографический список.

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 264.
2. Батеньков Г. С. Следственное дело // Восстание декабристов Т. 14. М., 1973. С. 19 – 151.
3. Западный В. А. Следственное дело декабриста Г. С. Батенькова // Вестник МГУ. Серия 8. 1984. № 4. С. 54 – 67.
4. Осипенко С. В. Из проектов Г. С. Батенькова по преобразованию государственного устройства. // Вестник МГУ. Серия 8. 2003. № 1. С. 40 – 53.
5. Юшковский Г. С. Батеньков: эволюция личности и мировоззрения в историческом контексте России первой половины XIX века : автореферат диссертации. Томск, 2007

Д.С. Михайлов

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКИМ КРАЕМ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Из всех функций государства управление (распорядительно-исполнительная деятельность) всегда имело особое значение для развития отношений между властью и подданными.

Содержание этой деятельности определял Свод законов Российской империи: «Власть каждого управления вообще состоит: в определении к должностям, коих замещение ему предоставлено; в надзоре за подчиненными местами и лицами; в решении дел и в принятии мер к исполнению законов; в предоставлении высшему начальству» [1, ст.19].

В конце XVIII – первой половине XIX вв. правительством принимались меры по реформированию системы управления на местах. Так в 1796 г., по именному указу, были опубликованы новые штаты губерний [2, с.229]. В Оренбургской губернии, состоящей из 10 уездов, были учреждены: губернское правление, палаты суда (гражданского и уголовного), казенная палата, приказ общественного призрения. Штаты данных учреждений, извлеченные нами из архивных документов, содержат и сведения о жаловании чиновников каждого ведомства [3, л.3–3об; 4].

Штат чиновников Оренбургской губернии (на 1804 г.)

В правлении губернском			
Должность	Число людей	Жалование в год (рубли)	
		одному	на всех
Вице-губернатор	1	1800	1800
Советники	2	600	1200
Губернский архитектор	1	400	400
Губернский землемер	1	500	500
Губернский прокурор	1	600	600
Секретарь	1	350	350
На канцелярских служителей: протоколистов, регистраторов, архивариусов, переплетчиков и прочих и на канцелярские расходы	–	–	10000
В палатах уголовных дел и гражданских дел			
Должность	Число людей	Жалование в год (рубли)	
		одному	на всех
Председатель	1	840	840
Советник	1	600	600
Заседатели от дворян	2	360	720
Заседатели от купечества	2	нет данных	нет данных
В казённой палате			
Должность	Число людей	Жалование в год (рубли)	
		одному	на всех
Вице – губернатор	1	1200	1200
Советники	3	600	1800
Губернский казначей	1	600	600
Ассесоры	2	400	800
Присяжные	4	80	320
Приказ общественного призрения			
Должность	Число людей	Жалование в год (рубли)	
		одному	на всех
Гражданский губернатор	1	нет данных	
Заседатель от дворян	1	жалования особого не полагается	
Заседатель от купечества	1	жалования особого не полагается	
Заседатель от поселян	1	жалования особого не полагается	

Из таблиц видно, что служащие оренбургской губернской имели четко определенную государством структуру, в которой прописывалось и жалование чиновников, если оно полагалось, которое они получали.

Важной составной частью аппарата государственного управления после ноября 1775 г. (учреждение губернских правлений. – Д. М.) в Российской империи являлась система губернаторской власти, элементом которой было губернское правление.

После ноября 1775 г. несколько изменил структуру губернского правления законопроект от 2 января 1845 г. о «Учреждение губернских правлений». Как следует из преамбулы указа, причиной его появления стала необходимость облегчить решение дел и более точно определить обязанности членов губернских правлений [4, с. 4].

Таким образом, в исследуемый период шло постепенное реформирование аппарата управления Оренбургским краем. Создавалась нормативно-правовая база, на основании которой реорганизовывали административное управление на местах с целью повышения эффективной его функционирования.

Библиографический список

1. Свод законов Российской империи (изд. 1832г.). СПб., 1832. Т. XI.
2. Полное собрание законов Российской империи (собрание 1649 – 1825гг.). Т. XXIV. № 17634.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 1300.
4. Полное собрание законов Российской империи (собрание 1825–1881 гг.). СПб., 1846. Т. XX. № 18580.

М.С. Торшина

Казанский (Приволжский) федеральный университет

СТРАТЕГИИ ОБРАЩЕНИЯ ВО ВЛАСТЬ: ТЕКСТЫ ЖАЛОБ И ДОНОСОВ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.)

Существует устойчивая традиция письменного обращения во власть. Легитимная «реплика снизу», прошение, несет в себе опыт диалога с представителями власти. За длительное время существования данного типа коммуникации сложились устойчивые практики подачи информации, сформировавшиеся в стремлении быть услышанным «наверху».

В 168 фонде Национального архива РТ находится коллекция следственных дел I Департамента Сената за период с 1799 по 1840 гг. [1]. Ограничение хронологическими рамками правления Александра I вызвано стремлением опробовать на конкретном материале предположения историков права относительно построения в этот период «правомерной монархии» и формирования элементов административной юстиции [2, с.310-356], что предполагает существенное повышение значимости жалоб и доносов как сигналов о властных злоупотреблениях на местах.

Структура (формуляр) и некоторые элементы содержания прошения заданы как правовая норма. Поэтому логично обратиться к административному законодательству [3]. Помимо правового поля значимым фактором создания текста жалобы являлась сложившаяся практика, традиции, своего рода «обычное право».

Указы первой четверти XIX в., затрагивающие практику составления и подачи просительного документа, во многих случаях повторяют и развивают нормы законодательства XVIII и даже XVII столетия, значительная часть которых сохраняла статус действующих. Правовая практика первой четверти XIX в. выделяется системой реагирования государства на жалобы и доносы. «Жалобные» тексты по мере их накопления инициировали проверки в форме сенаторских ревизий. Также в это время были созданы новые каналы приема «всеподданнейших прошений»: Комиссия прошений в составе Государственного совета и Собственная Его Императорского Величества Канцелярия.

Законодательно устанавливался четкий институциональный порядок прохождения документа, основной центр тяжести «сортировки» сведений приходился на губернские учреждения. Обращение с просьбой напрямую к монарху было чрезвычайно популярно несмотря на категорическое запрещение, повторенное на законодательном уровне только на протяжении XVIII в. более десяти раз. В этом можно видеть как последствие юридической неграмотности населения, так и отражение восприятия обывателем представителей власти: представление о царе как олицетворении высшей справедливости и милосердия и негативный образ чиновничества, «средостения» [4, с. 278].

Несмотря на усилия верховной власти по разграничению просительной и уведомительной документации, в реалиях правовой практики граница между этими двумя коммуникативными жанрами всегда оставалась проницаемой. Проситель, как правило, включает в жалобу элементы доноса (чаще всего – информирование об административных нарушениях), стремясь повысить эффективность своего обращения. Доноситель избегает обозначения подаваемого им документа как

доноса. В первой четверти XIX в. этот термин становится этически неудобным.

Прошения предназначаются для сообщения определенной информации и для эмоционального воздействия на адресата, что находило выражение в композиции и в отборе используемых лексико-фразеологических средств. Для языкового выражения просьбы, мольбы, для описания бедственного положения просителя привлекались экспрессивные средства церковной книжности, элементы «художественности» и обиходно-разговорной речи. Автор излагает факты как в категориях права и государственного управления, так и апеллирует к понятиям Добра и Зла. В тексте просительного документа автор создает себе образ невинной жертвы, в уведомительном – ревнителя законности. В обоих случаях значимым является присутствие в тексте отрицательных персонажей.

Усложнение правил составления прошений вызвало к жизни появление профессиональных «писателей просьб» – «ябедников» на языке того времени, основной контингент которых составляли отрешенные от должности чиновники. Тем не менее, можно утверждать, что незначительное отступление от заданного законодательством шаблона не создавало непреодолимых препятствий в достижении прошением конечной цели его создания. Неверно составленное прошение, как следует из материалов следственных дел, имело возможность дойти до адресата.

Содержание и структура просительного или уведомительного документа задаются законодательными нормами и во многом обусловлены традицией, но при этом текст доноса или жалобы остается продуктом достаточно личным, персональным, «творческим» (даже при штампованном производстве ябеднических текстов профессионалами).

Библиографический список

1. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 168. Оп. 1 – 2.
2. Корф С.А. Административная юстиция в России: в 3 кн. Кн. 1. Очерк исторического развития власти надзора и административной юстиции в России. СПб., 1910. 547 с.
3. Полное собрание законов Российской империи: (Собрание 1-е). СПб., 1830. Т.26-40.
4. Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 458 с.

СОСТОЯНИЕ ПРАВОСУДИЯ ДО РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Прошлое не исчезает, а продолжает жить в накопленном опыте социальной жизни. В истории российской государственности, 1150-летний юбилей которой будет отмечаться в 2012 г., можно наблюдать непрерывный процесс совершенствования (реформирования) системы высших, центральных и местных органов власти и учреждений в целях более эффективного управления обширной территорией страны. Государство и государственная власть как инструмент управления обществом помогли превратить Россию в одну из могущественных держав в мире. Великий русский ученый М.В. Ломоносов писал, что история «дает государям примеры правления, подданным – повиновения, воинам – мужества, судьям – правосудия» [1, с. 8].

Одной из основополагающих идей в русской моральной традиции всегда была идея справедливости. С точки зрения отношения народа к власти это означало, что право судить должны иметь не те, кто служит сильным, а те, кто защищает слабых. Однако реальность была далека от нравственного идеала, что делало судебные органы малоэффективными. «В судах была Россия черна неправдой черной», – такими словами характеризовал И.В. Михайловский эпоху дореформенного суда [2, с. 243]. Дореформенный суд не обеспечивал правосудия. Он зависел от администрации, был подвержен коррупции. Следствие находилось в руках полиции. Суд происходил в отсутствие обвиняемого на основании «бумажных» сведений о деле. Отсутствовала защита обвиняемого, возможность обжалования вынесенного приговора.

Как свидетельствовал И.С. Аксаков, говоря о множестве плохо подготовленных выходцев из «благородного сословия» в судебных учреждениях, «дворянская корпорация не имела в обычае руководиться сознанием, что звание судьи требует и опытности, и особых нравственных качеств, что на дворянах лежит обязанность всевозможно оберегать публичное правосудие» [3, с. 12]. «Большинство судей не только в магистратах и ратушах, но и в уездных судах неграмотны и малограмотны», – указывали деятели судебной реформы [4, с.16].

А.Ф. Кони приводил интересный факт, что когда Н.И. Стояновский поступил в 1841 г. на службу в Сенат, то на весь личный состав этой главной судебной инстанции, состоящей из семи департаментов, только шесть человек имели высшее образование [5, с. 11]. При таком состоянии судейских кадров зачастую лишь секретарь являлся един-

ственным специалистом, имеющим навыки грамотного составления служебных документов: «Для выборных судей не было в законе установлено образовательного ценза, а содержание судьи получали нищенское. Организация суда, взаимоотношение судебных инстанций или, как их тогда называли современники, «одиннадцати мытарств» была чрезвычайно сложной и запутанной... Весь суд, все правосудие сосредоточивалось в канцеляриях, и все многочисленные узлы его сплетались в лице всесильного секретаря» [3, с. 15].

Примеры функционирования органов дореформенного правосудия на местах дает история Самары. В 1780 г. в составе вновь созданной Симбирской губернии был образован Самарский уезд. Самара более 70 лет находилась в статусе уездного города, пока 1 января 1851 г. не была образована Самарская губерния. В течение этих десятилетий здесь функционировали сословные суды. Уездный суд занимался первоначально исключительно делами дворян. В нем работали уездный судья и два заседателя, которые выбирались дворянством и утверждались губернатором. Позднее он стал общим для всего сельского населения уезда и в него были включены заседатели от казенных крестьян. Для рассмотрения судебных дел горожан (купцов, мещан, «цеховых» ремесленников) был открыт городской магистрат. В него входили бургомистры и ратманы, которые выбирались городским обществом на три года [6, с. 290, 292, 296].

Падение крепостного права оказало влияние на все стороны государственного и общественного развития, вызвав другие реформы. Начался постепенный процесс освобождения от всеобъемлющего бюрократического контроля, что означало развитие России в сторону гражданского общества. Этому способствовала одна из самых прогрессивных для того времени судебная реформа 1864 года. Созданная в ходе ее реализации судебная система была признана одной из лучших в Европе. Новые принципы судопроизводства способствовали воспитанию в обществе уважения к суду, укрепляли законность. Однако прочность их утверждения в России вызывала опасения у передовой общественности. И.С. Аксаков писал: «Поразительно коротка память у русского общества... Будьте благонадежны; станете травить суд, пошатнете его прочность, его независимость, — все вернется: и взятки, и мошенничество, и всякое кривосудие!» [7, с. 152].

Уроки дореформенного суда и судебной реформы Александра II показали справедливость мнения, окончательно утвердившегося в современной юридической практике, о том, что «правосудие не может существовать без честного и независимого судейского корпуса» [8, с.21], что качество работы судебной системы связано с уровнем профессио-

нальной подготовки и материального обеспечения судей, а также с тем, насколько эффективно функционирует аппарат суда. Была доказана необходимость тщательного подбора и обучения кадров, чтобы укомплектовать суды сотрудниками, способными по своим профессионально-деловым и морально-психологическим качествам к замещению должностей в этих учреждениях.

Библиографический список

1. Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым. [Репр. изд.]. Архангельск – М., 2006.
2. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905.
3. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905.
4. Кони А.О., Стояновский Н.И. Судебная реформа // Право: еженедельная газета. СПб., 1901. № 2. С.15-17.
5. Чашин А. Н. Основы судебного делопроизводства. М., 2010.
6. Смирнов Ю.Н. Органы власти и местного самоуправления в Самаре с XVIII столетия до получения ею статуса губернского города в середине XIX века // Самара: от прошлого к настоящему. Самара, 2007.
7. Аксаков И.С. Сочинения. Т. IV. М., 1887.
8. Айвар Л.К. Проблемы судейской кадровой политики // Администратор суда. 2008. № 3.

А.Ю. Шепелева

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ГУБЕРНИЙ ПОВОЛЖЬЯ К СОБЫТИЯМ НА БАЛКАНАХ В 1875-1876 ГГ.

Начало национально-освободительной борьбы славянских народов Балканского полуострова во второй половине 70-х гг. XIX века вызвало сочувствие среди народов России. На призывы помощи южным славянам откликнулись все губернии России. Значимым фактором при анализе участия населения Поволжья в освободительном движении южных славян является политическое отношение жителей к событиям на Балканах.

За реакцией населения Поволжья к событиям на Балканах пристально следила полиция. В обзоре помощника начальника Нижегородского губернского жандармского управления П.С. Перфильева об отношении местного населения к событиям на Балканах дается весьма обстоятельный анализ политической и экономической ситуации в России: «Общество тревожно смотрит в будущее, основывая свои взгляды на заграничных и русских газетах, оно смотрит на исход дипломатических переговоров и задумывается над тем, что по неизбежной силе обстоятельств Россия может быть вовлечена в войну в такое время, когда менее всего она желательна» [1, с. 370].

Другой жандарм в Нижегородской губернии, Арзамаского уезда майор Воронин сообщает о том, что в различных слоях общества данного уезда умонастроение возбуждалось описаниями зверских поступков турецких войск в Сербии [2, с. 428].

Немаловажное значение имеет отношение мусульманского населения Поволжья к событиям на Балканах. Обращаясь к вопросу о политическом отношении к событиям в Сербии, губернатор Казани П.И. Скарятин в донесение в МВД отмечал, что татарское население сочувствует туркам и «вероятно желает им тайно помогать деньгами» [3, с. 408]. Опасения вызывало и то, что некоторые татары, находящиеся на службе, по данным губернатора, просили у своих родителей разрешения покинуть войска и направится к туркам. Губернатор также намекал в донесение, что татары Казанской губернии имеют тайные связи с Турцией, так как слишком осведомлены о событиях на востоке. Вследствие чего в Казани были приняты особые меры по ужесточению полицейского надзора за мусульманским населением.

Желая, сохранить политическую стабильность в Казани, губернатор П.И. Скарятин в сентябре 1876 г., т.е. сразу после отправке второго санитарного отряда с казанскими врачами в Сербию, официально запретил сборы в поддержку сербов. Между тем, общественность Казани желала открыть в городе отдел славянского комитета.

По сообщениям начальника жандармского управления Симбирской губернии П.М. фон Брадке татарское население как-то враждебно смотрит на христиан в результате появления разных лиц из Турции [4, с. 379]. Некоторые лица, подозреваемые как турецкие агенты, были выдворены за пределы Симбирской губернии.

Дворянские общества поволжских губерний составляли адреса императору по поводу событий на Балканах. Например, в адресе дворян Самарской губернии подчеркивалось, что дворяне готовы по первому призыву императора исполнить свой христианский долг перед сербами. [5, л. 3].

Однако не все поволжские губернаторы одобряли подобные действия. В Симбирске губернатор Н.П. Долгов – Сабуров предупреждал предводителя дворянства по Курмышскому уезду С.Н. Нейкова о том, что компетенция дворянского собрания не распространяется на подобные дела [6, с. 401]. Во многом руководство губерний административными методами сдерживали население от высказывания своего отношения к событиям на Балканах и роли России в этих событиях.

Революционные организации губерний Поволжья выразили свое отношение к событиям на Балканах. В Саратове существовал революционный кружок, среди членов этого кружка был народник П.С. Поливанов, который аргументировал необходимость участия в событиях на Балканах, тем, что скоро в России начнется революция и неплохо бы приобрести опыт вооруженной борьбы [7, с. 22]. Тем самым народники связывали борьбу на Балканах с революционной борьбой, а не с борьбой за национальное освобождение славян.

Для рассмотрения взглядов общественности поволжских губерний к событиям на Балканах важны воспоминания писателя и публициста В.И. Немировича – Данченко. Автор отмечал, что население поволжских губерний ожидало начало войны. «Славе-те Господи!.. Пойти своих оповестить... Экое ли радостное слово сказал ты!.. спасибо тебе, друг!» [7, с. 105].

Следовательно, в политическом отношении к событиям на Балканах поволжское население относилось сочувственно и взволнованно, в обществе царило ожидание и даже желание войны. Вместе с тем нерусское население в 1875-1876 гг. несколько было встревожено ситуацией на Балканах, в некоторых губерниях даже тайно сочувствовало туркам.

Библиографический список

1. Политический обзор помощника начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Макарьевском уезде П.С. Перфильева об отношении местного населения к событиям на Балканах и о нежелательном вступлении России в войну с Турцией. 2 июля 1876 г. с. Лысково. Секретно. // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник материалов и документов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000.

2. Из донесения помощника начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Арзамаском уезде майора Воронина начальнику управления полковнику Н.В. Комарову об отправке добровольцев в Сербию. 15 января 1877 г. // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник материалов и документов.

3. Донесение казанского губернатора П.И. Скарятин в МВД об отношении татарского населения к событиям на Балканах. 1 августа 1876 г. // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник материалов и документов.

4. Донесение начальника Симбирского губернского жандармского управления П.М. фон Брадке шефу жандармов А.Л. Потапову о реакции татарского населения на борьбу балканских славян. 1 августа 1876 г. Секретно. // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник материалов и документов.

5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 430. (Распорядительные журналы Самарского дворянского депутатского собрания). Оп.1. Д.827. Л.3.

6. Предписание симбирского губернатора Н.П. Долгово-Сабурова Курмышенскому уездному предводителю дворянства С.Н. Нейкова по поводу предлагаемого обращения уездного дворянства к Александру II в связи с войной на Балканах. 6 сентября 1876 г. Секретно. // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник материалов и документов.

7. Немирович-Данченко В.И. По Волге (Очерки и впечатления летней поездки). СПб, 1877 // Аншаков Ю.П., Сквозников А.Н. Волжане в боях за свободу Болгарии и Сербии. 1876-1878 гг. Рукопись. Самара, 2008.

Е.В. Доценко

Самарский государственный университет

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ 1905-1907 ГГ.

В период 1905-1907 гг. в России происходило множество острополитических событий. Сведения об этих событиях и отношении к ним образованной элиты российского общества мы находим на страницах сатирических журналов. Сатира (от латинского *satira* — смесь) — явление смехового мира [1, с. 930-940]. Сатира как способ беспощадного, уничтожающего переосмысления объекта изображения (и критики), разрешающееся смехом может быть направлена как на автора сатиры, как на объект смеха, так и во вне, на другой объект, на окружающую его действительность.

В праздничном, народном смехе, мы видим направленность сатиры на самого смеющегося. Он изображает себя бестолковым дураком, на которого сыплются несчастья. Разрушая мир существующий, отрицая современную ей действительность, сатира утверждает иную, лучшую действительность.

Древнерусская литература сатирического смеха не знала, так как была обличительна, но осмеяния какого-либо явления не допускала, по причине греховности смеха. Традиции отечественной сатирической журналистики, как сложившейся формы образного отрицания, включающие в себя момент идеологического утверждения были заложены «Трудолюбивой пчелой» А.П. Сумарокова, затем изданиями П.М. Херсакова, Н.И. Новикова и др. В XIX веке количество сатирических журналов значительно увеличилось, а в 1905-1907 году они как сатирико-журналистское явление достигли своего расцвета. Они были сфокусированны на политической повседневности, склонны к площадным выражениям, издаваемы на бумаге низкого качества, объемом в 8-16 страниц. [2, с. 215].

В рассматриваемый нами период в России вышло 253 журнала, в обеих столицах было издано около двух третей их общего числа (130 — в Петербурге и 28 — в Москве). Рост числа издаваемых сатирических журналов начался с ноября 1905, и был связан с Манифестом 17-го октября и возвещенных им свобод. «Даруя» свободу печати, авторы Манифеста отменяли для периодической печати стеснения, касавшиеся предварительной цензуры. После апреля 1906, наступает перелом, процесс идет на убыль. Даже некоторое оживление осенью 1907 уже не может сравниться с первым пиком в росте числа сатирических журналов, который совпадает по времени с периодом наивысшего подъема революции — Декабрьским вооруженным восстанием.

Четверть всех изданных в 1905 г. сатирических журналов выпустили по одному номеру, не состоявшись как периодические издания. Конфискации, аресты и другие репрессивные меры заставляли их менять названия или вовсе прекращать свое существование. В целом средняя продолжительность жизни сатирических журналов, впервые вышедших в свет в 1905 г., составляла около месяца [3, с.151].

Злободневные, обоюдоострые, правдивые и ядовитые сатирические журналы по своим политическим пристрастиям делились на либеральные, консервативные и радикальные.

Либеральные журналы, не впадая в крайности консерватизма и радикализма, руководствуясь моральными ориентирами, выступали за радикальные преобразования, ликвидацию самодержавия, экономические реформы. Журналы либерального направления отличались тем, что они занимали умеренную позицию в отношении критики действительного правительства и государственных деятелей, не ставя сатиру на лица во главу угла. Так, в редакционном обращении журнала «Секира» говорилось: ... мы избегаем всяких площадных бесбашенных карикатур даже на тех общественных деятелей, которые явно провинились перед отечеством» [4, с.2].

Следя за соблюдением моральных и эстетических норм в своих творениях, авторы либеральных сатирических журналов, как впрочем и создатели журналов другой политической окраски эмоционально отзывались на основные события и явления первой российской революции: 9 января 1905 года, Манифест 17 октября, Всероссийская октябрьская стачка, Декабрьское вооруженное восстание в Москве, деятельность Государственной думы и т.д, а также на участие в них таких личностей, П.Н Дурново, С.Ю. Витте, Ф.В. Дубасова и других политических деятелей, занимающих важные посты на различных уровнях власти. Николай II в журналах сатирической либеральной направленности изображается мало, по причине его бессилия перед новыми идеями, которые властвуют толпой [5, с.2.]. Тем не менее, бессилие монарха в той российской действительности, часто компенсировалось «полезными» делами царских сатрапов. Так, журнал «Спрут», закрепляет за высшими правительственными лицами символы, в которых передается сущность их личности и деятельности, по мнению авторов: П.Н. Дурново ассоциируется с овсом и свиньей, Ф.В. Дубасов с пулеметом, С.Ю. Витте с обещаниями [6, с. 7]. №10 и 11 «Спрута» конфискованы. Сатирическая журналистика 1905-1906 гг. была направлена вовне, на осмеиваемую реальность, и никогда на автора сатиры, выстраивавшего иной идеальный мир. Сатира эта была ядовитой и злободневной, прибегала к площадным выражениям и пренебрегала моральными устоями. Либеральная сатирическая публицистика хоть и отличалась моральными ориентирами и не впадала в крайности, в главном не уступала. В смеющихся устах сатирической журналистики реальные политические события страны воспринимались образованной частью общества под иным, легкомысленным, несерьезным углом зрения, политические деятели, удостоившись нелестных сравнений с животным или фантазийным миром, осмеивались, и как следствие, переставали быть уважаемыми. Все это, а также попытки обвинить политических деятелей в том, в чем они не несли никакой вины способствовало десакрализации власти.

Успокоение России привело к решительному уменьшению сатирических журналов. К концу 1907 года сатирическая журналистика практически сошла на нет. Но Россия была далеко не устроена. Сохранялось напряжение между либерально и радикально настроенными слоями общества и властью. К концу 1917 года смута разразилась с новой силой, а вместе с ней достигла нового расцвета «новая сатирическая журналистика» [2, с. 220].

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Сатира // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
2. Леонов М.И. Сатирические журналы в фондах СОУНБ // Самарские книжники. № 3. Самара, 2010.
3. Жуков В.Ю. Сатирические журналы 1905-1906 гг. (источниковедческий аспект) // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Л., 1985.
4. Секира. СПб., 1905. №1.
5. Спут. СПб., 1905. №1.
6. Спут. СПб., 1905. №10.

В.С. Миняшев

*Самарский государственный
аэрокосмический университет*

ВОПРОСЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В III И IV ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Закон 3 июня 1907 года ограничил избирательные права большинства населения Один голос помещика равнялся 4 голосам богатых горожан, 68 обычных горожан, 265 крестьян и 543 голосам рабочих [10, с. 1810]. Уменьшения представительства партий, выступающих за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, но вопрос о демократизации избирательного права поднимался и в 3-м и 4-м созывах Государственной Думы Российской империи. Требование демократизации избирательного права содержалось и в 84 % крестьянских наказов депутатам Госдумы, были и наказания, содержащие требования избирательного права для женщин [1, с. 220].

Всего в 1907-1917 гг. в Государственную Думу было внесено 5 законопроектов, предусматривающих введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права: «Об изменении городского избирательного закона» (внесен кадетами) [2], «Проект организации местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права» (внесен социал-демократами) [3], «Об изменении общественного самоуправления в г. С-Петербурге» (внесен трудовиками и социал-демократами) [4], «О всеобщем избирательном праве на выборах в Государственную Думу» (внесен трудовиками) [5] и «Положение о выборах в

Государственную Думу» (внесен кадетами, ранее вносился во II Государственную Думу) [6].

Параметры сравнения	Социал-демократы	Кадеты
Основания избирательного права	Только проживание в пределах территории органа местного самоуправления [3, с. 688]	Проживание, или владение имуществом в городе, или уплата городского налога [2, с. 566]
Возраст достижения избирательного права	20 лет [3, с. 688]	21 год [2, с. 566]
Кто может признать выборы недействительными?	Только само земское собрание или городская дума [3, с. 688]	Только суд [2, с. 571]
Лица, лишённые права голоса	Нет [3, с. 688]	Служащие прокуратуры, полиции, жандармерии, военнослужащие, генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники, непрямые члены присутствий по земским и городским делам, недееспособные [2, с. 566].
Ценз оседлости на выборах в местное самоуправление	Нет [3, с. 688]	6 месяцев [2, с. 566]
Оплата деятельности гласных	Возмещение затрат, связанных с депутатской деятельностью всем гласным (кроме поселкового самоуправления, учреждение которого предполагал закон). Гласные областного земства – освобожденные работники [3, с. 690]	Нет [2, с. 565-573]

Стоит отметить, что законопроект о самоуправлении в Петербурге предполагал ценз оседлости в 1 год [4, с. 698]. Законопроект трудовиков «О всеобщем избирательном праве на выборах в Государственную Думу» предполагал лишь введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, и разделении пространства страны на округа с равным количеством избирателей [5, с. 699].

Законопроект социал-демократов обсуждался в комиссии по местному самоуправлению и был признан нежелательным [7, с. 336]. Предложение кадетов о «четырёххвостке» на городских выборах получило негативное заключение Совета по делам местного хозяйства [8, с. 64-65].

За всю историю Государственной Думы в общем собрании депутатов из законопроектов о всеобщем избирательном праве осуждалось только кадетское «Положение о выборах в Государственную Думу». Это произошло 27 февраля, 8 и 13 марта 1913 года.

А. Я. Аврех отмечал, что законопроект был внесен кадетами в IV Думу с целью показать свой демократизм, и заставить октябристов высказать свои соображения по демократизации избирательного права. [9, с. 57].

Защитниками законопроекта стали кадеты Милюков, Гронский, Волков, прогрессисты Евсеев, Караулов и Афанасьев, трудовики Дзюбинский и Суханов, социал-демократ Скобелев, члены польской и мусульманской групп Яронский и Тевкелев. Их основные аргументы свелись к следующему: 1) В Манифесте 17 октября говорится о дальнейшем развитии избирательного права [10, с. 2103]; 2) Неправедливость уравнения 1 помещика с 260 крестьянами и 543 рабочими [10, с. 2064-2066]; 3) Ссылки на опыт Финляндии и европейских стран [10, с. 1806, 1812, 1813 2071-2073]; 4) Нельзя добиться никаких свобод личности: свободы слова, совести, союзов, без всеобщего избирательного права, так как только оно может гарантировать их исполнение [10, с. 2076, 2194]; 5) Новый закон нужен из-за недостатков закона 3 июня: последний не легитимен [10, с. 2074-2076], депутаты неравномерно распределены по округам (Сибирь и Дальний Восток были представлены в Госдуме 14 депутатами, а Киевская губерния – 15) [10, с. 2097], представительство отдельных областей сокращено или вовсе отсутствует [10, с. 2096, 2206], разъяснениями к закону правительство может влиять на ход выборов [10, с. 2064-2066, 2078-2079, 2102].

Против законопроекта были правые и октябристы. Их аргументы: 1) существование сословного строя, 2) неграмотность населения, затрудняет всеобщие выборы, 3) все разрушители государства, не посланные на каторгу, получают право голоса [10, с. 2087].

Эти аргументы не убедительны, так как во всех странах, где есть всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право имеется много малограмотных людей. Но, убедителен был аргумент Н. Е. Маркова: всеобщее избирательное право дает преимущество тем, у кого больше денег [10, с. 2090].

В итоге правооктябристское большинство отклонило кадетский законопроект. Но уже то, что в «барскую и лакейскую» Думу, было внесено пять законопроектов о всеобщем избирательном праве, и один из них был впервые подвергнут обсуждению, свидетельствовало о моральной победе оппозиции. Это показало, какие фракции реально выступают за ликвидацию пережитков сословности, а какие обслуживают интересы царского режима и правящих классов.

Библиографический список

1. Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997.
2. Об изменении городского избирательного закона // Законотворчество думских фракций 1906-1917. М., 2006.
3. Проект организации местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права // Законотворчество думских фракций 1906-1917. М., 2006.
4. Об изменении положения об общественном самоуправлении г. Санкт-Петербурга // Законотворчество думских фракций. 1906 – 1917. М., 2006.
5. О всеобщем избирательном праве в Государственную думу // Законотворчество думских фракций. 1906 – 1917. М., 2006.
6. Положение о выборах в Государственную думу // Законотворчество думских фракций. 1906-1917. М., 2006.
7. Государственная дума. Третий созыв. Сессия 5. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1912.
8. Далина О. А. Проблемы городского самоуправления в деятельности правительства и Государственной думы в начале XX века. Дисс. на соиск. уч. степ. к. и. н. М., 2004.
9. Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. М., 1981.
10. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 1. Стенографические отчеты. СПб., 1913.
11. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 1. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1913.

Е.С. Досекин

Самарский государственный университет

УЧАСТИЕ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО ВО ВСЕРОССИЙСКОМ ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ 1917-1918 гг.

Всероссийский Поместный Собор был открыт 15 августа 1917 г. [1, л.1] Однако вопрос о необходимости созыва Собора неоднократно поднимался в российском обществе, начиная с XVIII в., когда существующая до этого система церковного управления была преобразована Петром I. Учреждение Святейшего Синода, безусловно, воспринималось православным духовенством негативно. Церковь фактически стала частью государственного аппарата, потеряла свою экономическую самостоятельность. Кроме того власть вмешивалась и в сугубо внутренние вопросы, касающиеся церковных таинств. Достаточно вспомнить, например, указ Петра, обязывающий священников докладывать о любых

антигосударственных высказываниях исповедующихся прихожан. Тем не менее, лишь в начале XX столетия появились реальные предпосылки для изменения установленного положения РПЦ.

16 января 1906 года император Николай II учредил Предсоборное Присутствие, которое должно было в кратчайшие сроки подготовить почву для созыва Собора. К работе в Присутствии, помимо сановников, были привлечены также представители научной интеллигенции, — профессора университетов, — в числе которых, в частности, значился Е.Н. Трубецкой. Кроме работы преподавателем Московского университета, князь на тот момент являлся также редактором журнала «Московский еженедельник», а с октября 1906 г. членом партии мирного обновления (ПМО). Это была одна из немногих либеральных политических групп, в программе которой церковному вопросу был отведен отдельный пункт.

К началу XX в. относятся первые попытки создания в России православной политической организации силами духовенства и околоцерковной интеллигенции. Так, в 1905 г. возникло «Христианское братство борьбы», среди участников которого числились известные религиозные философы, С.Н. Булгаков и П.А. Флоренский. В том же году появился «Союз церковного обновления», переименованный позднее в «Братство ревнителей церковного обновления»[2, с. 51]. Помимо вопроса о реформировании управления церкви и созыва Поместного Собора, указанные организации выступали также с широкой программой политических и социально-экономических преобразований. В 1907 г. мирнообновленцы, остро нуждавшиеся на тот момент в союзниках, даже сделали предложение «братству ревнителей» вступить в ряды партии, которое, однако, членами группы поддержано не было[2, с. 52-53]. Религия и политика, таким образом, тесно переплетались друг с другом, а церковь под лозунгом освобождения и независимости от государственного влияния становилась реальным инструментом, призванным в революционных условиях объединить общество на основе единственно истинного вероучения.

Далеко не все участники либерального движения, в том числе и партии мирного обновления, придерживались подобных взглядов относительно роли и места церкви в политической борьбе. Одним из противников этой точки зрения был Е.Н. Трубецкой. Он видел в церкви не инструмент, а скорее лекарство от духовно-нравственного заболевания, которым страдало, по его мнению, российское общество. Лекарство это становилось тем эффективнее, чем менее церковь зависела и подчинялась государственной власти. Только тогда в обществе могло быть восстановлено утраченное за последние два столетия доверие к церковным институтам. Именно поэтому необходимо было вернуться

к существовавшей многие века традиции соборного управления, о чем Е.Н. Трубецкой неоднократно говорил на Предсоборных совещаниях.

Однако дело созыва Поместного Собора, которое с указа 1906 г. должно было быть устроено в течении нескольких месяцев, растянулось на десятилетие. Лишь после Февральской революции состоялось долгожданное открытие Собора в августе 1917 г. Период, в который произошло это событие, протекавшие в это время процессы не могли не отразиться на деятельности и содержании решений его. С первых дней работы на заседаниях Собора помимо проблем церковного управления, образования, восстановления патриаршества, стали поднимать вопросы политического характера, в обсуждении которых активное участие принимали делегаты от мирян. С целью выработки официальной позиции церкви применительно к текущим событиям по поручению отдела о правовом положении Церкви С.Н. Булгаков составил декларацию «Об отношении Церкви к государству»[3, л. 147].

Декларация была обращена, прежде всего, к соборной аудитории и предназначалась для прояснения церковного самосознания. В ней отстаивалась идея о том, что не может быть положено предела духовному влиянию Церкви. Соответственно отрицательно оценивалась мысль о полном отделении Церкви от государства. В частности в декларации говорилось: «Ни в каком смысле не может быть отделена от жизни или рассматриваться как «частное дело» личности «сия победа, победившая мир», вера наша... Отсюда оцениваем, в частности, и столь распространенную ныне мысль о полном отделении Церкви от государства, т.е. не только внешнем, но и внутреннем отторжении всей государственности от всякого влияния церковного»[3, л. 147]. Согласно документу, церковь по своему внутреннему закону призвана просветлять и преображать все что есть вокруг, а потому она не может быть вне какой бы то ни было сферы: «Когда волею Проведения рушилась в России Императорская власть, и на смену ей ищутся другие государственные формы, Православная Церковь не имеет суждения об этих формах со стороны их политической целесообразности, но она неизменно стоит на своем понимании власти, по которому всякая власть должна быть христианским служением»[3, л. 147 об.].

Декларация была зачитана на пленарном заседании Собора, однако планировавшееся ее детальное обсуждение и голосование не состоялось, и соборной санкции документ не получил. Тем не менее, содержание документа было одобрено такими членами Собора как А.А. Хотовицкий, И.И. Галахов, Е.Н. Трубецкой и др.

Стоит отметить, что Е.Н. Трубецкой принимал самое активное участие в деятельности Собора и был одним из авторитетных его членов. На третьем заседании 17 августа, вместе с М.В. Родзянко он был из-

бран товарищем Председателя [1, л. 22]. Его позиция в отношении церкви еще с участия в Предсоборном Присутствии фактически не изменилась. Он так же, как и С.Н. Булгаков, выступал против отделения церкви от государства и ее невмешательства в политические процессы, вместе с тем отвергая применение церковью политических форм и методов воздействия. Он активно поддерживал кандидатуру митрополита Тихона, избравшегося на патриарший престол, принимал участие в разработке деклараций, сообщений и воззваний к русскому народу, в частности посвященных предстоящим выборам в Учредительное Собрание.

Участие Е.Н. Трубецкого в работе Поместного Собора было ограничено лишь первой его сессией. Зимой 1918 года он был вынужден покинуть Москву и отправиться на Украину, где принял участие в антибольшевистском движении.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 3431. Оп. 1. Д. 4.
2. Головушкин Д.А. Нужна ли России христианская партия? (К вопросу об истории христианско-демократического движения в России в начале XX века) // Гражданин. 2003. №3.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1579. Оп.1. Д. 37.

Д.В. Сахабутдинов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1917 Г. ГЛАЗАМИ ГУБЕРНСКОГО КОМИССАРА (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

После Февральской революции на смену старым органам управления в России должны были прийти новые, однако созданный вакуум власти на местах так и не был заполнен. Органами власти пытались стать земства, а также различные комитеты общественных организаций. Но они не имели рычагов власти и не могли выполнять властных функций. Исследователь февральских событий Д. Дж. Рейли удачно назвал этот процесс на местном уровне «распылением власти» [1, с. 90].

Временное правительство решало проблему власти на местах путем учреждения в губерниях постов комиссаров правительства, заменяв-

ших губернаторов. До конца мая в Казанской губернии сменилось два комиссара — В.В. Молоствов, как председатель земской управы, и А.Н. Плотников. С конца мая до октября 1917 года комиссаром был В.А. Чернышев.

Документы под авторством комиссаров Временного правительства — важные источники по изучению крестьянского движения 1917 года. Эти источники полны фактического материала.

Одним из главных направлений внутренней политики губернских комиссаров и всего Временного правительства стало противодействие самоуправству крестьянских комитетов. В первом донесении Временному правительству от 23 апреля губернский комиссар Плотников (от Молостова донесений не было) фиксирует начало аграрного движения в губернии, отмечая его первые проявления еще в марте. «Для успокоения населения выезжают члены губернских организаций. Волнения приостановились, большая часть расхищенного возвращена», отчитывается комиссар [2, с. 37-38]. Успокоение населения словом, угроза судебным преследованием — были единственным орудием комиссаров Временного правительства в борьбе против крестьян в первые месяцы революции.

Схема реакции губернского комиссара, главного адресата жалоб на захват земли и имущества с мест, была такова: он сносился с начальником управления земледелия для оповещения населения о распоряжениях Временного правительства и с уездным комиссаром, которому поручал принять меры по установлению законности и недопущения самоуправства, на места посылались уполномоченные для разъяснений населению. На этом мероприятия по восстановлению порядка заканчиваются. Но и такие скромные меры в первые месяцы имели определенный успех.

Интересно то, что губернский комиссар обвиняет в земельных захватах самих помещиков, так как те «не входят в переговоры с волостными комитетами, не считая их органами власти» [2, с. 50-51].

Временное правительство предписывало губернскому комиссару не допускать проведения постановлений радикальных аграрных постановлений крестьянских съездов в жизнь. Но ресурсов у исполнительной власти на местах не было — фактически отсутствовал репрессивный аппарат. Репрессивный аппарат — воинские команды в период с апреля-мая до октября 1917 года использовался в основном для подавления противодействия хлебной монополии. На иные цели (например, наведение порядка и возвращение земли и инвентаря собственникам) посылать команду у Временного правительства не было ресурсов.

Губернский комиссар Чернышев прекрасно понимал причины недовольства крестьян. В своих сообщениях он называл причиной аграр-

ных беспорядков «неопределенную земельную политику, породившую опасность, что крестьяне земли не получат» [2, с. 53].

Во второй половине июля – начале августа в губернии наблюдалось все меньше эксцессов. По мнению губернского комиссара это было связано с тем, что большинство земель уже перераспределены, в среду крестьян проникло должное сознание права и необходимость законности. Мнение о том, что в среду крестьян проникло «должное сознание права» представляется не слишком обоснованным (последующие события наверняка разубедили в этом и самого комиссара). Одним из ключевых факторов спада активности крестьян в августе является, на мой взгляд, их занятость в это время на полях, ведь август – время уборки урожая. Именно тогда воинские команды были массово разосланы по уездам для контроля за уборкой хлеба и проведением хлебной монополии.

К осени положение в губернии стало катастрофическим. Лишь в сентябре были распространены на все губернии меры подавления крестьянского движения, разработанные в июле 1917 г. генералом Корниловым для прифронтовых районов. Проект постановления о предоставлении губернским комиссарам особых полномочий для борьбы с революционными выступлениями правительством рассматривался только 12 октября. Эти меры были запоздавшими. Уже в сентябре комиссар рисовал картины народного гнева: «Массы боятся голода... происходят потрясающие картины в пылу народного гнева на почве неудовлетворительной поставки продовольствия, невежества и грубой толпы» [2, с. 446]. В октябре комиссар передал, что население «звереет, состав управ терроризирован» [2, с. 448].

Изучая документы губернского комиссариата можно представить взгляд правительственного чиновника на крестьянское движение в 1917 году.

Библиографический список

1. Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии. Саратов, 1995.
2. Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: сборник документов и материалов. – Сост. Силаева Н.М., под ред. Ионенко И.М. Казань, Татарское книжное издательство, 1958.
3. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Издательство «Стрелец», 2001.

ПРИЧИНЫ И ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ С ОФИЦЕРАМИ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Утверждение о том, что в ходе Революции 1917 г. резко обострились отношения между офицерами и их подчиненными, является практически аксиомой. Но работ, исследующих инциденты с офицерами, относительно немного. И это не смотря на большой интерес, который вызывает история русского офицерства в постперестроечные годы. Наше диссертационное исследование будет посвящено истории черноморских офицеров в 1917 – начале 1918 гг. Безусловно, нельзя обойти стороной такое явление, как конфликтные ситуации с офицерами. В основу изучения этого вопроса положены материалы создаваемой нами электронной базы данных. Каждому офицеру, оказавшемуся участником какого-либо инцидента, посвящена отдельная карточка. Основой источниковой базы являются делопроизводственные документы. Их дополняют опубликованные и рукописные воспоминания, а также материалы крымских газет за 1917 г.

Обстановка на Черноморском флоте в начале Революции была относительно стабильной. Однако за три месяца Революции, по нашим подсчетам, произошел в общей сложности 41 инцидент, в которые было втянуто 46 офицеров.

Таблица 1

Конфликты с участием офицеров и гражданских чинов в марте-мае 1917 г. [1]

	Морские офицеры	Сухопутные офицеры	Гражданские чины	Всего
Выступления нижних чинов и комитетов против офицера	24	7	2	33
Конфликты в среде офицеров	1	2		3
Выступление городской думы против офицера	2			2
Конфликт с соседями	1			1
Не выявлены подробности	5	1	2	8
Итого	33	10	4	47

В табл. 1 дважды включен один человек – ротмистр Черноморской морской дивизии Н.Н. Кришевский. В марте 1917 г. против него выс-

тупили подчиненные солдаты, а в апреле он подал заявление в Севастопольский совет с протестом против действий начальника дивизии.

В целом, по данным табл. 1. прекрасно видно, что подавляющее большинство инцидентов связано с конфликтом между офицером с одной стороны, нижними чинами и комитетами – с другой.

Что являлось причинами конфликтов? Для создания полной картины необходимо обратиться к источникам, относящимся непосредственно к этим инцидентам. Всего нам удалось выявить выдвинутые против офицеров претензии и обвинения по 31 эпизоду (из 41 случая). Как правило, человек обвинялся сразу по нескольким пунктам. Мы сгруппировали эти данные в табл. 2.

Таблица 2

Обвинения, выдвигаемые офицером [1]

Обвинение	подтверждено в ходе расследования	не подтверждено	не выявлены итоги расследования	общее количество случаев
Контрреволюционность	2	6	7	15
Грубость, оскорбления	3		3	6
Плохое обращение с подчиненными	2	1	3	6
Измена, гермаофильство		4	1	5
Бестактность	3			3
Несправедливые и суровые наказания	1	1	1	3
Недостаток опыта, знаний	2	1	1	4
Хищения, спекуляции	2	1		3
Трусость, растерянность	1	1		2
«За прежние проступки»			1	1
«Излишняя храбрость»			1	1
Превышение власти	1			1
Др. претензии и обвинения	1	1	4	6

Исходя из приведенных в табл. 2 данных, а также опираясь на воспоминания и др. источники, можно сформулировать следующие причины конфликтов.

Во-первых, подозрительное и негативное отношение к офицерам со стороны части подчиненных, видевших в них сторонников свергнутого строя, противников произошедшей революции и «революционных свобод». Постепенно начал формироваться образ «врага революции».

Во-вторых, грубость, бестактность и плохое обращение со стороны ряда офицеров к подчиненным в дореволюционное время.

В-третьих, шпиономания и вызванные ей обвинения в неблагонадежности, германофильстве и измене, почти никогда не подтвержденные.

В-четвертых, сведение счетов с офицерами, которые накладывали суровые или несправедливые (по мнению матросов) наказания; с теми, кто был как-то неугоден подчиненным.

В-пятых, попытки офицеров бороться за поддержание дисциплины в условиях начала процесса разложения экипажей.

В-шестых, злоупотребления офицеров своим служебным положением.

В-седьмых, начало попыток со стороны комитетов вмешиваться в компетенцию командира и борьба офицеров с этим явлением (на Черноморском флоте в начале Революции это было еще слабо выражено как причина конфликтов, но постепенно эта тенденция крепла).

Библиографический список

1. Таблицы сост. по: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3678. Оп. 1. Д. 1; Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117; Ф. 609. Оп. 2. Д. 920; Ф. 716. Оп. 1. Д. 277; Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 10, 15, 31, 43, 44; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 45, 73; Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 333; Приказы командующего Черноморским флотом. 1917 год. Ч. 2; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 70. Оп 3. Д. 497, 795; Ф. 71. Оп. 35. Д. 995; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13150. Оп. 1. Д. 47, 48; Государственный архив города Севастополя. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 32, 33, 34, 35, 36, 40. а также по сведениям опубликованной мемуарной литературы.

Е.Н. Вяльцева

Самарский государственный университет

МИХАЛ ЛЕМПИЦКИЙ: ГОДЫ В САМАРСКОЙ ССЫЛКЕ

Имя Михала Лемпицкого (1818 – 1895), дворянина Плоцкой губернии Царства Польского, не слишком известно даже специалистам, а его жизнь, политические взгляды и конкретная деятельность практически не отражены в источниках. Основываясь на этом, Ю.А. Борисенок в своей статье в журнале «Родина» называет его «типичной фигурой второго порядка» в польском национально-освободительном движении [2, с. 133].

Уже по окончании гимназии Лемпицкий влился в ряды национально-освободительного движения и вкусил тяготы ссыльной [4, с. 12] и эмигрантской жизни. В эмиграции произошло его знакомство с русским анархистом М.А. Бакуниным. Основные положения славянской программы Бакунина оказали большое влияние на взгляды Михала Лемпицкого [2, с. 133].

В 1860 г., находясь в Петербурге, Лемпицкий «домогается» личного объяснения с императором по делам Царства Польского, а когда к императору его не пускают и рекомендуют «жить смиренно, не вмешиваясь не в свое дело»[5, л. 200], составляет письмо наместнику Царства Польского М. Д. Горчакову, в котором излагает несколько предложений насчет порядка управления польскими землями[2, с. 134-135]. За это письмо его и ссылают в Самарскую губернию.

Важнейшим источником по этому периоду жизни Лемпицкого является дело канцелярии самарского губернатора «Положение о сосланном из Царства Польского и находящемся под надзором полиции Михаиле Лемпицком», которое находится на хранении в Центральном государственном архиве Самарской области. Оно состоит из 317 листов, больше половины из которых – документы, связанные с выплатой Лемпицкому денежного пособия. Все послания Лемпицкого к губернатору и другие бумаги, автором которых он является, написаны чужой рукой и лишь заверены его подписью, что может быть как следствием его болезни, так и своеобразным способом выражения протеста, нежелания самому писать унижающие его достоинство подобострастные прошения.

Прибыв в феврале 1861 г. в Самару под надзор полиции, Михал Лемпицкий становится одним из первых политических ссыльных поляков в Самарской губернии. Через год из Плоцка, получив разрешение на год, к нему в Самару приезжает жена Изабелла с тремя детьми (8-летней Марией, 7-летним Михалом и 14-летней Касильдой) [5, л. 183] и остается с мужем до конца ссылки, разделяя все тяготы изгнания, которое продлилось целых 25 лет.

Ежемесячного пособия в размере 50 рублей [5, л. 7] Лемпицкому не хватало для того, чтобы, имея на содержании четырех домочадцев, поддерживать тот уровень жизни, к которому, видимо, привык Михал, а о попытках этот уровень поддерживать может свидетельствовать хотя бы то, что одним из мест проживания семейства Лемпицких был дом чиновника Примерова, расположенный на Саратовской улице [5, л. 146], одной из центральных улиц города. Вследствие этого Михал «за 10 лет пребывания в Самаре прожил собственного состояния 6 тысяч рублей серебром [5, л.122]» и влез в долги [5, л. 171].

Из-за неподходящего климата в Самаре Лемпицкого разбивает паралич, врачи говорят о необходимости лечения кавказскими минеральными водами [5, л. 3]. Следует длинная череда прошений о поездках в Пятигорск или на хотя бы на Столыпинские минеральные воды, которые часто не удавалось совершить либо из-за слишком поздно полученного разрешения, либо из-за отсутствия нужного количества денег [5, л. 63].

Следует также отметить покровительственное отношение к Лемпицкому со стороны наместника Царства Польского Ф.Ф. Берга, который по собственной инициативе интересовался возможностями для возвращения Михала не родину [5, л. 26]. А позднее по совету самарского губернатора Г.С. Аксакова он обратился в министерство внутренних дел с просьбой разрешить Лемпицкому избрать для проживания местность с более подходящим для его здоровья климатом [5, л. 33].

Сам Лемпицкий тяжело переносит ссылку, что видно из его послания губернатору: «Недостаток, в коем я принужден жить, и постоянное моральное страдание, причиняемое официальным надзором полиции, указывающим меня обществу как человека, который без того мог бы быть вредным, делают на здоровье влияние более пагубное, чем от здешнего климата [5, л. 38]».

В 1871 г. Лемпицкий высочайшим повелением освобождается от надзора полиции [5, л. 124]. А о дальнейших трагических событиях в его жизни мы узнаем из донесения Петербургского градоначальника: в Петербурге Лемпицкий совершает попытку самоубийства, приняв опиумный раствор, но его спасают. Объяснять причину покушения на самоубийство полиции он отказался, но в его номере был найден большой заклеенный конверт с подписью: «Мое завещание Государю Императору, в собственные руки, на ответственность Г.Трепова» [5, л. 155]. В результате этих событий Михала Лемпицкого вновь отправляют в Самару в ссылку.

Трудно с какой-либо долей уверенности говорить о причинах этого отчаянного поступка Лемпицкого, можно лишь предположить, что постоянная нехватка денег, паралич, нахождение длительное время под надзором полиции вдали от родины да и само долгожданное освобождение, которое по сути лишь разрешило ему выбрать для жительства какой-нибудь другой провинциальный город, сыграли в этом свою роль. Но также несомненен и политический подтекст этого события, о чем свидетельствует оставленное на имя императора завещание.

Лишь в 1886 г. Лемпицкого освобождают от надзора полиции, и он с семьей в возрасте 69 лет наконец-то возвращается на родину [5, л. 286]. А через 9 лет, в 1895 г. — умирает [2, с. 133].

Хотя Михал Лемпицкий и не был одним из лидеров польского национально-освободительного движения, так называемым «маленьким человеком» он также не являлся. Мне кажется, отнесение Лемпицкого к «не слишком заметным польским бунтовщикам [2, с. 133]» является несколько упрощенным взглядом на его личность.

Библиографический список

1. Борисенко Ю. Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы. М., 2001.
2. Борисенко Ю. Михал Лемпицкий: «Примирения, любви я жажду для России и Польши» // Родина. 1994. № 12.
3. Пирумова Н. Бакунин. М., 1970.
4. Филь С. Поляки в Ишимской ссылке: первая половина XIX века // Коркина слобода. Краеведческий альманах. 2002. Вып. 4.
5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3 (Канцелярия самарского губернатора). Оп. 153. Д. 1 (Положение о сосланном из Царства Польского и находящемся под надзором полиции, Михаиле Лемпицком).

М.А. Васильченко

*Саратовский государственный
университет им Н.Г. Чернышевского*

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ И КОМУЧ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Мятеж Чехословацкого корпуса, разделивший части корпуса на 4 неравноценные группы привел к разрыву экономических связей внутри корпуса и обязал чехословаков к самостоятельному поиску продовольствия, фуража и боеприпасов. Это обстоятельство создало условия для развития мародерства и спекуляции в советской и современной публицистике по поводу неправомерных реквизиций чехословаками продуктов питания и иного имущества простого народа.

Все экономические сношения с Комучем осуществлялись от имени ЧНС, главное представительство которого находилось в Екатеринбурге. Так 7 сентября 1918 года управляющий финансовым отделом Ф. Шип отправил управляющему отделом иностранных дел Комуча ходатайство, в котором имел «честь ходатайствовать о выдаче ему на нужды ему на нужды Чехословацкой Армии ссуды в количестве 45 000 000 рублей для скорейшего боевого снаряжения и организации настоящей

действующей армии»[1, с. 14]. Документы, хранящиеся в государственном архиве Самарской области подтверждают, что чехословацкое командование регулярно запрашивало необходимые им объемы фуража и другого необходимого товара. Вот пример одного такого требования от 2 октября : «Прошу отпустить для 11-го Чешско-словацкого стрелкового полка продовольственный эшелон 1. Сена – 1000 пудов. 2. Овса – 500 пудов». На требовании наложена резолюция: «Отпустить требуемое количество фуража»[2, л.66]. Кроме того, самарские власти разрешили бесплатный проезд представителям чешской контрразведки в общественном транспорте, как и членам правительства Комуча [3, л.15]. Самарские власти пошли на этот шаг для того, чтобы скорее польстить своим союзникам, так как понимали, что чехи будут в Самаре не долго.

Чем дальше происходил процесс взаимодействия, тем больше разногласий наблюдалось между союзниками по вопросу снабжения. Об одном из конфликтов упоминается в послании ЧНС к Управляющему ведомством иностранных дел при Комуче, и котором чехословаки просят передать им в полное распоряжение походную мастерскую в поезде □ 5,стоящем на станции Безымянка. При этом объясняя это тем, что «что этот поезд в настоящее время для нас необходим и мы его позже, когда получим все нужное с Востока от союзников, можем возвратить». Далее представитель чехословаков выражает недовольство тем, «что в поезде нам категорически отказано». «Исходя из этого, – продолжает он,- я не могу сказать, чтобы чехословацкой армии шли навстречу со стороны русских властей, как того следовало ожидать. У меня имеются донесения, что инженерный русский штаб все наши прошения относительно материалов или инструментов исполняет очень неохотно и иногда даже, как полагают, очень медленно. Дело доходит до того, что скрывают от чехословацких органов те которые материалы или выдают самое худшее. По-моему такие действия со стороны русского инженерного штаба для чехословаков совершенно несправедливы уже по тому простому доводу, что до сих пор большую часть русского фронта удерживает чехословацкая армия»[4, л.35]. Чтобы уладить этот инцидент, иностранный отдел при Комуче обратился с ходатайством в Военное ведомство о передаче этого поезда чехословакам. Объясняя это тем, что в будущем чешские части будут снабжаться союзниками, и передача этого поезда является оценкой заслуг чехословаков перед русским народом. При этом отдел также надеется, что в будущем не будет иметься места для недоразумений между чехословаками и подразделениями военного ведомства [5, л.36]. По этому поводу стоит отметить, что прошение чехословаков было подано 4 сентября перед наступлением советов на Самару. Таким образом, можно сделать вывод что ухудшение на фронте и кризис политики правительства

Комуча неуклонно вели к разногласиям между антибольшевистским правительством в Самаре и Чехословацким корпусом.

Сотрудничество между правительством Комуча и чехословаками происходило и в культурной сфере. Так 28 сентября 1918 г. чехословаки праздновали день своего князя святого Вячеслава, причисленного церковью к лику святых. В «Вестнике Комуча» от 26 сентября было напечатано следующее постановление правительства за номером пятнадцатый. «Дружба и близость чехословацкого народа, его заслуги перед Россией обязывают Совет управляющих ведомствами объявить 28 сентября сего года Днем Святого Вячеслава, днем непростительным и общественным учреждениям и гражданам украсить свои жилища флагами и принять участие в устраиваемом чехами торжестве». Также стремясь наладить сотрудничество с чехословаками на ниве просвещения Самарское губернское земство постановило: «1. Учредить одну стипендию в Самарском университете в 1 тысячу рублей имени чехословаков, предпочтение при назначении этой стипендии должно быть отдано кандидату из чехов, если таковой окажется; 2. учредить стипендию имени Самарского губернского земства в Пражском университете; 3. ассигновать пять тысяч рублей в пользу семей чехословаков, погибших в России в борьбе за народоуправство, передать эти деньги доктору Власаку» [6]. Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что Чехословацкий корпус способствовал консолидации антибольшевистских сил, действовавших в Поволжье. Именно благодаря выступлению Чехословацкого корпуса против советской власти власть в Самаре берет в свои руки Комуч. Дальнейшие события показали, что и у Комуча и у чехословаков была одна цель — борьба с большевиками, что и сделало их временными союзниками, однако, и представители Комуча и чехословаки, прекрасно понимали, что их союз является временным образованием, поэтому уже в октябре 1918 года отказались от своих обязательств, провозгласив принцип — «Наша политика рельсы».

На примере взаимодействия с Комучем наглядно видно, что все контакты носили больше вынужденный характер, так как чешское командование хоть и имело свою точку зрения на проведение операций, но не имело желания ее отстаивать, действуя «с оглядкой», на союзное командование. Экономическое и культурное взаимодействие Комуча носило срочный и минимальный характер в силу быстроменяющейся военной обстановки.

Во многом на позицию чехословаков повлияли не столько неудачи на фронте, сколько отсутствие заинтересованности в русских делах, ставшее прямым следствием процесса «автономизации», под влиянием которых во многом формировалась их отношение к России и происходящим внутри нее событиям.

Библиографический список

1. Voj. ústředním archivu v Praze karton .
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-532.Оп.1.Д.4.
3. ЦГАСО. Ф.Р-402.Оп. 1.Д.19.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.667.О11.1.Д.7.
5. ГАРФ.Ф.667.О11.1.Д.7.
6. Вестник Комуча. 1918. 26 сентября.

Е.А. Пережогина

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

Россия была первым в мире государством, которое ввело институт альтернативной службы. Освобождение от военной службы по религиозным убеждениям стало практиковаться в России еще в XVIII в. В 1762-63 гг. по приглашению Екатерины II в Россию из Пруссии переселились представители Протестантской Церкви — меннониты, убежденные пацифисты, которые помимо протестантских принципов спасения и всеобщего священства проповедовали отказ от любых клятв (в том числе от присяги) и воинской службы. Россия была заинтересована в привлечении этих трудолюбивых людей, и в 1787 г. императорским Указом им была предоставлена льгота — освобождение от военной службы.

В 1874 г. в России была введена всеобщая воинская повинность, это было истолковано меннонитами как требование, несовместимое с их религиозными убеждениями. По этой причине около 50 тысяч человек, примерно треть всей общины, выехало в США и Канаду. Напуганное экономическими последствиями дальнейшей эмиграции членов этой большой и богатой религиозной общины правительство вынуждено было пойти на компромисс. Меннониты не призывались, а переговоры с властями велись до 1880 г., когда в «Устав о воинской повинности» были внесены изменения, согласно которым верующие меннониты освобождались от ношения оружия и отбывали службу в мастерских морского ведомства, а также в качестве пожарных и лесников в

течение времени, равного по продолжительности сроку военной службы. Расходы по содержанию лесных команд производились частично за счет государственной казны, а частично – за счет средств общины меннонитов. Ежегодно такую службу проходило около ста человек [1].

В дальнейшем льгота по освобождению от военной службы была пожалована духоборам, молоканам и последователям других сект. В начале XX в. среди отказников числились евангелисты, баптисты, адвентисты седьмого дня и последователи учения Льва Толстого. В 1908 г. в работе «Закон насилия и закон любви» Л. Н. Толстой писал: «Число людей, признающих несоместимость христианства с покорностью государству, постоянно увеличивалось; в наше же время, в особенности с тех пор, как правительством было введено самое очевидно противоположное христианскому учению требование общей воинской повинности, несогласие людей христианского понимания с государственным устройством стало все чаще и чаще проявляться» [2, с. 20-21].

После революции 1917 г. Советская Россия наряду с Великобританией (1916 г.) и Данией (1917 г.) стала одной из первых стран, признавших в XX веке право своих граждан на отказ от военной службы по соображениям совести.

4 января 1919 г. был издан Декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Он устанавливал альтернативную службу по религиозным убеждениям и даже предусматривал возможность полного освобождения от военной службы. Этот Декрет стал первым законодательным актом Советской республики, дающим реальное право на освобождение верующих от военной службы. Приняв его, Россия обратила на себя внимание мировой прессы и общественности, заслужив положительные отзывы [3, с. 194–196]. В Декрете говорилось: «Лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставить право по решению народного суда заменить таковую на определенный срок призыва его сверстников санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях, или иной соответствующей общепользующей работой, по выбору самого призываемого» [4, с. 195–196].

В начале 1930-х гг. в СССР проводились различные эксперименты по замене воинской службы трудовой повинностью. Так, законом об обязательной воинской службе в редакции 1930 г. (ст. 12.16.52-54) вводился новый вид воинской повинности – военно-производственная служба. Согласно ему, часть призываемых рабочих, инженеров и техников вместо воинских частей направлялась на заводы и фабрики оборонной промышленности (авиационной, судостроительной, химической и др.), где и работали до окончания срока своей службы (2 г.).

Таким образом, предполагалось восполнить кадры квалифицированных рабочих и техников на оборонных предприятиях.

Однако это нововведение встретило большие трудности и, в общем, привело к отрицательным результатам. Военное ведомство считало, что заботиться о них должна администрация промышленных предприятий, которая в свою очередь полагала, что поскольку это военнотрудовые, то и обязанности предприятия ограничиваются лишь их использованием на производстве. Людей назначали на должности без учета их квалификации, что, естественно, сказывалось на зарплате. И в итоге военно-производственная служба постановлением ЦИК СНК от 30 июня 1931 г. была отменена. Институт альтернативной службы просуществовал в СССР до 1939 г., хотя после передачи кураторства над церковью НКВД он стал чистой формальностью. И только спустя более пятидесяти лет Россия вновь возвратилась к вопросам альтернативной гражданской службы.

Из всего вышесказанного можно сделать один главный вывод: даже в царской России, где военная служба считалась делом чести, даже во времена становления советского тоталитарного режима российское государство признавало право человека на альтернативную службу. Демократической же России потребовалось десять лет, чтобы только принять соответствующий закон.

Библиографический список

1. Алеткин Г., Адаменко В. Отказ от военной службы в первые годы Советской власти // *Альтернативщик*. 2008. № 20.
2. Левинсон Л. Альтернатива призыву. Для тех, кто делает выбор. М.: За демократическую альтернативную гражданскую службу, 2006.
3. Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность. М.: Наука, 1969.
4. Декрет Совета Народных Комиссаров от 4 января 1919 года «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» // Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность. М.: Наука, 1969.

ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПЕТРОГРАДСКИХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В 1917-1922 ГОДЫ

Видную роль в организации исследований в дореволюционной России играли научные общества. Петроград, обладающий столичным статусом, занимал первое место по численности ученых и научных учреждений в Российской империи. После Октябрьской революции 1917 г. ситуация не изменилась, изменились условия функционирования всех научных организаций и жизнь ученых.

После революции 1917 г. начала перестраиваться вся система научных учреждений, в том числе и деятельность научных обществ. В Петрограде действовали как городские так и всероссийские научные общества. Начало Первой мировой войны сильно повлияло на численность обществ в столице. Некоторые из них закрылись с началом войны (Российское общество морского права, Общество классической филологии и педагогики и т.д.), тем не менее, несколько обществ были организованы в это время (Русское ботаническое общество, Русское палеонтологическое общество основаны в 1916 г.), а работа других оказалась полностью парализованной уже после революции.

Около половины от общего числа дореволюционных научных обществ Петрограда продолжали работать в 1917-1922 гг. Материалы 29 функционировавших в эти годы петроградских научных обществ, документы которых хранятся в фонде Главнауки в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, легли в основу данного исследования.

Планомерной, систематической работе обществ в этот период мешало многое. Денежные средства научных обществ были конфискованы в связи с национализацией банковской системы, что осложнило и без того тяжело положение обществ. Например, «в момент когда были конфискованы средства [Русского технического] Общества, находившиеся в Государственном банке и частью в Волжско-Камском, Общество оставалось должно по начатым изданиям некоторых типографий» [1, л. 134].

Субсидии и кредиты научным обществам выдавал Наркомат просвещения, причем финансовая поддержка была дифференцированной и во многом зависела от сферы научных занятий обществ. Субсидировались только те научные общества, деятельность которых признавалась государством целесообразной. Интересны формулировки отказа в

финансировании: Обществу естествоиспытателей «в следствии нахождения [Мурманской] Биологической станции в руках империалистов» [2, л. 6] во время иностранной интервенции было отказано в ее финансировании.

Нехватка средств отразилась и на изданиях научных обществ, печатание которых почти полностью прекратилось в 1917-1922 гг.

Надо отметить, что вся работа ученых в обществах была добровольна и безвозмездна, жалование от государства получали лишь несколько единиц личного состава обществ (в основном библиотекари), причем деньги выделенные на оплату их услуг тратились на текущие нужды обществ.

Проблемы возникали и с помещениями, занимаемыми обществами. Одни из них захватывались государственными учреждениями [3, Л. 3-4], в другие самовольно вселялись. У обществ, которым удавалось сохранить за собой помещение, возникали сложности с отоплением и со всей хозяйственной частью [1, Л. 96-98]. По этой причине довольно частым явлением стали собрания на квартирах у членов правления обществ.

Ученые также страдали от недостаточности продовольственного пайка для служащих. Хотя, к 1921 году более 6 тыс. пайков было выделено ученым и их семьям в Петрограде. Конечно эта мера не могла быть популярной среди голодных масс [4, р.58-59].

На значительное сокращение активности научных обществ влияли также постоянные перерегистрации и пересмотры уставов, а, в некоторых случаях, даже аресты членов обществ. Те научные общества, чья деятельность признавалась «целесообразной» вносились в «реестр обществ и союзов».

В таких условиях наиболее доступными формами работы являлись лекции и доклады в узком кругу членов обществ и публичные выступления для широкой аудитории. Вместе с тем некоторым обществам удавалось проводить общероссийские съезды, продолжать работу лабораторий, и станций, снаряжать экспедиции [5, с.48].

В целом можно сделать вывод о том, что деятельность петроградских научных обществ в 1917-1922 годы полностью не замерла, но резко сократилась под влиянием объективных и субъективных причин. Однако и новые общества создавались в этот период (Российское общество радиоинженеров, Общество российских физиологов им. И.М. Сеченова, Научное общество марксистов и др.), что свидетельствует о потребности ученых объединяться и продолжать совместные исследования невзирая на препятствия выдвигаемы самой жизнью в разоренной революцией и войнами стране.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.2555. Оп.1. Д.58.
2. ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д.63.
3. ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп.1. Д. 181.
4. Siegelbaum L.H. Soviet state and soviet between revolutions, 1918-1929. Cambridge University Press, 1994.
5. Бахракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917-1922). М., 1973.

В.С. Замуленко

Самарский государственный университет

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА: УТРАЧЕННАЯ И ВОЗРОЖДЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

Либеральное движение конца 80-х – начала 90-х гг. было самым влиятельным идейным и политическим движением в бывшем СССР. Без него невозможно представить себе победу сторонников Б.Н. Ельцина в 1991 г., равно как и его собственную победу на президентских выборах, проходивших под либеральными лозунгами и при поддержке либеральных партий и движений [13, с. 580]. «Новые либералы» различных оттенков позиционировали себя как преемники и последователи либеральных партий начала XX века. В риторике либеральных партий, и не только, неизменно включались параллели с партиями дореволюционной России.

Так, СПС неизменно позиционирует себя как наследница партии кадетов и теоретиков демократического крыла дореволюционного либерализма [10]. «Яблоко и ЛДПР возводят свои программы и воззрения к консервативному крылу либерализма, представленному партией «октябристов» [3, с. 27-29; 11, с. 8-9] (правда, двум разным его крыльям: к правому и левому соответственно).

Ключевым вопросом становится следующий: существует ли реальная преемственность между возрожденным либеральным течением и его дореволюционным аналогом, или же это связь является идеологическим мифом? Для ответа на этот вопрос сопоставим программы партий ЛДПР, СПС, «Яблоко» с программными требованиями дореволюционных либеральных политических партий и идейных течений, обращая внимание прежде всего на их ценностные приоритеты и пред-

ставления о месте России в мировом сообществе; а также проанализируем социальную базу, на которую опирались партии.

В программах всех партий, находящихся в либеральном лагере, как в дореволюционном, так и в постсоветском, в равной степени представлены ценности классического либерализма: правовое государство, свободное экономическое пространство (за исключением ЛДПР), классические гуманистические свободы [4, с. 12; 7, с. 201-203; 12, с. 8-12; 15, с. 109-114, 201].

Наиболее интересным становится сопоставление партий по внешнеполитическим вопросам, в частности, о роли России в международном сообществе. «Старые либералы» на удивление были едины в представлении о России как о великой державе, и отношении к России как к Российской империи, и в своем отношении к российскому патриотизму и русскому народу не отличались от дореволюционных почвенников, консерваторов. Они воспринимали Российскую империю в ее границах, с необъятными территориями как свою многонациональную Родину. При всем своем либерализме, при всем своем пристрастии к свободе дореволюционные западники испытывали сакральное, почти религиозное отношение к России как Родине [5, с. 234-235].

Напротив, в постсоветском либеральном лагере такого единства найти не удастся. В нем можно выделить три наиболее распространенных течения:

4. «Прозападническое»: — «Россия принадлежит к великой и единой европейской цивилизации. Россия должна активно развивать политические и экономические связи с Западом как с приоритетным партнером и союзником» [9].

5. «Умеренное»: — «Россия должна выступать за партнерство с Западом, но на основе трезвого баланса интересов и возможностей обеих сторон» [8, с. 135; 2, с. 12-14].

6. «Великодержавное» или «национал-державное» [14, с. 116-117]: «Россия великая страна, у которой есть свой, уникальный путь развития. Россия должна быть доминантом на всем постсоветском пространстве [4, с. 12-17].

Одной из главных особенностей возрождения либерализма в нашей стране было то, что основным носителем его идеологии выступал не типичный для Запада «средний класс», или, как для «старого либерализма», крупные предприниматели и землевладельцы, а интеллигенция. Ведущей же темой выступлений либералов стало создание рыночной экономики с целью насыщения потребительского рынка, а не формирование гражданского общества и правового государства (как это имело место на Западе, да и в самой России в начале века). Такой

подход получил в политологической литературе название «потребительского либерализма» [13, с. 580-581].

Наши новые либералы в лице СПС и отчасти «Яблоко», в отличие от дореволюционных либералов, олицетворяют не национальное сознание, а сознание борьбы с ним. Они находятся в перманентном состоянии обороны от традиций державности, от православия и Русской православной церкви, от побед русского оружия, от традиционного российского положения как великой державы. Все это говорит о том, что корни нашего нового западничества следует искать не в традициях дореволюционного либерализма [16, с. 17; 5, с.239-341], а в той исторической ситуации, при которой либерализм возродился как естественная альтернатива социалистической идеологии и советской системе в условиях их острого кризиса [1, с. 635].

Что касается ЛДПР, то ее политика не отличается последовательностью и часто меняется в зависимости от политической конъюнктуры. Для нее характерно государственничество, имперский стиль мышления, социально-демократические лозунги [6, с. 478-479]. Анализ программных положений партии В.В. Жириновского позволяет отнести ее, скорее, к левой части политического сектора. Ориентиры же на национально-патриотическую проблематику позволяют характеризовать ЛДПР не как националистическую партию, а как продолжателя традиции русского дореволюционного либерализма и патриотизма.

В целом необходимо отметить, что либеральные партии начала и конца XX века находились в разной исторической ситуации, их возникновение было ответом на разные вызовы времени. Дореволюционный либерализм имел почти полуторавекую традицию как теоретического наследия, так и опыта государственного строительства. Напротив, «новый либерализм» возник в сложной ситуации разложения и краха социалистической системы, отсутствие теоретической базы и «испытание властью» не позволило ему стать хотя бы сколько-нибудь целостным направлением. Вследствие неудачных реформ и потери электората к началу XXI в. либералы полностью утратили доверие общества.

Библиографический список

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. 708 с.
2. Блок: Явлинский — Болдырев — Лукин. Предвыборная платформа (ноябрь 1993 года). М., 1993. 54 с.
3. Российская Федерация сегодня. М., 2003. № 22.

4. Идеология ЛДПР. М., 2010. 96 с.
5. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. М., 2009. 589 с.
6. Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб., 2007.
7. Мовсесян А.Г. Либерализм и Экономика. М., 2008. 240 с.
8. Минихин О. Российская демократическая партия «Яблоко». Краткий исторический обзор. М., 2003. 144 с.
9. Официальный сайт СПС. URL: <http://www.sps.ru/ideology/> (Последнее посещение 24.11.2011).
10. Официальный сайт «Радио свобода»: «Время гостей» Лидер СПС Никита Белых и политолог Владислав Иноземцев: Прямой эфир Владимира Путина с Россией. Блок «Яблока» и СПС в Москве. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/vg/2005/vg.092705.asp> (Последнее посещение 24.11.2011).
11. Парламентская газета. 2006. 28.03.06
12. Политическая история России в партиях и лицах / сост.: Шелохаев В.В. М., 1994. 304 с.
13. Политические партии России: история и современность / Под ред. проф. А.И.Зевелева, проф. Ю.П.Свириденко, проф. В.В.Шелохаева. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000. 631 с.
14. Российская политика: Курс лекций. М., 2006. 176 с.
15. Секеринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995. 287 с.
16. Ципко А. Размышления о природе и причинах краха постсоветского либерализма // Вестник аналитики. 2004. №3.

Е.И. Викторова

Самарский государственный университет

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС В РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ Г.СЫЗРАНИ)

По мнению М.Урнова, за 15 лет после 1990 года прошло две волны вхождения бизнесменов в политическую власть. Это волна 1993-1996 годов, и сейчас все эти люди уже в элитах. Потом был некоторый застой – приход военных к власти в 1999-2003 годы, когда одновременно 9 глав регионов были военными. Начиная с осени 2004 года бизнес опять пошел во власть, причем не только в законодательную, но и в исполнительную [1].

Рассмотрим эти выводы применимо к политической ситуации в г.Сызрани. В течение 13 лет (с 1991 по 2004 гг.) Василий Григорьевич

Янин, представитель когорты региональных политиков «в чистом виде», был «отцом» города Сызрани, являясь Главой Администрации, спикером ГорДумы и депутатом Губернской Думы. С 1987 года Янин стал занимать руководящие посты на городском уровне – председателя городского Комитета народного контроля [2, л.70, 10, 98], первого секретаря горкома КПСС [3, л.95, 101], председателя Сызранского городского Совета народных депутатов. [4, с.1]

В 1991 году Янин назначается на должность Главы Администрации г.Сызрани [5, л.5], а в 1994 г.избирается депутатом Самарской Губернской Думы первого созыва [6, с.1]. Это стало возможным благодаря тому, что Янин изначально зарекомендовал себя человеком «команды Титова» и неукоснительно следовал этому курсу.

Выборы 1996 и 2000 годов показали огромную популярность Янина среди населения. Этот период был поистине «звездным часом» для политической карьеры Янины, он находился в зените славы, избран на второй (1997 г.) [7, с.1] и третий (2001 г.) [8, с.1] срок в качестве депутата Губернской Думы. За время работы в Губернской Думе, Янин подтвердил свой статус человека губернатора, никогда и ни в чем не подводивший своего лидера. Так, Василий Янин в 2001 году выступил с инициативой создания в Самарской областной Думе фракции Российской партии социальной демократии (РСПД), лидером которой являлся К.А.Титов, и стал ее председателем [9].

Но Василий Григорьевич, «окрыленный успехом», не замечал или не хотел замечать, что в городе стало расти недовольство его деятельностью, и в итоге появилась серьезная оппозиция. Постепенно вокруг Сызранской ГорДумы стали концентрироваться силы, недовольные деятельностью Янина. Но это противостояние – отражение другого конфликта, имеющего под собой не только политическую, но и коммерческую подоплеку. Депутатов поддерживал один из самых влиятельных в городе предпринимателей, генеральный директор ОАО «Пластик» Владимир Симонов, которому политическая власть была необходима для создания условий наибольшего благоприятствования собственному бизнесу.

Конфликт продолжал разгораться из-за подготовки к выборам мэра, когда депутаты решили сформировать собственный избирком в составе девяти человек, причем только два человека были из подконтрольных мэру структур. Утверждение избиркома в таком составе практически передавало выборы в руки команды В.Симонова. [10, с.3а] Однако на Василия Григорьевича работал административный ресурс, его поддерживали губернатор Константин Титов и СДПР.

Выборы мэра и депутатов гордумы были назначены на 19 сентября 2004 года. По итогам голосования была избрана Городская Дума, при

этом 17 депутатов оказались лояльными Владимиру Симонову, и только 8 были сторонниками Василия Янина. Выборы мэра в первом туре не состоялись, поскольку ни один из кандидатов не набрал нужных 50% голосов. Во второй тур вполне прогнозируемо вышли Василий Янин, действующий мэр (31,58%) и Виктор Хлыстов, председатель совета директоров ОАО «Пластик», ставленник В.Ф.Симонова – (24,18%). [11, с.3а]

3 октября 2004 года, сверив результаты второго тура выборов главы города Сызрани, избирком признал победителем Василия Янина. Он опередил своего соперника Виктора Хлыстова на 244 голоса. Но через три дня временная избирательная комиссия (ВИК) объявила, что выборы выиграл Хлыстов. Это стало возможным после того, как ВИК отменила результаты выборов на одном из участков. [12, с.5а] Через неделю после инаугурации Хлыстова Янин, прокурор города Сызрани Г.Токарева и пенсионерка В.Заварзина подали в городской суд иски о нарушении их избирательных прав. Эти иски были объединены в одно дело, слушания по которому из-за многочисленных переносов затянулись на два месяца. После ряда судебных процессов победителем из судебного спора вышел Виктор Хлыстов, Василий Янин отказался от всех своих требований и не стал подавать кассацию на решение суда.

Таким образом, выборы 2004 года в корне отличались от всех предыдущих. И дело не только в том, что на этот раз действующий глава города В.Г.Янин их проиграл, а в том, что это было противостояние двух мощных сил, которые использовали все возможные и невозможные средства для достижения цели. В Сызрани наблюдалась тенденция прихода бизнеса во власть, что являлось отражением ситуации по стране в целом. Получил развитие процесс сращивания бизнеса и политики, который продолжается до сих пор.

Библиографический список

1. М.Урнов. Бизнес и власть в России. Открытый форум 8 июня 2005 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Publ/2005/2005_06/050616_of_piont.html – Загл.с экрана
2. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф.187. Оп.9. Д.875; Оп.10. Д.4; Оп.10. Д.290.
3. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.1474. Оп.87. Д.4.
4. Избран председатель Горсовета // Красный Октябрь. № 220 (18708) от 16.11.1990 г.
5. СФ ЦГАСО. Ф.187. Оп.10. Д.467.

6. Выборы 94: Итоги и выводы // Волжские Вести. № 50 (19455) от 30.03.1994 г.
7. Молчанов А. Новый успех Янина // Волжские Вести. № 190 (20195) от 13.12.1997 г.
8. Результаты выборов депутатов Самарской Губернской Думы 3-го созыва по Сызранскому избирательному округу № 17 // Волжские Вести. № 204 (21150) от 14.12.2001 г.
9. Информационное агентство. Новости Федерации. 27.03.2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regions.ru/news/501336/>-загл.с экрана.
10. Попова О. Янин хлопнул дверью // Самарское обозрение. № 22 (427) от 31.05.2004 г.
11. Абдуллина Л. В Сызрани передумали с мэром. Теперь им стал В.Хлыстов // Коммерсантъ(Самара). №187 (3026) от 07.10.2004 г.
12. Окишев А. Янин возвращается // Самарское обозрение. №58 (515) от 26.12.2005 г.

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Г.С. Раскин

Самарский государственный университет

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

При всем многообразии трактовок термина «историческая реконструкция» в современной исторической науке выделяются два общих пласта его понимания. Историческая реконструкция как проявление историзма мышления вообще, где и прошлое и будущее представляется (воображается, реконструируется) субъектом только на основании изучения настоящего. Другими словами, прошлое какого-либо объекта не существует без привязки к состоянию данного объекта в настоящем. Например, реконструкция внешнего вида глиняного сосуда на основании обломков керамики означает, что именно этого глиняного сосуда уже никогда не будет, однако черепки хранят в себе информацию о том, каким этот сосуд был.

Как сказал И. Д. Ковальченко, «всякое познание, коль скоро оно состоит в отражении сознанием черт и свойств объективной реальности, является реконструктивным» [2, с. 104]. И историческая реконструкция, в данном случае, представляет собой лишь частный случай реконструкции как всеобщего универсального свойства познания. Однако она неотъемлема от него, иллюстрацией чему является классический пример с господином Обывателем, который, даже не осознавая того, мыслит исторически [1, р. 221-236].

Другой пласт восприятия термина «историческая реконструкция» в научной среде связан с пониманием реконструкции как прикладного или вспомогательного метода исторического исследования. И речь здесь, как правило, идет о реконструкции целостности исторического материала (археологические остатки, антропологический материал, утерянная технология, лакуны в цепи конкретно-исторических ситуаций и т.п.). По удельному весу тех или иных мыслительных процедур и задач проводимой реконструкции можно условно выделить три разновидности

сти такого познавательного процесса. В первом случае, процедура реконструкции источника обособляется от непосредственно исторических построений. К такой реконструкции относятся многие методы археологии и реставрации: дендрохронологические, радиоуглеродные, палеоботанические, методы консервации и т.п. Результат их применения можно обозначить как реконструкция простого исторического факта.

В другом случае, процесс реконструкции представляет собой одновременно и воссоздание источника и воссоздание исторической реальности. К этой группе можно отнести реконструктивную и экспериментальную археологию, методы виртуальной реконструкции, историческое моделирование, антропологическую реконструкцию облика на краниологической основе. Получение знаний в процессе такой реконструкции определяет дальнейший ее процесс. Реконструкция источника здесь зачастую протекает вместе с историческими построениями. Причем результаты могут быть зафиксированы таким образом, что не будут требовать, например, проведения повторного эксперимента для их понимания.

Специфика третьей разновидности реконструкций связана с тем, что понимание исторических явлений возможно только при, своего рода, симуляции этих явлений, «вживания» в историческую ситуацию. Сюда относятся методы археологического эксперимента и реконструкция действием (инсценировкой). Результат такого познания не поддается изложению в полной мере. Понимание здесь каждый раз достигается участием исследователя. Именно эта разновидность реконструкции напоминает чистое историческое творчество. Историк, отказываясь на время от возможности собственного воздействия на историю, принимает облик человека прошлого и *якобы* творит историю, пытаясь тем самым понять логику поступков этого человека.

Таким образом, мы выявили два принципиально иных подхода к рассмотрению исторической реконструкции. Они позволяют выдвинуть тезис о том, что любой труд историка реконструктивен и, более того, неоднороден в своих проявлениях. Такой взгляд на историческую науку сквозь призму реконструктивных процедур историков представляется новым, а его практическая ценность связана с совершенствованием исследовательского инструментария. Основной задачей в этой связи становится проведение историографического исследования, где происходит постановка вопросов, как мыслит историк и как он формирует образ исторической реальности, как историк реконструирует историю.

Библиографический список

1. Becker C. Everyman His Own Historian – Annual address of the president of the American Historical Association, delivered at Minneapolis, December 29, 1931 // *American Historical Review*. 1932. Vol. 37, no. 2. p. 221–236.
2. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. АН СССР, Отд-ние истории. М. : Наука, 1987.
3. Кохановский В. П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки. Учебное пособие. Изд. 2. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2006.
4. Кузнецов О.В. Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории // *Известия лаборатории древних технологий*. – Иркутск, 2004. Вып. II.
5. Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск, 1994.
6. Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995.
7. Системная классификация археологической науки на сайте Института археологии и этнографии СО РАН. 2003-2011. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/classarch2/classarch/>
8. Смоленский Н.И. Теория и методология истории : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2011.

А.И. Манькова

Самарский государственный университет

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ «БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ» В РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

На протяжении второй половины XVIII века в социокультурном развитии российского общества происходят качественные изменения, в большей степени отразившиеся на жизни дворянского сословия. Царствование Екатерины II для представителей высшего сословия стало особым периодом, когда произошла трансформация прежних господствующих ценностей наряду с появлением новых альтернативных ориентаций [1, с. 4].

В литературных произведениях мировоззрение и образ жизни дворян екатерининской эпохи получили широкое освещение. Современники, писатели и общественные деятели, создали яркие образы типичных представителей дворянства и выделили их базовые категории ценностей.

Источниковую базу данной работы составили художественные произведения и сатирические журналы второй половины XVIII века («Труть», «Пустомеля», «Живописец» и «Кошелек» Н.И.Новикова; «Друг честных людей, или Стародум» Д.И.Фонвизина; «Почта духов» И.А.Крылова; «Сатирический вестник» Н.И.Стрехова).

При создании образных характеристик представителей привилегированного сословия основное внимание авторы уделяли описанию дворянской морали и нравов, особенностям дворянского образования, стереотипам повседневного поведения. При этом авторы разграничивали дворянскую элиту (аристократию) и провинциальное (поместное) дворянство, что соответствовало существовавшей неоднородности внутри сословия.

В вопросе о моральных ценностях дворянства у писателей преобладало представление о несоответствии дворянского нравственного поведения статусу «благородного сословия», что демонстрирует один из вопросов Д.И.Фонвизина к императрице: «Чем можно возвысить упавшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец нечувственность к достоинству благородного звания? Как сделать, чтоб почтенное титул дворянства было несумненным доказательством душевного благородства?» [2, с. 134].

Особой критике в литературных произведениях подвергается культ моды и европейской культуры, получивший широкое распространение среди дворян второй половины XVIII века. Большинство писателей с осуждением признают ориентацию на «модное» и «европейское» главным моральным принципом, которым руководствовались представители высшего сословия.

При характеристике дворянского образования и основных занятий у авторов преобладают критические оценки современного им дворянства и высмеивание распространенных пороков. Почти во всех произведениях можно встретить подобные описания: «Девушка лет 16 одевается щегольски, во всем имеет хороший вкус, разумеется, в нарядах; часто смотрит в зеркало, женщин почти всех пересушивает, а мужчин часто хвалит. Книг не любит, но, вместо того, превеликая охотница до больших бесед, театральных позорниц и маскарадов» [4, с. 189].

На страницах литературных произведений появляются и герои, олицетворявшие положительные идеалы передового дворянства. Так, некий Добросерд «научен был всему тому, что нужно знать человеку, приготовляющему себя к высшим степеням, так что по справедливости почитался украшением и примером всех молодых дворян их уезда» [3, с. 171].

Но все же подавляющая часть созданных художественных образов была воплощением дворянских пороков, а не образцами добродетелей

и достоинств. В литературоведении это объясняется критическим анализом действительности и желанием писателей донести до дворянской аудитории идеалы высокой нравственности. Предполагалось, что несколько литературных произведений могут успешно оздоровить общество [5, с. 283]. Во второй половине XVIII века художественная литература завоевывает место духовного руководителя общества [6, с.49] и ведущей становится ее «преобразовательная функция» [7, с. 59].

В целом, несмотря на преобладание во второй половине XVIII века сатирического жанра и использование писателями гротеска при создании образов дворянства, в литературных произведениях того времени можно увидеть художественное обобщение важных явлений жизни и по представлениям современников определить систему ценностей российского дворянства.

Библиографический список

1. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М., 1999.
2. Вопросы Фонвизина и ответы сочинителя «Былей и небылиц» // Д.И.-Фонвизин. Избранные сочинения и письма. М., 1947.
3. Пустомеля, июнь 1770 г. // Н.И.Новиков. Смеющийся Демокрит. М., 1985.
4. Трутень, 1770 г. // Сатирические журналы Н.И.Новикова. М.-Л., 1951.
5. Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
7. Мальковская Т.Н. Семья и власть в России XVII – XVIII столетий. М., 2005.

Д.И. Кузнецов

Самарская гуманитарная академия

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Актуальность изучаемой проблемы обусловлена тем, что вопрос о том, кто явился инициатором и организатором «народной войны» 1812 года был основательно искажен в советской исторической литературе в угоду ее основному постулату о ведущей роли народных масс в истории.

В разные эпохи отечественные ученые по-разному отвечали на вопрос о том, кто явился инициатором и организатором партизанского движения во время войны с Наполеоном в 1812 году. Дворянские историки считали таковым императора Александра I. Доказательством этого служили его воззвание к Москве и манифесты от 6/18 и 18/30 июля о созыве губернских ополчений. «Вся Россия должна была ополчиться, — писал генерал-лейтенант А.И.Михайловский-Данилевский. До издания манифеста 6-го июля защита государства была вверена одному только войску», а после призывов царя «свойство войны должно было измениться и принять новый вид», она стала «народной», а точнее национальной [1, с.36, 42, 44].

Следует отметить, что под словом «народ» в XIX веке часто понимали все сословия российского общества. Так, Г. Зельницкий писал, что манифестом Александра «приглашаются все сословия народа восстать против нарушителя спокойствия», что на этот призыв откликнулись «все состояния народа».

Кроме того, смоленское дворянство, «еще до получения манифеста об ополчении отправило к государю просьбу: дозволить временно вооружить до 20-ти тысяч человек или более в подкрепление регулярных войск»; следовательно, «смоленские дворяне первые вызвались на защиту отечества» [2, с. 67, 69.]

В буржуазной российской историографии акценты несколько изменились. Монарх был отодвинут на второй план, и инициатором народного вооружения стали выставляться военное командование и дворянство. Народные дружины стали все чаще отождествляться с партизанскими отрядами, и на повестку дня вышел вопрос, кто же был первым «народным партизаном»? Н.П. Поликарпов писал, что «до сих пор наша историческая литература совершенно неправильно приписывает князю Кутузову идею и осуществление народной войны..., а подполковнику Давыдову — инициативу партизанской войны». Между тем, «архивные первоисточники положительно свидетельствуют, что народная и партизанская войны» возникли еще до прибытия Кутузова: народную войну впервые — в конце июля — возбудили П.Х.Витгенштейн и М.Б. Барклай де Толли, а партизанскую — А.П. Тормасов и Барклай.

При этом заметим, что на рубеже XIX-XX вв. в литературе наметилась тенденция неправомерного именованя народных дружин (кордонов) «партизанскими отрядами». Некоторые советские авторы в своих работах называли все крестьянские отряды партизанскими и резко критиковали своих предшественников. «Дворянские историки, — писал И.И. Ростунов, — немало потрудились над тем, чтобы представить царское правительство в роли организатора борьбы народных масс

против войск Наполеона... Однако исторические факты свидетельствуют о том, что царь и его сановники ничего не сделали для поддержки стихийно возникшего партизанского движения в стране. Они не решались вооружать широкие народные массы». Н.А. Троицкий, в свою очередь констатировал, что «советская историография давно уже опровергла тезис дворянских историков о том, что вождем народной войны против Наполеона был господствующий класс России, которым героически руководил... самодержец Александр I» [3, с. 698].

Таким образом, в советской исторической литературе утвердился тезис, что народные массы России самостоятельно, без разрешения начальства и даже вопреки ему развернули массовую борьбу с вторгшимся в ее пределы нашествием.

«Едва враг переступил границу, — писал Н.Ф. Гарнич, — как в Литве, Белоруссии и на Украине возникла народная, партизанская война»; «литовцы немедленно ответили на разбой и надругательства войск Наполеона быстро разраставшимся партизанским движением», и «в тылу наполеоновских войск от самой границы России развернулось массовое партизанское движение». На самом же деле значительная часть жителей Литвы встречала наполеоновские войска как освободителей, помогала им и вредила русским, а крестьяне Белоруссии скрывались в лесах, отбиваясь от мародеров и грабя имения своих помещиков. Вовсе не мирное население уничтожало здесь запасы, а отступавшая русская армия — свои магазины. Одним словом, никакого «народного партизанского движения» на указанных территориях не было [4, с. 76-77].

Советские авторы постоянно подчеркивали, что «партизанскими» отрядами руководили представители сельской администрации, простые крестьяне, дворовые люди и солдаты. Но в подавляющем большинстве случаев эти отряды были созданы по приказу сверху, а не по их личной инициативе! В связи с этим, не соответствует действительности утверждение исследователя В.А. Федорова о том, что «вопреки бездеятельности царского правительства и общественной инертности большинства дворян, пламя партизанской борьбы перекинулось в Смоленскую, а затем в Калужскую и Московскую губернии» [3, с. 701.]. «Еще до организации командованием русской армии партизанских отрядов, — писал Бычков, — в стране стала разворачиваться самодеятельная, так сказать, партизанская борьба крестьянства». [5, с. 145].

Следует согласиться с мнением авторитетного российского историка Андрея Ивановича Попова, который справедливо полагает и документально доказывает, что в феодальном государстве крепостной человек вряд ли мог свободно, без разрешения помещика и властей взяться за оружие. Даже дворянство должно было испрашивать на это разре-

шения у царя [3, с. 700]. Генерал А.П. Ермолов писал: «Поселяне приходили ко мне с вопросом: *позволено ли им будет вооружиться против врагов и не подвергнуться ли за это ответственности!* Главкомандующий приказал издать воззвание к жителям Смоленской губернии, приглашая их противостать неприятелю» [6, с. 147].

Характерны и слова одного крестьянина, сказанные поручику И.Т. Радожицкому: «Сперва, — говорил один воин-мужичок, — мы боялись бить француза, чтобы нас за это не потянули в суд; когда и удавалось в одиночку загубить нехристя, то прятали окаянных в колодцы и под солому. Ну, уж как пришел приказ из губернского, и нам исправник сказал: «Ребята! Бей француза напрапалую!» — тогда-то мы развернулись» [7, с. 238-239].

Подводя итоги, следует отметить, что «классовый подход» заставлял многих советских авторов идти против исторических фактов и элементарной логики. Они игнорировали тот факт, что в России существовала абсолютная монархия, что от воли самодержца зависело принятие важнейших для страны решений, тем более столь ответственного, как вооружение крепостного люда.

Таким образом, не умаляя заслуг русского народа в победе над армией Наполеона в Отечественной войне, следует заметить, что подвиг, который совершил народ в 1812 году, не был спонтанным, он в значительной мере готовился властью, сначала с помощью пропаганды, затем с помощью организационных мер.

Библиографический список

1. Зельницкий Г. Описание происшествий 1812 г., случившихся в пределах Калужской губернии... М., 1815.
2. Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1812-1815 г. СПб., 1899.
- 3 Попов А.И. Кто был «зачинателем» народной войны в 1812 году? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.8. №3. Самара, СНЦ РАН, 2006.
4. Попов А.И. Партизаны 1812 г. // Исторические исследования: Сб. науч. трудов. Вып. 3. Самара, 2000.
5. Лешинский Л.М. Кутузов и «малая война» // М.И. Кутузов. М., 1947.
6. Записки А.П. Ермолова. М., 1991.
7. Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста. М., 1835.

**БРЕТЕРСТВО В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
КАК ТЕКСТ ПОВЕДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ГРАФА
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ТОЛСТОГО – АМЕРИКАНЦА**

Традиции русской дуэли оформились к началу XIX века. Сторона, считающая себя оскорбленной в ходе конфликта, обращалась к оскорбителю с требованием сатисфакции, то есть удовлетворения, после чего обидчик и обиженный прекращали всяческое общение и выбирали своих представителей – секундантов, которые и договаривались о месте, времени и характере поединка [14, с. 230]. Единого дуэльного кодекса в России первой половины XIX века не существовало [7, с. 93]. Оружием дуэли были пистолеты.

Широкое распространение дуэлей способствовало появлению в молодежной дворянской среде слоя заядлых дуэлянтов – бретеров. Понятие «бретер» восходит к французскому «brette» – шпага и, согласно словарю В.И. Даля, характеризует человека, готового драться по любому поводу, забияку, буяна, провокатора [8, с. 248]. Сходной точки зрения придерживается и И. Рейфман: «Бретеры проявляли чрезмерную щепетильность в вопросах чести, дрались на дуэли при малейшей провокации и принимали исключительные меры для вынуждения не склонного драться противника принять вызов» [18, с. 29]. Ю.М. Лотман в своей работе: «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века)» определяет бретеров как хранителей дуэльных традиций, культивировавших дуэль до смертельного исхода [14, с. 239]. Таким был, к примеру, А.И. Якубович, один из участников событий дуэли В.В. Шереметева с А.В. Завадовского 1817 г. из – за балерины Истоминой [7, с. 69].

Бретерство было широко распространено как в России, так и Западной Европе, где, собственно, и родились дуэльные традиции [17, с. 229], [5, с. 42]. В России отдельные черты бретерства, такие как готовность драться на дуэли по малейшему поводу, стали текстом, то есть сообщением, показателем повседневного поведения многих представителей дворянского общества, в том числе и будущих декабристов, а также А.С. Пушкина [16, с. 129], [4, с. 176], [10, с. 218]. Проблема бретерства как части дуэльной культуры представляет на мой взгляд, достаточно большую актуальность для исследования, во – первых, в силу своей малоизученности, во – вторых, по причине того, что дает интересные сведения о повседневной жизни части дворянства. Для

исследования данной проблемы я хочу рассмотреть основные черты бретерства как текста поведения русского дворянина на примере одного из самых скандальных личностей России XIX в – графа Федора Ивановича Толстого – Американца (1782 – 1846), участника Кругосветного путешествия Крузенштерна и Лисянского 1803 – 1806 г., за дурное поведение высаженного на один из Алеутских островов, по причине чего и получившего прозвище Американец [11, с. 54], [9, с. 178 – 179], [3, с. 101].

Библиографический список

1. Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930-х – 1970-х гг. М., 1978.
2. Булгарин В.Ф. Воспоминания. Часть пятая. Глава III. М., 2001.
3. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000.
4. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб., 1998.
5. Гамильтон, Дж. Оружие и правила дуэлей. М., 2008.
6. Герцен А.И. Былое и думы. М., 1969.
7. Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1996.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998
9. Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991
10. Кацура А.В. Дуэль в истории России. М., 2006.
11. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803. 4. 5. и 1806 годах. Часть Первая. СПб., 1809.
12. Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства Пушкинской поры. Приметы и суеверия. М., 2006.
13. Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства Пушкинской поры. Этикет. М., 2007.
14. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). СПб., 1994.
15. Лотман Ю.М. Люди и знаки // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2010; Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995.
16. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятия текста // Ю.М. Лотман. Избранные статьи. Т. 1. Таллин., 1992.
17. Новоселов В.Р. Дуэльный кодекс: теория и практика дуэли во Франции XVI века // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001.
18. Рейфман И. Ритуализированная агрессия: дуэль в русской культуре и литературе. М., 2002.
19. Толстой С.Л. Федор Толстой Американец. М., 1990.

**САМАРСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ САМАРСКОГО КРАЯ**

На сегодняшний день периодическая печать дореволюционного периода вызывает несомненный интерес среди исследователей специализирующихся по различным историческим, политическим, экономическим, правовым и культурологическим темам. Издания того периода содержат огромный пласт информации, не известной современной широкой публике, ярко характеризующей различные стороны жизни российского общества середины XIX – начала XX вв.

Время общественного подъема конца 50-х гг. XIX в. ознаменовалось некоторым оживлением в области печатного дела. Значительный толчок развитию печати в стране далее реформы 60-х гг. В начале 1863 г. были сняты ограничения в отношении публикации объявлений, коммерческой рекламы, что привело к материальному укреплению изданий. Таким образом, появления «Епархиальных ведомостей» как отдельного периодического издания в этот период было не случайным и достаточно благоприятным для его развития.

Впервые программа «Епархиальных ведомостей» была составлена в 1853 г. Херсонским архиепископом св. Иннокентием (Борисовым) [3, с. 493]. К 80-м гг. XIX в. «Епархиальные Ведомости», по распоряжению Синода, повсеместно становятся печатным органом различных епархий.

«Самарские епархиальные ведомости» начали выходить 1 января (по ст. стилю) 1867 г. при Самарском епархиальном братстве святителя Алексея и издавались два раза в месяц 1 и 15 числа каждого месяца. В 1877 году П.В. Алабин в своей публикации «Двадцатипятилетие Самары как губернского города», отмечает: «Вообще Самарские епархиальные ведомости издаются очень добросовестно, аккуратно и опрятно. Цена годовому изданию ведомостей неизменная, с начала издания, с пересылкою во все места империи: годовая – 4 р. и полугодовая – 2 р. 50 к. Выписка ведомостей обязательна для всех церквей епархии; печатается их 800 экземпляров. Из них около 660 рассылается церквам епархии и около 100 экземпляров отсылается частным подписчикам и в обмен на получаемые редакцией газеты и журналы» [1, с. 156-157].

Самарские епархиальные ведомости, как и большинство подобных изданий, состояли из 2-х частей: официальной и неофициальной с отдельной сквозной нумерацией каждой части. Официальная часть включала в себя Указы Святейшего Синода, Известия по общецерков-

ному управлению, Распоряжения местного и духовно-училищного начальства, различные епархиальные известия. Неофициальная часть составлялась из речей, проектов, статей духовного содержания по вопросам богословия, общей истории церкви, религиоведения, обсуждались вопросы, связанные со старообрядчеством, сектантством, христианизацией магометан и язычником на территории епархии. Здесь помещались очерки по истории края, медицине, краеведению.

Наряду с высшими чинами церковного управления соавторами этой неофициальной части становились обычные приходские священники, которые, описывая те или иные проблемы жизни прихода, давали детальное описание прихожан, их традиционного быта, верований, культурных особенностей. В данных очерках ярко описываются материальная культура народов края, уделяется особое внимание инородческому населению, как наиболее непривычному взгляду священнослужителя [4]. Еще большее внимание уделяется духовной жизни инородцев. Миссионерская деятельность по привлечению в православие и удержанию в лоне церкви представителей мордовского, чувашского, а иногда и татарского (магометанского) этноса для многих сельских священников Самарской епархии было делом каждодневных приходских забот.

Вторым интересным блоком публикаций в неофициальной части являются очерки о миссионерской деятельности связанной с общением со старообрядческим населением и представителями сект на территории края. В обязанность каждого священника входило отслеживание количества старообрядцев и сектантов, предоставление этих сведений епархиальному начальству (печатались в официальной части), обязательные беседы с представителями сект среди населения своего прихода, и всяческое содействие переходу их в православие. По итогам этой деятельности священники писали различные виды отчетов, – подробные или более скупые статистические – которые становились полноценным публикациями на страницах ведомостей.

Третий блок публикаций посвящен традиционному быту русского православного населения приходов Самарской епархии. Здесь священники уделяют особое внимание описанию обрядов календарного и семейного цикла, наличию в них дохристианской языческой традиции. Очень живописными и эмоционально окрашенными являются очерки, связанные с годовым циклом праздников, проведением вечеров и посиделок среди молодежи, традицией устройства помочей в выходные дни. Особое внимание со стороны приходского священника, как блюстителя морально-нравственного облика прихожан, уделяется вопросам, связанным с изменением жизни сельского населения в конце XIX – начале XX вв. [2]. Пьянство и появление кабаков, моральное разложение, появление различных городских новшеств в де-

ревне, их влияние на крестьян – все это оказывается в поле зрения сельского священника.

Таким образом, обращение к «Самарским епархиальным ведомостям» дореволюционного периода сегодня представляет факты, сведения первичного характера, интересные исследователям из различных областей знания. Для характеристики этнической специфики края ведомости дают информацию, связанную с материальной и духовной культурой народов, спецификой обрядовой жизни середины XIX начала XX века. Кроме того, учитывая продолжительность издания с 1867 по 1917 год представляется возможным проследить трансформационные изменения традиционной культуры населения Самарской губернии под влиянием исторических реалий.

«Самарские епархиальные ведомости», отражая в себе специфику Самарского края как полиэтничного и поликонфессионального региона, являются одним из ценнейших источников изучения народов Самарского края на современном этапе развития исторической и этнографической науки.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877.
2. Архангельский И. Народные обычаи в селе Кракове Самарского уезда // Самарские епархиальные ведомости (СЕВ). Ч.н. 1875. № 3. С. 68-72; № 4. С. 89-92; № 9. С. 209-215; № 15. С. 337-344; № 20. С. 447-451; № 23. С. 526-527; 1876. № 6. С. 127-141; № 11. С. 250-263; № 19. С. 398-406; № 22. С. 459-470.
3. Троицкий А., прот. Епархиальные ведомости // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. С. 493-497.
4. Чувашские годовые поминки в селе Туарма Бугульминского уезда // СЕВ – Ч.н. – 1867. – № 23. – С. 555 – 561.

Т.В. Казеева

Самарский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ПОРЕФОРМЕННОГО ОБЩЕСТВА В ОЦЕНКАХ ЛИБЕРАЛОВ

Период Великих реформ (1860-1870-е гг.) заложил юридические основы становления правового государства: отправной точкой этого процесса стало реформирование судебной системы и утверждение в ней гуманных, либеральных начал. Проанализировать успех судебной

реформы 1864 г. возможно, определив, насколько она способствовала формированию правосознания населения.

В “Большом юридическом словаре” понятие правосознание включает в себя «исторически сложившуюся в конкретном обществе систему взглядов, идей, теорий, оценок, чувства, эмоции, отражающие субъективно-психологическое отношение людей к действующему и желаемому (идеальному) праву и практике его реализации» [1, с.167]. Необходимо отметить также и определение Сорокина В.В., где правовое сознание трактуется как “духовная основа правовой системы”, в которой «содержатся многовековые моральные установки общества» [2, с. 4].

Определяя степень изученности проблемы, следует отметить, что значительный массив дореволюционных работ по судебной реформе представлен публикациями ее адептов, придерживавшихся либеральных воззрений: К.К.Арсеньева, И.В.Гессена, А.А.Головачева, Г.А. Джаншиева и др. В 1915 г. вышло в свет также фундаментальное коллективное исследование “Судебная реформа”. Там на основе большого фактического материала всесторонне освещены проблемы судебной реформы: в частности, сопоставлена деятельность дореформенной судебной системы, преформенных мировых и общих судов; дана развернутая характеристика создания и функционирования институтов судебных следователей, адвокатуры, нотариата, реорганизации прокуратуры. Судебная реформа оценивалась этими авторами как реализация идеалов в области правосудия, все они отмечали несомненные преимущества нового суда по сравнению с дореформенным в контексте становления правосознания населения [3, с. 5].

В либеральной историографии можно выделить ряд авторов, которые в целом положительно оценивали реализацию Судебной реформы, но впервые отмечали трудности на пути становления правосознания населения. К.К. Арсеньев, яркий судебный деятель и публицист, справедливо отмечал, что “от таких учреждений, не испытанных еще на опыте, всегда ожидают слишком многого, не принимая в расчет условия, при которых они должны действовать, сил, которыми они располагают, преград, лежащих на их дороге... Но пора первоначального увлечения проходит; оборотная сторона медали, без которой не обходится ни одно дело, начинает обращать на себя внимание предпочтительно перед другою; требования слишком высокие, и потому неудовлетворение переходит в обвинение” [4, с. 7]... Таким образом, автор считал, что для формирования должного отношения к праву общества требуется большой промежуток времени и особое воспитание населения.

Попытки детального изучения судебной реформы прослеживаются в работах И.В. Гессена [5, с. 209]. В его исследовании многие судебно-процессуальные институты пореформенной России сравниваются с

аналогичными институтами стран Западной Европы. И.В. Гессен, полемизируя с противниками введения в России суда присяжных, отмечал, “что преждевременность введения у нас суда присяжных основывается обыкновенно на том, что народ наш недостаточно еще развит, чтобы входить в соображения, требующие логических выводов и достаточной степени образованности”. Однако подчеркивал Гессен, “...такой именно народ и нуждается в особых ограждениях в суде, нуждается в судьях, которые его бы понимали и были к нему столь возможно ближе”[5, с. 209].

Видный судебный деятель А.Ф. Кони в своих трудах отражал все недостатки новой судебной системы, но, тем не менее, защищал ее от нападков со стороны консерваторов. Кони доказывал, что для должного развития правосознания необходимо время; что недостатки судебной системы будут устраняться в рабочем порядке, по мере прививания Судебных уставов к русской действительности. Ценность нового суда, с его точки зрения, состояла в том, что этот суд воспитывает в населении нравственную ответственность, правовое сознание, общественное служение; что он основан на гуманном отношении к людям и достойном обращении с ними как с полноправными подданными империи[6, с. 78]. Автор разграничивал правосознание простого народа и интеллигенции, отмечая, что укоренению правосознания у населения должна способствовать прежде всего судебная интеллигенция. Поэтому он считал, что “нельзя ограничивать преподавание уголовного процесса в юридических учебных заведениях лишь чтением лекций о действующих правовых нормах, устанавливающих определенные формы судопроизводства”[7, с. 392].

Таким образом, в дореволюционной литературе была поставлена проблема различий правосознания разных слоев населения – в первую очередь, интеллигенции и крестьянства. Все авторы сходились в мнении, что населению необходимо время для усвоения норм Судебных уставов и должного их понимания, что правосознание населения необходимо воспитывать, и что самым действенным средством воспитания должна стать практическая работа новых судебных учреждений и участие в ней населения.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2009.
2. Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой систем в переходный период: Автореф. ... дисс. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

3. Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915.
4. Арсеньев К.К. Суд и административная расправа // Арсеньев К.К. За четверть века 1871-94. Сб. статей. Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915.
5. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Книгоиздательство Гершунина и Ко, 1904.
6. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000.
7. Кони А. Ф. Новый суд // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т.1: Из записок судебного деятеля. М., 1966.

Р.В. Пазин

Самарский государственный университет

ОТНОШЕНИЕ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ» К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ТЕРРОРУ НАЧАЛА XX В.

Октябризм как политическое течение возник и начал организационно оформляться на основе «меньшинства» земско-городских съездов. Партийное размежевание в либеральном лагере в основном завершилось после издания Манифеста 17 октября 1905 г. Импульсом к возникновению многих октябристских отделов было стремление «бороться со смутой». По подсчетам Д.Б. Павлова из 29 местных отделов «Союза», так или иначе изложивших цель своего создания (в прокламациях, воззваниях, письмах в ЦК), 25 именно так формулировали свою главную задачу [1, с. 5].

Уже на первом общем собрании «Союза 17 октября» в Санкт-Петербурге, происходившем 4 декабря 1905 г., озвучивались задачи, которые должны были преследовать октябристы. Так М.В. Красовский полагал, что октябристы «должны сплотиться против революции, потому что она надвигается» [1, с. 31]. Осуждались и все преступления, связанные с революцией – поджоги, грабежи, насилие, революционная пропаганда с призывом к вооруженному восстанию.

8 февраля 1906 г. в Москве собрался всероссийский съезд делегатов «Союза 17 октября», на котором М.А. Стахович выразил позицию по отношению к любым формам насилия, разделяющую большинством октябристов: «Мы одинаково не сочувствуем и революции, и реакции; нам одинаково кажутся незаконными как насильственные революционные действия, так и ломка со стороны правительства основных начал манифеста 17 октября» [1, с. 121].

Стоит отметить, что октябристы критиковали не монарха, а органы исполнительной власти, которые не выполняют волю монарха о дарование прав и свобод населению. Такую позицию концентрированно выразил Ф.Н. Плевако, утверждая, что именно «кабинет нарушает благую волю государя и всеми силами препятствует ее осуществлению» [1, с. 124].

30 ноября 1906 г. состоялось расширенное заседание ЦК «Союза 17 октября», куда были приглашены представители как кадетов, так и консервативных партий. В первоначальном докладе октябриста А.В. Бобрищева-Пушкина содержались обвинения партии кадетов в поддержке террористов, так как «Дума требовала амнистии, но не хотела осудить убийств». В ответ кадет Ф.Ф. Кокошкин обвинил октябристов в поддержке «антиконституционного правительства». Другой представитель кадетов В.А. Маклаков концентрированно выразил в своей речи причину отказа голосовать за осуждение политических убийств: «Мы думаем, что осудить политические убийства — это значит дать повод власти думать, что она права» [1, с. 272-278].

Если характеризовать деятельность октябристов в работе I и II государственных Думах, то они пытались добиться осуждения Думой «политических убийств».

На втором всероссийском съезде «Союза 17 октября» лидер фракции октябристов во II Государственной Думе М.Я. Капустин сделал доклад о деятельности парламентской фракции, где остановился и на вопросах, связанных с осуждением террора. По его словам, «фракция единогласно стала на сторону осуждения всякого насилия, как справа, так и слева; при этом фракция подчеркнула, что нельзя допускать такого смешения понятий, какое допускается крайними левыми партиями, которые приравнивают политические убийства к наказаниям смертной казнью, устанавливаемым правительственной властью для преступников; вообще фракция решительно протестует против всех насилий как революции, так и контрреволюции» [1, с. 324-325].

В ходе предвыборных собраний в сентябре 1909 г. в Москве октябристы обвиняли кадетов в поддержке революционных убийств. Так, А.В. Бобрищев-Пушкин в доказательство позиции «Союза 17 октября» приводил следующие факты: «в 1906 г. убито должностных лиц 768, ранено 820; в 1907 г. убито 1231, ранено 1312; в 1908 г. убито 299, ранено 530. На таком же приблизительно уровне стоят и цифры жертв из частных лиц. Как же отнеслись кадеты к этим потокам крови? Они отказались осудить террор» [2, 68].

В ходе III съезда октябристов был представлен доклад барона А.Ф. Мейендорфа «О неприкосновенности личности и об исключительных

положениях». Он исходил из идеи борьбы «Союза 17 октября» за «разоружения и правительства, и враждующих с ним политических партий». По утверждению А.Ф. Мейендорфа, «обоюдная острота государственных репрессий слишком очевидна — те меры, которые рассматриваются властью как самоохрана в глазах преследуемых, приобретают характер насилия и вызывают террор против террора». С точки зрения октябристов, обе стороны — террористы и правительство, — «преклоняются перед разрешением всевозможных конфликтов путем “силы”, а не “права”». Путь выхода из кризиса виделся им в «“заражении” правительства ... началами справедливости и культурной борьбы, которыми уже достаточно “заражено” общество» [2, с. 89-91].

Убийство Столыпина в сентябре 1911 г. вызвало шок в октябристской среде. Их и без того пошатнувшаяся надежда на возможность проведения через Думу либеральных реформ, опираясь на «договор» с властью, совсем исчезла. Обсуждая убийство П.А. Столыпина, октябристы провозглашали свой «Союз 17 октября» «непримиримым противником революционных насилий». После получения известия о смерти П.А.Столыпина ЦК партии октябристов выпустил воззвание, которое резко осуждало подобный террористический акт: «Презренные убийцы отняли у России одного из лучших сынов ее, Петра Аркадьевича Столыпина... Левые партии, вдохновляемые ненавистью врагов России, усердно раздували вражду к П.А. Столыпину и не остановились перед ролью палача, чтобы нанести смертельный удар человеку, в том и неустанною честною работою на счастье родины. Но даже и такие яркие качества его не спасли от смертельного удара революционных безумцев...» [2, с. 330-332].

Таким образом, октябристы были принципиальными противниками любой формы политического террора, обвиняя даже правительство в его использовании, видя в применении насилия угрозу стабильности развития общества.

Библиографический список

1. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996.
2. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907-1915 гг. М.: РОССПЭН, 2000.

ФОТОГРАФИЯ В СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ (XX ВЕК): МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первой половине XX века немецкий философ и историк фотографии Валетер Беньямин в ярусной книге написал, что «неграмотным в будущем будет не тот, кто не владеет алфавитом, а тот, кто не владеет фотографией» [2, с. 110-111]. На первый взгляд, эта фраза может показаться бесосновательной. Но в действительности, В.Беньямин затронул важную проблему, актуальную и в настоящее время, так как «отчетливейе других искусств фотография транслирует контекст-идеологию, вкусы и интересы времени и места» [7, с.106]. По мнению доктора социологических наук Виктории Владимировны Семеновой: «Миллионы фотографий делаются каждый год и становятся достоянием альбомов, но социологи не испытывают особого интереса к тому, что могло бы стать информационной базой исследования» [8, с. 112]. Важно отметить, что не только социологи, но и историки долгое время пренебрегали таким богатым по содержанию источником как фотография. Хотя «еще в прошлом веке (XIX веке), вскоре после изобретения фотографии, съемочную камеру называли «зеркалом с памятью» [4, с. 10], но лишь столетие спустя фотография стала привлекать к себе внимание исследователей.

Нина Сосна в своей статье определила начало 1930-х годов «переломным моментом» у западных теоретиков, обратившихся к фотографии [9]. Именно в этот период появились первые аналитические работы по истории фотографии В.Беньямина. В 1940-60-е годы анализом фотографии занимались Андрэ Базен, Зигмунд Кракауэр, Пьер Бурдьё. В 1970-е годы были опубликованы наиболее фундаментальные труды по фотографии Ролана Барта, Жана Бодрийяра, Сьюзан Зонтаг.

Но только «в последней четверти XX века в рамках визуального поворота произошел кардинальный пересмотр отношения к фотографии, как источнику информации <...> согласно ему, фото не говорит само по себе, а нуждается в интерпретации» [5, с. 203]. В настоящее время в западной гуманитарной науке интерес к фотографии как историческому источнику растет. Но, как отмечает Н.Сосна, «в нашей стране только складывается традиция рассмотрения фотографии» [9]. Вслед за западными исследователями, российские ученые (в их числе- антропологи, искусствоведы, историки, социологи) пытаются внести свой вклад в интерпретацию фотографии. Так Нарский пришел к выводу, что «в последние десятилетия отмечается все более интенсивное ис-

пользование изображений в исторических публикациях, но лишь немногие исследователи обращаются с фото как с источником новых знаний». С чем же это связано? Перед историками, как и несколько десятилетий назад, стоит проблема использования методов работы с визуальными источниками. Уильям Митчелл, основоположник «визуального поворота», считал: «Мы никогда не сможем понять изображение, пока не поймем, как оно показывает то, чего не видно» [5, с. 30]. А для того, чтобы выявить скрытую информацию, необходимо интерпретировать фотографию.

«Прочтение» фотографии зависит от постановки вопроса исследования. Предметом изучения в представленной работе является семейный фотоальбом как источник исторической памяти. Необходимо определиться с подходами рассматривания фотографии как визуального источника. В данном случае помощниками исследователя являются области наук, накопившие богатый опыт в дешифровке визуальных объектов- «визуальная антропология и социология, психология и искусствоведение, методы исследований материальной культуры и собственно исторические методики внешней и внутренней критики источников» [5, с. 32].

При проведении внешней критики необходимо ответить на такие вопросы: где, когда, кем снимались и изготавливались фотографии, почему они выделены владельцем в семейный фотоальбом, как воспринимаются обладателями.

После проведения внешней критики нужно приступить непосредственно к интерпретации фотографий. Для этого существуют различные подходы западных теоретиков. Выделим наиболее известные из них.

Метод исследования материальной культуры и быта. В его основе лежит «уликовая парадигма»- идея, согласно которой «даже если реальность и непрозрачна, существуют привилегированные участки — приметы, улики, позволяющие дешифровать реальность» [3, с. 224]. Другими словами, этот метод направлен «на идентификацию и описание изображенных объектов» [5, с. 33]. Применяя данный метод, необходимо медленно рассматривать фотографии, концентрируя внимание на «приметах», «уликах» исторических эпох, на наличии национально-культурных признаков семей.

Следующим подходом является «модель анализа содержания произведения искусства» немецкого исследователя искусства Эрвина Паннофски» [5, с. 58] Его подход предполагает поэтапный анализ визуального источника:

Первый этап — «доиконографическое описание» — нацелен на идентификацию «первоначального, или естественного сюжета, подразде-

ляемого на фактический и выраженный <...> идентифицирует их [предметов] взаимоотношения как события <...> Перечисление этих мотивов и есть доиконографическое описание произведения искусства» [5, с. 59];

Второй этап – «иконографический анализ»- предполагает раскрытие «подлинного значения или содержания» идентифицированных деталей и образов фотографии. Идентификация таких образов, «аллегорий» – это и есть «иконография» [5, с. 58].

Третий этап – «иконологическая интерпретация» – расшифровка не осознаваемых фотографом значений, которые могут воплощать дух времени. Этот этап поможет выявить и расшифровать значения невидимых «аллегорий» семейного фотоальбома.

Альтернативой методу Э.Пановски являются подходы представителей структурализма и семиотики, которые рассматривают фотографию как систему знаков. Наиболее известным представителем структуралистов является Р. Барт, который уделял внимание воздействию, создаваемому визуальным источником, на человека. В своей работе «Camera lucida» он «решился сделать посредником любой фотографии самого себя и попытался, на основе нескольких личных впечатлений, сформулировать фундаментальное, всеобщее свойство, без которого не было бы фотографии вообще» [1, с. 5]. Р.Барт выявил, что «фото может быть предметом трех способов действия, троякого рода эмоций: его делают, претерпевают и разглядывают» [1, с. 5]. Используя принципы феноменологии он ввел термины- «studium» и «punctum». Е.Петровская охарактеризовала эти понятия таким образом: «если в первом случае мы читаем фотографию, то во втором она читает нас» [6, с. 128]. При этом точкой отсчета любой фотографии Р.Барт назначил того человека, на которого воздействует фотография. Использование этого подхода поможет определить для каждого члена семьи свой «punctum» и выяснить, какие фотографии представляют собой наибольшую ценность для истории семьи.

Еще одним ценным методом для исследовательской работы является анализ фотографии В.Флюссера, который «был связан с критическим восприятием современных социально-политических порядков» [10, с. 51]. По мнению В.Флюссера, «задача фотокритики в том, чтобы в каждой фотографии расшифровать сцепленные друг с другом кодировки. Фотограф зашифровывает свои понятия... аппарат зашифровывает запрограммированные в нем понятия в образы...» [10, с. 54]. Таким образом, В.Флюссер подошел к проблеме интерпретации визуального источника со стороны соотношения фотограф/аппарат.

Существуют и другие подходы работы с визуальным источником. Их авторами являются: В.Беньямин, З.Кракауэр, Г.Фройнд, П.Бурдые,

С. Онтаг. Но важно не только рассмотреть изображение. Согласно Ш.Гушкеру, «исследователь должен анализировать... его последующее использование» [5]. Для удобства систематизации полученной информации Ш.Гушкер выделяет три составляющие анализа: «дофотографическую, фотографическую, постфотографическую ситуации» [5, с. 139]. Поэтому, помимо выше названных методов работы с фотографиями, необходимо составить вопросы для интервьюирования обладателей семейных фотоальбомов.

Таким образом, для написания исследовательской работы о семейном фотоальбоме, как носителе исторической памяти, необходимо использовать различные подходы теоретиков разных лет, так как использование разных методов поможет дешифровать заложенные в фотографиях невидимые послания. В.Флюссер отмечал, что «если бы удалось расшифровать до основания хотя бы одно единственное послание, то перед нами предстала бы вся культура со всей ее историей и настоящим» [10, с. 50].

Библиографический список

1. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 1997.
2. Беньями, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. «Медиум». М., 1996.
3. Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы эмблемы – приметы. М.: Новое издательство, 2004.
4. Михалкович В., Стигнеев В.Т. Поэтика фотографии. М., 1990.
5. Нарский И. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск: ООО Энциклопедия, 2008.
6. Петровская Е. Непроявленное. Очерки по философии фотографии. М., 2002.
7. Савчук В. Философия фотографии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
8. Семенова В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
9. Сосна Н. Несобственность фотографии (<http://art.photo-element.ru/philosophy/sosna/sosna.html>)
10. Флюссер В. За философию фотографии: пер с нем. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

МАНИФЕСТАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ОФИЦИАЛЬНОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В ситуации Первой мировой войны дискурс власти в России стал особенно принципиальным, так как его задачей было обосновать для общества основные этические константы, смоделировать образ врага и суметь направить общественную рефлексию в нужное русло.

Первая мировая война показала, какую огромную роль имеет печать как средство воздействия на общественное мнение и психологию масс. Пресса путем информации о военных событиях и определенного освещения фактов формировала определенные взгляды и мнения, воздействовала на духовное состояние армии и населения страны, настраивала к действиям [1, с. 23]. В годы войны действовали строгие цензурные правила о печати.

Объект данного исследования был сознательно сужен до периодического издания «Летопись войны». Оно было достаточно популярным в русском обществе периода Первой мировой войны.

На основе анализа содержания журнала можно выделять несколько основных задач издания: предоставление информации о военных действиях на разных фронтах и политической ситуации, репрезентация императорской семьи и манифестация «образа врага» и патриотических настроений среди населения страны.

Этим задачам соответствовало и содержание журнала. Основная структура его была такова: правительственные распоряжения и официальные донесения с войны, «статьи, разъясняющие суть дела» [3, №1], корреспонденция, разные заметки и статьи о войне. Среди всех задач представляется важным изучение «образа врага» в официальной печати. На страницах журнала это явление получило достаточно большое распространение. Если типологизировать врага в дискурсе данного издания, то выделяются следующие: Германия и Австрия как два главных агрессора, Турция как младший союзник, Румыния и Болгария как побочные, и внутренний враг.

Наибольшее внимание уделяется Германии как главному агрессору и противнику Российской империи. Среди основных его характеристик чаще всего встречаются следующие: жестокий и коварный враг, но при этом глупый и не дальновидный. В частности говорилось о невинных жертвах: «Сколько немцами пролито, зверским путем, невинной крови беззащитных мирных людей» [3, №1]. Отдельно выделяется же-

стокость Вильгельма. Основные мотивы агрессивных действий Германии — захватнические желания Вильгельма, а не забота о народе. На протяжении всех номеров проводится идея о бесчестности, средств, употребляемых Германией.

Схожим образом трактуется Австро-Венгрия и австриец как враг. Однако мотивы его деятельности выглядят несколько иными. Австро-Венгрия — злой, бесчеловечный агрессор, но при этом всего лишь младший брат Германии, союзник, который выполняет свои обязательства даже с некоторым нежеланием («ненормальность вынужденного союза с Германией» [3, №6]). Однако и такой союзник имеет свои захватнические цели — славянские народы, что делает описание Австро-Венгрии как врага очень ярким, но достаточно однообразным. Стоит отметить, что такой образ применим и к Германии, зачастую оба этих врага предстают вместе как «насилыники славянства» [3, №1].

Другой менее значимый враг — Турция. Применительно к нему говорится скорее не о жестокости и бесчеловечности, хотя встречается и такое, но о влиянии Германии на политику Турции и неспособности государства выбрать самостоятельную и независимую позицию. «Глубоко ошибается тот, кто считает Турцию независимой страной. Она ныне не более, как германская провинция..., а турецкое правительство и турецкий народ — не что иное, как игрушка в руках Германии» [3, №6].

Достойны упоминания и другие внешние враги, которым отводится намного меньше места, однако это не значит, что их образ от этого становится добрее и человечнее. Среди них стоит выделить Румынию в первые месяцы войны, а также Болгарию, выступившую на стороне Тройственного союза. Если первой уделяется немного внимания, то вторая предстает перед читателем как «предатель стран Антанты и славянства» [3, №59].

Совершенно особую группу составляет «образ внутреннего врага». На протяжении войны он изменяется. На первых порах — это пьянство и все его проявления, подчеркивается важность борьбы с ним («внутренний враг — зеленый змей. Оба врага одинаково для нас опасны» [3, №3]). На более позднем этапе внутренним врагом, по материалам данного журнала, представляется уже несколько иное явление — дороговизна и проблемы обеспечения населения продовольствием. Тем более удивительным кажется почти полное игнорирование такого явления, как шпиономания, которое фактически было спровоцировано правительством «делом полковника Мясоедова» [2, с. 170-171].

Таким образом, правительственный дискурс в годы Первой мировой войны ставил перед собой цель в результате постоянного взаимо-

действия с социальным миром страны актуализировать диалоги и сформировать патриотическую психологию через конструирование образа врага и провоцирование общественной рефлексии по этому поводу.

Библиографический список

1. Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003.
2. Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
3. Летопись войны. Петроград, 1914-1917. №1-132.

П.А. Мистрюгов

Самарский государственный университет

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СУДЕБНЫХ СТРУКТУР 1917-1920 г.

В условиях, когда прежние концептуальные воззрения историков устарели, новые же находятся в процессе складывания, и тем самым порождается неясность историографического и теоретико-методологического инструментария, представляется важным определить актуальные принципы рассмотрения и методы изучения.

Советские исследователи были закованы в кольчугу понятий об Октябрьской революции, открывшей эру социального прогресса и породившей общенародную справедливую борьбу за «социальный прогресс» [3, с.7]. Ревтрибуналы и органы ВЧК были созданы «... для обуздания элементов разложения старого общества». [8, с.4]. Данные представления о сущности государства и его судебных функций, стало универсальным обоснованием в постановке проблем, их аргументации и решении: конкретно-исторический анализ и методы изучения, историографическая диалогичность подменялись ленинскими определениями. Понятия, представленные в работах советских исследователей 1920-1980 гг., можно разделить на две группы. Первая группа – понятия формально-юридического порядка, раскрывающие правовую форму и структуру организации и деятельности. Исследователи опирались в своих работах на категории, заимствованные из теории государства и права. Главными понятиями стали структура системы ревтрибуналов, судопроизводство, чрезвычайные полномочия ревтрибуналов. [10, с.3]. Вторая группа понятий отражает судебную власть как проблему не формы,

а содержания. Главными понятиями стали организация структур и причины их возникновения, направления деятельности и причины красного и белого террора, тайная подрывная деятельность. [4, с.192-193; 3]. Тема разрабатывалась и с позиций персонифицированного подхода: поднимались проблемы роли В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского в руководстве ВЧК. [9] Методом в работах был условно структурно-функциональный – представления о границах системы, структуре и функциях задавались положениями ленинской методологии. А фактографическая база выполняла роль иллюстрации данных положений. Научно ценным вкладом стало воссоздание общего хода создания и деятельности судебных органов, представленное на уровне эмпирического описания. Итогом советского этапа стала более глубокая разработка вопросов организации судебных органов, в меньшей степени их деятельности.

В 1990 –2000 гг. тематика работ изменилась незначительно: продолжали изучаться ранее поставленные проблемы организации и деятельности, пополнялась источниковая база. Однако вектор интереса сместился на проблемы деятельности. В области онтологических представлений исследователи отказались от ленинской теории революции и Гражданской войны, сущности социалистического государства и его судебных функций. Однако новых представлений в области революционаризма и становления государственности не появилось. Логической же основой исследований стало выяснение таких исторических категорий как сущности, причины, развития судебных структур. На современном этапе сохранилось разделение понятий на формально-юридическую и историческую группу при значительном увеличении доли последней. Так, в историческую группу понятий входит 6 подгрупп понятий: первая – об организации судебных структур; [1, с.33-34, 114-115]; вторая – значительно увеличившаяся по сравнению с советским этапом, о деятельности [7, с.80-81]; третья – об идейно-правовом развитии социалистов; [2, с.248-251, 264-266]; четвертая – о социально-политических оппозиционных силах; [5, с.103]; пятая – о роли высших руководителей в государственном аппарате; [6, с.260-261]; шестая – об отношении судей к реформам Временного правительства рабочих и крестьян. [2, с.219-220].

Выявление глубины и содержания исторических понятий в работах требует учета связей понятий с объектом исторической реальности, а значит и определения типа привлекаемых источников. Группа понятий об организации структур сформирована главным образом на основе обращения к законодательно-нормативной стороне оформления их организации, роли представителей высшего советского руководства. В

меньшей по объему, зато быстро увеличивающейся, подгруппе понятий учитывается сама практика организации структур, ранее практически не изучавшаяся и поэтому несомненно являющаяся актуальной. Группа понятий о деятельности органов образована на основе исследований различных сторон предмета. Среди них можно выделить повышенное внимание к процессу реализации функций и прерогатив, деятельности и ее направлений, взаимодействию с другими органами власти и управления. В значительной по объему подгруппе понятий раскрывается проблема деятельности на основе изучения ее законодательно-нормативного процесса. Представление о деятельности также формируются на базе исследования отношения судей и подсудимых к советским судебным органам.

На советском этапе общеобязательные единственные основы, используемые в сочинениях, предопределяли выводы и делали бесполезным самостоятельное восхождение к историческим и философско-методологическим основаниям проблемы. Современный этап характеризуется в целом невниманием к теоретико-методологическим основам исследования. Анализ понятийного аппарата показал, что в работах отсутствует целостное видение общественных реалий эпохи революции и Гражданской войны, чрезвычайные органы практически не рассматриваются на широком фоне общественной жизни. Требуют разработки такие понятия как причины формирования чрезвычайных судебных органов, их деятельность, место и роль в государственно-политической системе, выявление действительных и мнимых угроз безопасности РСФСР.

Библиографический список

1. Абрамов В.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918-1922 гг.) (по материалам Пензенской губернии). Дисс. ... канд.ист.наук. Пенза, 2004.
2. Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма М., 1997.
3. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1986.
4. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства 1917-1918. М., 1987.
5. Зданович А.А. Бывшие морские офицеры как объект оперативного воздействия органов ВЧК-ОГПУ (1918-1931) // Исторические чтения на Лубянке 1997-2007. М., 2008.
6. Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. М., 1997.

7. Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной карательной политики советской власти // Отечественная история. 2005. № 6.
8. Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг.). М., 1990.
9. Софинов П. Г. Страницы из жизни Ф. Э. Дзержинского. М., 1956.
10. Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987.

Л.О. Бочкарева

Самарский государственный университет

АНТИКОСМОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ 1949 г. НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В МГУ

Вопрос взаимодействия государства и научной интеллигенции в период репрессий вызывает большой интерес, так как заключает в себе много неизвестного. Проблема взаимоотношений власти и науки исключительно актуальна и на сегодняшний день в связи с неразработанной четкой структурой взаимодействия государственной политики в области культуры и науки в современной России. Рассмотрев, как складывались судьбы медиевистов в советской политической системе в 30 – 40 гг. XX века, мы сможем лучше представлять себе отношения между властью и наукой в целом.

Во второй половине 40-х годов началась компания по борьбе с космополитизмом и воспитанию советского патриотизма, которая организационно направлялась «Агитпропом» под общим руководством секретарей ЦК ВКП(б) А. А. Жданова и М. А. Суслова. В области литературы в 1947 году произошло осуждение ряда произведений А. Т. Твардовского [2]. Кампания строго контролировалась сверху, и не допускались отклонения от установленного курса.

Кампания проводилась повсеместно и широко, и коснулась она также историческую науку, в частности медиевистику. Медиевисты профессионально оказались связанными с изучением истоков складывания правовых государств, парламентов, рыночной экономики, частной собственности современного типа, христианской духовности, университетской учености, самосознания европейского общества, проблем, имеющих ныне для России общественную актуальность; именно среди медиевистов старшего поколения остались в России (не эмигрировали) ученые европейского масштаба (Д.М.Петрушевский, В.И.Герье, О.А.Добиаш-Рожественская) и их влияние сказалось на последующих по-

колениях советских медиевистов, больше всего на стремлении к максимально достоверному знанию.

23 марта 1949 года в МГУ была проведено заседание, основной проблемой которого являлся вопрос о космополитизме и его проникновении в историческую науку. Открыть заседание, своим докладом, было предоставлено Н.А. Сидоровой, возглавлявшей сектор истории средних веков с 1949 по 1961 гг. и являвшейся секретарем парторганизации. Свой доклад Сидорова начала с политической обстановки, говоря о том, что «политическая актуальность борьбы против идеологии космополитизма связана в настоящее время с тем обстоятельством, что реакционный американский империализм сделал космополитизм своим идеологическим знаменем»[1, с.259]. По ее определению, космополитизм – это «своего рода бактериологическое оружие в той «холодной войне», которую силы международной империалистической реакции ведут против всего передового человечества. Во второй части своего выступления Сидорова переходит к разбору того положения, которое «сложилось на историческом фронте, и в частности в области истории средних веков».

Главными «космополитами» московской школы медиевистов стали Е.А. Косминский, Б.Т. Горянов, М.В. Левченко, Ф.А. Коган-Бернштейн, В.М. Лавровский, но больше всех досталось – Неусыхину А. И. Его обвиняли в том, что он в 1929 году выпустил свою книгу «Общественный строй древних германцев», которая была написана под влиянием теории А. Допша. По мнению Сидоровой преклонение перед западом у Неусыхина проявлялось в отсутствии критики буржуазной историографии, немецкой школы в его статьях, и в статьях его учеников. И наконец, его обвинили в слишком активном желании перевести книгу Зелигера Г. «Социальное и политические значения вотчины в ранне средневековье». «Почему... нужно было стараться переводить книгу этого Зелигера? Можно было воспользоваться и работами Энгельса» [1, с.268].

Следует отметить, что обвинения коснулись и других членов кафедры. Е.А. Косминскому сначала предъявили как ответственному редактору «Византийского Временника», что он (Временник) «изобилует особенно грубыми ошибками», и что у советского византиноведения нет четкой цели. Потом его упрекнули, что в своих статьях он «крайне переоценивает роль Д.М. Петрушевского в формировании школы советских марксистов – медиевистов». Б.Т. Горянова обвинили в стремлении об утверждении тезиса о единой мировой науке. Кстати, необходимо заметить, что излюбленным способом обвинения человека в его не соответствии партийному воспитанию, было «вырывание» от-

рывков из текста его работы и представление его публике без контекста. Надо признать, что эффект производился должный [1, с.321]. Так было и с Горяновым. Лавровского В.М. осудили за его программу, которую назвали «букетом» космополитических идей».

Заседание закончилось заключительным словом Н.А., которое подвело общую черту: «Партия ведет сейчас политическую борьбу. Идеология буржуазного космополитизма – эта враждебная нам идеология, мы будем бороться с этой идеологией, и будем очищать наши ряды от всех проводников буржуазного космополитизма. Ибо без очищения, без мобилизации всех наших сил на воспитание нашего народа в духе патриотизма, без этого мы не можем выполнять свои задачи» [1, с.337].

Дальнейшая судьба тех, кого упоминали как космополита, сложилась не очень радостно. Е.А. Косминский ушел с поста зав. кафедрой средних веков, Неусыхина ограничили в преподавании и в контакте со студентами, но оставили на кафедре, Ф.А. Коган-Бернштейн уволили.

Таким образом, после всех этих проработок и докладов кафедра оказалась в тяжелой ситуации. По ней был, нанесен удар, как в научном, так и в человеческом смысле. Уволили самых известных ученых, запретили работать и преподавать.

Библиографический список:

1. Стенограмма объединенного заседания сектора истории Средних веков Института истории АН СССР совместно с кафедрой истории Средних веков истфака МГУ // Одиссей. М., 2007. С. 250 – 340.
2. Фатеев А.В., Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. М., 1999.

И.В. Мингалимов

Самарский государственный университет

СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ВОПРОС ИСТОРИОГРАФИИ)

История Великой Отечественной войны на протяжении уже длительного периода времени является одной из самых актуальных и дискуссионных тем в отечественной исторической. Особенно жаркие споры вызывают вопросы, связанные с авиацией противоборствующих сторон. В связи с этим в настоящее время издается довольно большое количество литературы, посвященной истории авиации. Львиную долю

всех изданий составляет научно-популярная, энциклопедическая и справочная литература. В данной работе рассмотрены издания последних пяти-шести лет.

Основная часть литературы издаваемой в настоящее время по истории авиации периода Великой Отечественной войны, как и по истории Великой Отечественной в целом, не отличается очень высоким качеством. Большинство работ написаны не профессиональными историками-специалистами, а публицистами или историками-любителями.

Приятным исключением является монография А. С. Степанова «Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 – первая половина 1941 гг.)» [13]. Эта книга является едва ли не единственным комплексным и системным исследованием советской авиации накануне Великой Отечественной войны.

Также строго научным трудом является книга по истории отечественной морской авиации В.Л. Герасимова» [3]. Большое внимание в новой книге В.Л. Герасимова уделено периоду Великой Отечественной войны. Из четырех глав монографии три относятся к хронологическим рамкам 1941—1945 гг. В книге использованы малоизвестные архивные документы, в научный оборот вводится большое количество новых источников.

Новые любопытные сведения о морской авиации можно обнаружить в книге «Неизвестный Бериев» [4]. В основу книги положены воспоминания Г. М. Бериева, материалы и документы ЦКБ и ТАНТИ им. Г. М. Бериева, Российского государственного архива экономики, документы военной приемки завода.

Довольно качественные исследования представляют собой книги историка авиации Н. А. Якубовича. Это такие книги как «Боевые самолеты Микояна» [14], «Самолеты Ильюшина» [16], «Боевые самолеты Туполева» [15]. В работах прослеживается история конструкторских бюро от их возникновения до наших дней. Естественно, довольно много внимания уделяется самолетам, которые создавались накануне и во время Великой Отечественной войны.

Во многих работах [1, 5, 7, 11] можно найти подробное описание советской авиационной техники периода 1941-1945 гг., также в них уделено внимание деятельности авиационных ОКБ, науки, промышленности.

Отличительной чертой некоторых изданий [2, 12] является предвзятость при освещении истории советской авиации. В них авторы излагают боевой путь советской авиации в Великой Отечественной войне как череду неудач и поражений.

В последние годы появился значительный объем исследований, посвященных истории отдельных типов самолетов ВВС РККА. Подоб-

ные книги и брошюры уделяют основное внимание истории проектирования, тактико-техническим характеристикам, «боевой карьере», а также довольно часто и порядку производства. Ввиду большого числа подобных публикаций не представляется возможным выделить какую-либо одну из них, однако в комплексе эти работы представляют немалый интерес.[6, 9, 10,]

Нельзя обойти вниманием историко-технический альманах «Люди пылливой мысли» [8] изданный стараниями Самарского филиала Российского Государственного архива научно-технической документации. Нас, прежде всего, интересуют статьи об инженерах и конструкторах авиационной отрасли.

Подытоживая анализ современной историографии, можно сделать вывод, что изучение советской авиации в годы Великой Отечественной войны ведется довольно активно по нескольким направлениям, однако, немногочисленные работы профессиональных историков издаются крайне малыми тиражами и практически недоступны более или менее широкой аудитории.

Библиографический список

1. Блонский Л. В. Авиация России. М: Дом славянской книги, 2008. 480 с.
2. Больных А. XX век авиации. М: Яуза: Эксмо, 2010. 352 с.
3. Герасимов В. Л. Военно-Воздушные силы Военно-Морского флота накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938-1945. М: Институт военной истории МО РФ, 2010. 208 с.
4. Заблотский А. Н. Неизвестный Бериев. М: Эксмо, 2009. 413 с.
5. Козырев В., Козырев М., Авиация Красной Армии. М: Центрполиграф, 2011. 383 с.
6. Котельников В. Самолеты-гиганты СССР. М: Эксмо: Яуза, 2009. 282 с.
7. Крылья России: Полная иллюстрированная энциклопедия. М: Эксмо, 2008. 1072 с.
8. Люди пылливой мысли (по архивным документам). Самара: НТЦ, 2006. 612 с.
9. Маслов М. А. Король истребителей. М: Яуза: Эксмо, 2009.
10. Маслов М. А. Летящие крепости Сталина. Бомбардировщики Пепер. М: Яуза, 2009. 143 с.
11. Самолеты Победы / Засыпкин Ю. В., Косминский К. Ю. М: Машиностроение, 2005. 182 с.
12. Смирнов А. Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. 574 с.

13. Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 – первая половина 1941 гг.). М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2009. 544 с.

14. Якубович Н. А. Боевые самолеты Микояна. М: Яуза: Эксмо, 2009. 592 с.

15. Якубович Н. А. Боевые самолеты Туполева. М: Яуза: Эксмо, 2010. 528 с.

16. Якубович Н. А. Самолеты Ильюшина. М: Яуза: Эксмо, 2009. 592 с.

Т.О. Борисова

Самарский государственный университет

ЭПОХИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ 1940-80-Х гг. XX в. (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ И МУЛЬТИПЛИКАЦИИ)

В качестве исследования проблемы «исторической памяти» 1940-1980-х гг. XX в. нами были выбраны художественные тексты, обращенные к детской аудитории: художественные фильмы и мультипликация. Доминирующий образ был связан с интерпретационной моделью русской истории, уходящий корнями в такие виды устного народного творчества, как сказка и миф.

Нам видится актуальным проблема анализа эпического дискурса в контексте «социального заказа» на художественную трактовку событий прошлого в «нужном ключе». Так как даже в форме «сказок» были интерпретированы исторические эпохи и социальные герои, представленные собирательными социально-историческими типами, представляется интересным обращением к советской историографии 1940-80-х гг. и ее трактовке эпохи Древней Руси и народного эпоса.

Представление об истории своей страны ребенок формировал по сказкам. Государству необходимо было не только «строить новый мир», но и формировать представление об истории.

Для идеологического конструкта маленького советского гражданина очень важен был этический компонент, то есть эмоциональное сопереживание победе добра над злом (вспомним, как в «Денискиных рассказах» В. Драгунского дети при посещении кинотеатра начинают все стрелять в белых на экране из игрушечных пистолетов). Сказка не только подчеркивала этические константы: мир добра и мир зла, но и интерпретировала в художественной форме эпоху Древней Руси и связанного с ней эпического наследия русского народа в качестве мира добра, справедливости и исторической правды. Очень тонко социальные

идеологические константы облекались в кинематографии и мультипликации в притягательные для детской аудитории образы.

Эпоха Древней Руси, в целом, заслужила положительную оценку в советской историографии, именно поэтому, на наш взгляд, домонгольская Русь чаще всего показана в советском детском кино в форме киносказки. И. Я. Фроянов говорит о том, что в отношениях древнерусских князей с народными массами («людьми») трудно найти нечто похожее на абсолютное господство, с одной стороны, и полное подчинение — с другой. «Люди» — довольно самостоятельная политическая сила, способная заставить князей считаться с собой. Выражение такой точки зрения мы находим в сказке А. Роу «По шучьему велению» (1938 г.): воевода, посланный за Емелей, рассмешить Царевну-несмеяну в ответ получает: «Дураков нет царскую дочь смешить, если царю нужно — пусть сам ко мне приедет, а мне он без надобности».

В отношении социального устройства общества в историографии прослеживалась марксистско-ленинская трактовка классового устройства, которая отражена в киносказке в более мягкой форме.

Советские киносказки говорят нам о наличии на Руси следующих социальных групп — это представители «верхов» общества: князь, бояре, купцы; остальной народ — крестьяне, ремесленники.

Никогда кино-цари в советских сказках не показаны сильными, умными (в государственном смысле) или великими. Трудно представить, как такие князья управляют страной: они безвольны, проявляют полную незаинтересованность в делах государства. Советские киносказки показывают, что уже во время Древней Руси от царской власти не было пользы, но от нее не было и вреда.

Дружина многочисленна, состоит из русских мужей, однако только под руководством «доброего молодца», русского богатыря она одерживает победу над врагом.

Народ показан в сказке бедным, но счастливым, живущим в труде. Народ живет общиной. Жизнь народа можно охарактеризовать словом «гармония»: гармония людей друг с другом, гармония человека и природы. Первые кадры киносказки, как правило, образы русской природы. Нередко в сказке показана жизнь народа — они веселятся, водят хоровод, играют на балалайке.

Кинематограф несколько упростил и облегчил для понимания образ Древней Руси: мир четко разделен на добро, т. е. русский народ и зло — эпические герои и иноземцы.

Культурный герой приобретает богатырскую окраску. Так, в «Кощее Бессмертном» и «Василисе Прекрасной» создан образ витязя, богатыря, защитника «своих» от чужих, наделенного мужеством, доблес-

тью, свободолюбием, способностью к самопожертвованию. Кроме того, главный положительный герой киносказки наделен качествами, культивируемыми христианской моралью. Настенька из «Морозко» – олицетворение идеала христианской добродетели. Сюжет сказки о «Морозко» символически передает духовный путь человека – с прохождением испытаний, прежде всего, духовных (любовь, верность, смирение, послушание, терпение).

Вредитель чаще всего принадлежит чужому пространству. Антигерой, как правило, не показан однозначно. Ему приходится совмещать непримиримые крайности: с одной стороны, он предстает воплощением зла, насилия, с другой – он смешон и беспомощен.

Киносказка говорит о безграничном патриотизме русского народа. Интересы общества, коллектива, родины превалируют над личными. Женщина наравне с мужчиной встает на защиту Отечества. Марья Моревна в «Кошечье Бессмертном» – богатырша, отлично осведомленная о своих женских чарах, но использующая их исключительно во благо – ради спасения родины.

Таким образом, историческая память в детской кинематографии и мультипликации бытовала в форме мифа об идеальном прошлом, корнями уходящим в эпоху Древней Руси с ее былинным эпосом, трансформированным в сказочные персонажи, наделенными эвдемонистической этикой, родственной советской этике счастливого народа.

Н.В. Кислухин

Самарский государственный университет

ИСТОРИК И КОРПОРАЦИЯ (А.Я. ГУРЕВИЧ И СОВЕТСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА В КОНЦЕ 1960 – НАЧАЛЕ 1970-х гг.)

В 1990-е гг. советские историки смогли свободно выбирать методологические принципы своего исследования, до этого, как известно, существовала лишь одна официальная методология: формационный подход. Однако основой для разнообразия методологических принципов применяемых в современной исторической науке стали работы еще советских историков, в частности труды выдающегося отечественного медиевиста А.Я. Гуревича.

Начало расхождения Гуревича с корпорацией медиевистов началось во второй половине 1960-х гг. и ознаменовалось выходом статьи «Общий закон и конкретная закономерность в истории», в которой Гуревич говорит об искусственном характере логических построений

историка. Смысл его статьи заключается в сопоставлении социологических законов истории, которые зачастую имеют слабую связь с историческим материалом, и конкретных закономерностей в истории, которые в связи с опорой на совокупность исторических фактов в каждом отдельном случае имеют свои неповторимые особенности. Другой работой, вызвавшей резонанс в научном сообществе, была статья «К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад».

В 1969 г. состоялось совещание по вопросам методологии, на котором некоторых советских историков должны были критиковать за ревизионизм и структурализм. Одним из них был А.Я. Гуревич. Его критикуют за использования метода структурного анализа, за использование близких к веберовским идеально-типических схем построения теории исторического развития, за сомнения в объективности такой категории как социально-экономическая формация. После совещания Гуревича увольняют из Института философии, но чуть позже ему удается устроиться в институт всеобщей истории АН СССР, где он стал сотрудником сектора Скандинавистики.

Следующим этапом взаимоотношений Гуревича с официальной наукой стал выход книги «Некоторые проблемы генезиса феодализма в западной Европе». Одним из рецензентов был А.И. Неусыхин, учитель Гуревича, с которым ученик вступал в заочный спор в своей книге. Но отзыв не содержали принципиальных возражений; Неусыхин в телефонном разговоре сказал, что книга талантлива, но он с точкой зрения Гуревича не согласен. Книга вышла в 1970 г. и на титульном листе имела гриф: рекомендовано в качестве учебного пособия. Если вкратце характеризовать основные положения, высказанные Гуревичем, то они сводятся к трем основным пунктам: во-первых, переход от рабовладельческого строя и первобытнообщинного строя к феодализму — это однократный уникальный процесс, который имел место только в Западной и Центральной Европе. Во-вторых, А.Я. считает, что не следует однозначно акцентировать роль экономических, материальных факторов в процессе возникновения феодальных отношений, нужно вдуматься в содержание сознания людей, в то, как экономическая деятельность преломлялась в их сознании. И, в-третьих, А.Я. настаивает на том, что для изучения феодализма нужно отказаться от северофранцузской модели феодализма, а обратиться к всему массиву источников по данному периоду и попытаться выработать более объективную концепцию на более широком материале. Эта книга явилась своего рода вызовом, и вскоре было назначено ее обсуждение, и допуск на него получили только сотрудники кафедр Средних веков и русского феода-

лизма. Гуревич отказался от участия, понимая, что отстаять свою позицию будет невозможно.

Вся кафедра истории Средних веков, вся корпорация сплотилась против Гуревича. К ней примкнули и историки русского феодализма. Это больше напоминало не обсуждение, а «проработку», явление характерное для советской исторической науки более раннего периода. На заседание выступили все видные медиевисты того времени: С.Д. Сказкин, А.Р. Корсунский, Е.В. Гутнова, Н.А. Хачатурян и др. Смысл их выступлений сводился к тому, что бы снять с книги гриф учебного пособия. Гуревича критиковали за игнорирование материалистических основ советской исторической науки, недостаточное внимание к экономическим факторам развития общества, отвержение классической марксистской концепции генезиса феодализма, гипертрофирование роли межличностных связей в средневековом обществе, «перепевы» западной историографии и т.д.

Таким образом, Гуревич и корпорация расходятся, и становится очевидно, что больше сойтись они не смогут. А.Я. прекращает разработку тем, связанных непосредственно с феодализмом и начинает заниматься историей культуры, а в 1972 г. выходит его новая книга: «Категории средневековой культуры», известная всем отечественным специалистам-историкам. Возможно, таким образом, он пытался избежать давления официальной науки, ведь история культуры считалась второстепенной темой. Однако, А.Я. рассматривает культуру в другом ключе; в своих работах он закладывает прочную основу для нового направления отечественной исторической науки – антропологически направленная история, история ментальности. Только в 1990-е гг. у историков появляется возможность отказаться от методологических штампов. Показательным явлением становится создание Гуревичем альманаха «Одиссей» и появление сплоченной группы его единомышленников.

Итак, Гуревич предстает в двух ипостасях: как историк феодализма и как историк культуры, однако, и в том и в другом случае, он разрабатывает оригинальную концепцию, идет на столкновение с корпорацией медиевистов что бы отстаять свои позиции. И во многом благодаря этому в 1990-е гг. у отечественной исторической науки появляется новая методологическая база, которая, однако, долгие годы разрабатывалась А.Я.

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. История историка. М., 2004.
2. Гуревич А.Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии. 1968. № 2.
3. Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность в истории. // Вопросы истории. 1965. № 8.
4. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
5. Данилов А. К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 1969. № 2.
6. Об учебном пособии «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (информация о ходе обсуждения книги А.Я. Гуревича) // Вопросы истории. 1970. № 9.
7. Уваров П.Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации // Новое литературное обозрение. 2006. №81.

О.Ю. Голечкова

Московский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Новые тенденции в изучении проблемы. Новая и старая конъюнктура (изменения с начала 2000-х гг.).

Механизмы функционирования политических систем. Пересмотр традиционных схематичных концепций власти (еще с 90-х гг.). Развитие и формирование новых теорий. Век XVIII: отход от классических схем, в которых Петр и Екатерина Великие выступают ключевыми фигурами эпохи. Н.Н. Петрухинцев, Л.Ф. Писарькова. И.В. Курукин: дворцовые перевороты как механизм функционирования власти. П. Волдрон: функционирование романовского режима.

Морфология власти. Теоретическая неадекватность теории реформаторских-контрреформаторских циклов на примере президентства Путина. Поиски альтернатив и истоки формирования концепции смуты. Термин «смута» в интерпретации В.П. Булдакова. Специфика исторической категории «смута» в понимании В.Д. Соловья. Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. Концепция пространства власти. Основные понятия. Механизм функционирования.

Презентация и легитимация власти. Актуальность темы. Новые работы и их особенности. Начало «юбилееманий». К.Н. Цимбаев. Государственные юбилеи императорской как элемент подтверждения легитим-

ности власти. Е.В. Климов, А.П. Кабаченко. Престолонаследие в Древней Руси. М. Перри. Культ Ивана Грозного в сталинской России. Н.А. Соболева. Изучение образов власти, способов и форм ее репрезентации. Гимны, эмблемы и др. Г.А. Бордюгов. Пространство памяти как область пространства власти. Культ юбилеев в пространстве памяти.

Действующие субъекты пространства власти. Советники власти. А.Ю. Полунов; К.П. Победоносцев. Грани возможностей «всесильного» оберпрокурора. Уникальность и политическое своеобразие Победоносцева как политика. Механизмы воздействия на общественное мнение. Демифологизация образа Победоносцева. Общество в пространстве власти. Актуальность исследования союзов, локальных сетей, социальных связей представителей элиты и т.д. Деятельность салонов и масштабы их влияния на правительственные структуры.

Новые исследовательские приемы. Новые подходы к изучению власти и ее составляющих. Поиски нетрадиционных объектов исследования. Попытки учесть более широкий и разнообразный набор факторов, влияющих на власть.

Изучение больших приемов Сталина. Застолья как важная составляющая сталинского «сценария власти». Использование Сталиным приемов для упрочения создаваемого режима и для укрепления единой личной власти.

Роль интеллекта в управлении государством. Зависимость власти от интеллектуалов. Поиски новых методологий – от Фуко и до наших дней. Вопрос о творческом потенциале самодержавной власти. Взаимоотношения власти и интеллекта в России. Проблема интеллектуального уровня правящей элиты и бюрократии. Соотношение власти и интеллекта на разных уровнях бюрократической пирамиды в Российской империи.

Столыпиниана как фокус современной российской кратологии. Стремление современной власти найти решения актуальных проблем в деятельности Столыпина (высказывания Путина, Медведева, призывы к завершению столыпинских реформ и т.д.). Празднование юбилеев, постройка памятника и т.д. Подогревание ажиотажа вокруг фигуры Столыпина. Наводнение магазинов и Интернета литературой о Столыпине. Общая тенденция: от разнобоя мнений о реформаторе до его идеализации. Причины актуальности темы. Итоги. Вместо научного подхода к осмыслению прошлого – шаги к мифологизации фигуры Столыпина. Превращение исторического деятеля в бренд.

Двадцатилетие 1991 года: юбилей или годовщина смерти? Неугасающий интерес к теме. Изменение ситуации по сравнению с концом 90-х гг. Стремление к объективности.

Власть в транзитном режиме: феномен бархатных революций. События на Украине 2005 г. как катализатор интереса к теме. Появление и интерпретация термина «бархатная революция». Аналогии с событиями начала XX в. в России и связь с юбилеями революций 1905 и 1917 гг. Статья Г.А. Бордюгова (Революция 1905 г.: параллели с современностью). Возвращение к историческим сюжетам через политическую конъюнктуру. Публикация статьи А.И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией». Параллель с современными событиями. Теория проведения и возникновения бархатных революций С.Г. Кара-Мурзы. Г.Г. Почепцов: «Революция.com». Различные стратегии метода ненасилия на конкретных примерах (Бирма, Югославия, Грузия и др.). М.Г. Делягин. Россия после Путина.

Итоги. Перспективы изучения феномена власти. Изменилась ли исследовательская повестка дня? Стала ли историческая кратология более эффективной?

Е.И. Сливков

Самарский государственный университет

С.Н. ПРОКОПОВИЧ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Революционные события февраля 1917 г. дали надежду на перемены, если практически не всем, то большинству российского общества. Временное правительство стало, именно той инстанцией, на которую российское общество возложило миссию этих преобразований. Входившие в его состав деятели заслуживают уважения, народной памяти и достойны такого сокровенного названия, как патриот своей страны. В том числе и С. Н. Прокопович – политический деятель, министр торговли и промышленности, министр продовольствия временного правительства, русский выдающийся экономист и социолог.

После прихода к власти партии большевиков большинство членов Временного правительства попали в опалу, многие спаслись, только благодаря эмиграции.

Попытаться дать объективную оценку этим личностям в истории еще только предстоит нашей науке.

Целью моей работы является анализ интерьера о личности С. Н. Прокоповича в энциклопедических словарях эпохи Российской империи и СССР.

Выбор именно такого исторического источника, как энциклопедический словарь, обусловлено целью моего доклада. Он, как нельзя лучше, может показать как отношение, так и эволюцию взглядов авторов энциклопедических статей, так и правительства к этому деятелю.

В основном использовались универсальные энциклопедии, а также некоторые отраслевые. В большинстве из них С. Н. Прокопович упоминается в различных статьях, но, как правило, они написаны в протокольном стиле или вообще отсутствуют. Однако, информации, приведенной в данных источниках, вполне достаточно для достижения мною поставленной цели.

Роль информации в любом обществе сложно переоценить, особенно таких источников знаний, как энциклопедий. В Российском обществе в конце XIX – XX веке энциклопедическим словарям всегда отводилась огромная роль. Причем главные цели этих работ, на разных этапах нашей истории были различны. Энциклопедии всегда были не только сводом научных знаний, но и концентрированным отражением определенного мировоззрения.

Практически во всех, за редким исключением, словарях имперской эпохи С. Н. Прокопович не упоминается. Это связано в первую очередь с тем, что достижения Сергея Николаевича в его научной и политической деятельности были позже написания словарей или на стадии завершения их матриц.

В дореволюционных энциклопедических изданиях первая статья о С. Н. Прокоповиче была опубликована в «Энциклопедическом словаре» товарищества братьев Гранат [1, т. 33, с. 534]. В статье дано подробное описание профессиональной биографии Сергея Николаевича, также автор публикации определяет его научно-политическое мировоззрение. В конце статьи приводится библиография его научного наследия. Рецензии этого издания, опубликованные в периодической печати, были положительные. [2, с. 76]

Иная картина нам предстает в энциклопедических словарях советской эпохи.

В первом издании Большой советской энциклопедии статья о Прокоповиче отсутствовала. [3] Однако он упоминался в других, в частности в статьях «Временное правительство в России 1917 года», «Кредо», «Экономизм».

Целью второго издания БСЭ было освящение победы социализма в СССР, и дать, опираясь на марксистско-ленинскую теорию, партийную критику современных реакционных буржуазных течений в различных областях науки и техники.[4] В нем отдельная статья о личности С. Н.

Прокоповича не появилась. Он только упоминался в статьях «Экономизм», «Кредо», «Временное правительство в России», «Ревизионизм». Это можно объяснить авторитарным режимом в стране и, как следовательно, широким применением одобренных государством ярлыков в изложении информации. Следует отметить еще и то, что БСЭ второе издание не должно было противоречить Краткому курсу истории ВКП(б).

В третьем издании БСЭ впервые появилась статья посвященная С. Н. Прокоповичу [5, т. 21. с. 67]. В ней Сергей Николаевич показан как буржуазный деятель, который враждебно относился к советскому строю и всячески пытался с ним бороться. В этом контексте и охарактеризованы его труды. С. Н. Прокопович упоминается так же в 10 статьях. На появление отдельной статьи о Прокоповиче и учащение упоминания его в третьем издании, связано с оттепелью второй половины 50-х гг., когда произошло некоторое ослабление идеологической цензуры в литературе, искусстве и науке.

В отраслевых энциклопедиях статьи о С. Н. Прокоповиче идентичны БСЭ. [6; 7]

При сравнительном анализе энциклопедических словарей имперской и советской эпох, следует отметить, что важнейшим отличием их является мотивационная составляющая их редакционных комиссий. Люди, работающие над статьей Прокопович С.Н. в энциклопедическом словаре русского библиографического института Гранат, старались передать непредвзятую, как можно более объективную общественную оценку личности и деятельности Сергея Николаевича. Признание достижений С. Н. Прокоповича в разных сферах мировой и российской науки, а так же его роли в истории России. В словарях же советской эпохи в приоритете стояла задача использования словарей как «сильнейшего идейного оружия», что в свою очередь не давало объективно подойти к оценке этой личности. Однако все же следует отметить, что постепенно шел пересмотр отношения советских властей к С. Н. Прокоповичу, что и было мною показано при разборе данной проблемы.

Появление статей о С. Н. Прокоповиче, как в имперских, так и в советских словарях показывают нам признание его как выдающейся личности, внесший вклад в историю России и в развитие целого ряда наук.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь / Ю. С. Гамбуров [и др.]. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский библиографический институт Гранат, 1920

2. Кауфман И. М. Русские энциклопедии. М.: Мин. Культуры РСФСР, 1960.
3. Большая советская энциклопедия / О. Ю. Шмидт [и др.]. 1-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1926 – 1947.
4. Большая советская энциклопедия / С. И. Вавилов, Б. А. Веденский [и др.]. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1949 – 1958.
5. Большая советская энциклопедия / А. М. Прохоров [и др.]. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978.
6. Советская историческая энциклопедия / Е. М. Жуков [и др.]. М.: Советская энциклопедия, 1961 – 1976.
7. Экономическая энциклопедия / А. М. Румянцев [и др.]. М.: Советская энциклопедия, 1972 – 1980.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Н.В. Паршина

*Самарская государственная академия
культуры и искусств*

ПЕСНИ И МАРШИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ РУССКОЙ АРМИИ 1813-1814 гг.

Начало XIX столетия – время культурного расцвета, духовного подъема в России. События 1812 года оказали влияние на все виды искусства. Рост национального самосознания народа в период войны дал могучий толчок к развитию литературы, изобразительного искусства, театра и музыки. Война принесла народу множество бедствий, но в то же время заставила его осознать свои силы и пробудила чувство национальной гордости. Не без воздействия этих потрясений в первой четверти XIX в. происходят стилевые перемены и плавный переход искусства от классицизма и сентиментализма к романтизму.

Общие процессы развития русской культуры в начале XIX в., воздействие внешнеполитической обстановки нашли отражение в музыке. Менялся ее жанровый состав и образный строй.

К сожалению, лишь малая часть сочинений композиторов – современников войны 1812 года дошла до нашего времени. Нотных записей нет в широком доступе, для многих произведений они существуют в одном рукописном экземпляре. В своей работе мы опирались на труды специалистов-музыковедов, редкие издания и исполнения музыки 1810-х гг. Основное внимание уделено освещению тех музыкальных жанров, которые особенно чутко реагировали на военную обстановку рассматриваемой эпохи и затрагивали наибольшее число слушателей, а именно на марши и песни. При этом учитывается, что они звучали не только в чистом виде, но и становились частью музыкальных спектаклей, хоровых и инструментальных произведений.

Широкое распространение с началом войны песней и маршей не удивительно. Марш – главный элемент военной музыки. Ему присущи строгий неизменный темп, четкий ритм, активные мелодические интонации. Слово происходит от французского «la march», что означает

«поход», «переход». Существует четыре вида военных маршей: строевой (парадный), походный, встречный и похоронный. Военные песни созданы для поддержания боевого духа солдат. Они вдохновляли на подвиги и призывали к защите Отечества.

Рассматриваемая эпоха была временем смены поколений в русской музыке. На смену мастерам XVIII века приходят Степан Иванович Давыдов, Даниил Никитич Кашин, Катерино Альбертович Кавос, Осип Антонович Козловский, Степан Алексеевич Дегтярев, Семен Николаевич Аксенов и другие композиторы разного масштаба дарования, работавшие в различных жанрах, но вместе отразившие настроения своего времени.

Д.Н. Кашин, вдохновленный событиями 1812 года написал ряд патриотических песен, воспевающих героизм и доблесть русских воинов, мудрость и отвагу полководцев. Его песни вмиг становились народными: «Песнь Донскому воинству», «Авангардная песня», «Витгенштейновский марш». Песню «Защитникам Петрова града» на следующий день после первого исполнения пели наизусть, на концертах по требованию публики она исполнялась многократно. Слова припева этой песни неизменно сопровождалась криками «Ура!», слезами и бурными аплодисментами. Исследователи творчества великого итальянского композитора Россини, выяснили, что его, так называемая, русская песня «Путешествие в Реймс» является маршем Кашина «Ликуй, Москва! В Париже Росс!»

Ярко отразили настроения военного времени и сочинения С.И. Давыдова. 14 марта 1814 года прозвучала его «Песнь русских воинов в пределах Франции» с участием хора. Спустя два дня состоялась премьера песни «Где ты, сокол, птица быстрая» на слова А.Ф. Воейкова. Поэтичный русский по чувствованию и языку образ безымянной невесты воплотил лучшие черты русского женского портрета, силу ее скорби.

Накануне и в годы Отечественной войны, а также после нее на сценах музыкальных театров был поставлен ряд патриотических спектаклей. Их героями были подлинные освободители страны от наполеоновских полчищ – крестьяне-ополченцы, солдаты, казаки. Часто в музыке этих спектаклей угадывались близкие всем мелодии народных песен.

Самое крупное художественное событие довоенного периода – премьера в канун войны в Москве оратории «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы», написанной крепостным музыкантом графа Шереметьева С.А. Дегтяревым. Эта оратория по форме была приближена к опере.

К сожалению, музыка самих опер, созданных в этот период, стоит на относительно низком художественном уровне. Наиболее яркое произ-

ведение в этом жанре — опера К.А. Кавоса «Иван Сусанин», возникшая на волне патриотического подъема. Она имеет множество недостатков, но заслуживает внимания, так как в какой-то степени в ней был предвосхищен замысел величайшего творения М.И. Глинки — оперы «Жизнь за царя» (1836).

Большое количество куплетов маршевого и плясового характера содержит водевиль «Возвращение ополчения», поставленный в 1815 г. (автор текста — популярный в то время писатель П.Н. Приклонский). Содержание незамысловато: крестьяне приветствуют веселыми песнями и лихими плясками ополченцев, вернувшихся домой после длительного похода. Водевиль не представляет значительного художественного интереса, но уникален тем, что Кавос здесь широко использует народные песенные напевы.

Во многих сочинениях композиторов были отражены свободолобивые настроения общественности и, конечно, пафос борьбы за Родину. Особенно преуспел здесь О.А. Козловский, наиболее точно сумевший выразить мятежный романтический порыв, характерный для русской трагедии начала XIX века, сочетаемый с классической возвышенностью образов. Музыка Козловского органично вплеталась в драматургию произведения, при этом достигая подлинно симфонической широты. Ярчайшее из его сочинений — хоровой полонез «На победы Кутузова», написанный в 1813 г.

Отозвался на волновавшую всех современников тему известный гитарист-семиструнник и композитор С.Н. Аксенов, происходивший из дворян и совмещавший административную карьеру с занятиями музыкой. Его сочинением, относящимся к войне 1812 года, является «Марш для семиструнной гитары на погребение Его Светлости генерала — фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского». Отметим, что для гитарной литературы похоронный марш — весьма редкое сочинение.

События войны 1812 года служили источником вдохновения для композиторов-современников. Музыкальные произведения возникали по конкретным поводам важнейших событий того времени или обобщали настроения и чувства русских людей, которым выпала доля жить в военное лихолетье. Наиболее чутко отзывались на патриотический и общественный подъем эпохи авторы музыки маршей и песен, наиболее часто исполняемых и доступных широкой публике музыкальных жанров. Песенное и маршевое звучание отражалось и в таких жанрах, как оперный, хоровой и инструментальный. Марши и песни, как и музыка в целом, не менее адекватно, чем литература, живопись, скульптура отражали чувства современников, их настроения и отношение к происходившим событиям.

Библиографический список

1. Безотосный В.М. Внешнеполитический выбор России на геополитическом пространстве Европы в эпоху 1812 г. // Отечественная история. 2008. № 2.
2. Бутир Л.М., Келдыш Ю.В., Корженьянц Т.В. История русской музыки. Т. 4. М., 1986.
3. История Отечественной войны 1812 г.: указатель советской литературы (1918-1990 гг.). М., 1992.
4. Музалевский В. Русское фортепианное искусство. Л., 1961.
5. Музыкальная энциклопедия. Т. 1-2. М., 1973-1974.
6. Россия и Наполеон // Родина. 2002. № 8. Специальный выпуск.
7. Рыцарева М. Композитор Д. Бортнянский. М., 1979.
8. Тутунов В.И. История военной музыки России. М., 2005.
9. Федоровская Л.А. Композитор Степан Давыдов. М., 1977.

Н.А. Кондалова

*Пензенский государственный
педагогический университет*

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Последние десятилетия в отечественной науке отметились расцветом такой отрасли исторического знания, как история повседневности. При стабильно высоком интересе к проблематике «повседневности», остаются, однако, малоизученными как в теоретико-методологическом, так и в конкретно-историческом плане вопросы военной повседневности.

Современные исследователи доказали, что взгляд на военные кампании XX в. лишь с точки зрения хода боевых действий, стратегии, тактики, технической оснащенности и организационной структуры войск недостаточен, для того чтобы сложилось представление о войне полное и всестороннее [1; 2, с. 3-7, 11-15, 81-84, 125-130]. Они предложили свое видение военной повседневности как повседневности комбатантов и вынужденно оказавшегося в условиях боевых действий гражданского населения [3, с. 3-4]. Аналогичный подход к определению и анализу военной повседневности первой половины XIX в. представляется нам несколько односторонним. Утвердившееся в царской России еще с петровских времен правило «не армия при государстве, а государство при армии» [4, с. 392] легло в основу обременительной

системы повинностей по военному ведомству. В целях снижения расходов на содержание регулярной армии повсеместно практиковалось размещение войск по обывательским квартирам. Поэтому применительно к исследуемому периоду обоснованно изучение воздействия военного фактора на повседневную жизнь российского общества в условиях мирного времени.

Масштабность поставленной проблемы требует глубоких и длительных научных изысканий. Мы начинаем их изучением специфики повседневной жизни военного и гражданского населения первой половины XIX в., обусловленной пребыванием военнослужащих в провинциальных городах в мирное время. Локализация нашего исследования на материалах города как более сложного образования, чем сельский населенный пункт позволяет детальнее раскрыть и успешно объединить воедино отдельные сюжеты (материально-бытовое обеспечение, выполнение служебных обязанностей, несение повинностей и т.д.)

В первой половине XIX в. военные составляли в Пензенской губернии заметную городскую прослойку: их удельный вес (с семьями) равнялся 15-16% ко всему населению в губернском центре и 9-13% в уездных городах, причем на действительной службе состояло около 80% нижних чинов и офицеров [5, л. 41об, 45об-74; 6]. Приведенные показатели, однако, следует назвать усредненными: численность военных в провинциальных городах значительно колебалась и зависела как от факторов общенационального (имперская военная и внутренняя политика), так и регионального значения (например, движение в Пензу войск для участия в смотрах и маневрах) [7, л. 123, 125-126].

Категория военных была довольно неоднородной и включала лиц различного социально-правового статуса: служащие и отставные военного ведомства генералы и офицеры, служащие нижние воинские чины, кантонисты, солдаты отставные и проживающие по паспортам [8, л. 6-7; 9, л. 77об]. Объектом изучения мы избрали, в первую очередь, находившихся на действительной службе офицеров и нижних чинов, что объясняется соображениями следующего порядка: их значительностью в количественном отношении и значимостью для государства при осуществлении военно-мобилизационной деятельности.

Бытовая повседневность штаб-квартир полков и гарнизонный быт в Пензенской губернии во многом соответствовали друг другу и по принципиальным основаниям отличались лишь в одном: повседневный быт Пензенского внутреннего гарнизонного батальона и подшефных ему инвалидных команд определял фактор оседлости, постоянного пребывания в одном и том же городе. Система жизнеобеспечения военнослужащих в провинции напрямую зависела от качества выполнения населением, прежде всего податным, повинностей по военному

ведомству. В первую очередь справедливо это в отношении полков, расквартированных по партикулярным домам, т.к. строительство казарм в губернии по причине отсутствия к тому денежных средств не велось [10, л. 1-3; 11, л. 429-429об]. Офицеры и нижние чины батальона как гарнизонной части, напротив, имели возможность обзавестись семьями и домами в городе, лучше снабжались продовольствием [12, л. 2-9об; 13, л. 1об; 14, л.л. 1-2]. Однако отрыв от собственно воинской службы солдат, организация подсобных хозяйств (огородов) и ремесленных работ их силами следует признать постоянным явлением и в полках, и в батальоне, также как и неудовлетворительное медицинское обслуживание [15, л. 2-4; 16, л. 241об-243].

Характер взаимоотношений военных и гражданского населения при исполнении последним повинностей по военному ведомству был весьма противоречивым. С одной стороны, горожане тяготились общественными сборами на нужды войск и выделением подвод [8, л. 130]. Бремя натурального постоя практически не смягчилось системой льгот и введенным лишь в губернском центре денежным исполнением квартирной повинности [16, л. 25-25об; 17, л. 9об]. Поэтому горожане прибегали к легальным методам, а также изыскивали незаконные способы, чтобы избежать повинностей по военному ведомству [18, л. 198, 209, 236; 19, С. 235-236]. С другой стороны, городская жизнь в губернии с приходом войск заметно оживлялась. Военные принимали непосредственное участие как в экономическом, стимулируя торговые обороты и увеличивая доходы части горожан, так и в социокультурном развитии городского общества [20, л. 104; 21, л. 8].

Таким образом, работа над проблемами военной повседневности как на теоретико-методологическом, так и конкретно-историческом уровне видится нам перспективным направлением исторической науки, т.к. предоставляет в наше распоряжение новый подход к исследованию городской повседневности в XIX в.: изучение широких пластов жизни города через призму взаимоотношений военных и гражданского населения.

Библиографический список

1. См: Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.
2. Военный фактор в российской истории в XVIII – XX веках: сб. статей междунар. научн. конфер. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009.
3. Лысев А.В. Русский Порт-Артур в 1904 году, история военной повседневности: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2002.
4. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Ленинград: Лениздат, 1989.

5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2119.
6. Пензенские губернские ведомости. 1838. № 51.
7. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1047.
8. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1211.
9. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3496.
10. ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 602.
11. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 2.
12. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 218.
13. ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 335.
14. ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 336.
15. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 795.
16. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2359.
17. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 482.
18. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 259.
19. Записки Ивана Ивановича Мешкова // Русский архив. 1905. Кн. 2. № 6.
20. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 4.
21. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 5.

М.А. Васильева
*Оренбургский государственный
педагогический университет*

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ О ДЕТЯХ В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ)

На сегодняшний день одной из наиболее острых проблем является *сиротство* – социальное явление, характеризующееся наличием детей, оставшихся без попечения родителей [1]. На разных этапах исторического развития общества, в любом государстве были и будут дети, оставшиеся в силу определенных причин и обстоятельств без опеки родителей, а властных структур и общество призваны заботиться о воспитании этих детей-сирот.

В российском государстве проблема сиротства всегда была актуальна. История детского призрения в России берет свое начало со времен князя Владимира Святого. На первых этапах развития института социального призрения детей в России забота о сиротах была либо частным делом, либо возлагалась на церковь, а благотворительность в отношении неимущих, особенно детей, рассматривалась как высшая богоугодная акция, вытекающая из духовных побуждений.[2, с. 92-93.]

Во время правления Петра I призрение сирот начинает рассматриваться как общегосударственная проблема. Начинает закладываться законодательная база по данному вопросу. Появляются первые учреждения для воспитания «засорных детей». [3, с.98-99.]

При Екатерине II система социального призрения претерпевает новые изменения. С 1775 г. в каждой губернии было учреждено «особое ведомство для исполнения священных обязанностей благотворения несчастным всякого пола, возраста и состояния, имеющим нужду в помощи ближнего» [4, с. 219.].

В первой половине XIX в. работа по оказанию помощи в воспитании детей-сирот стало частью государственной политики. Так, в 1829 г. в Министерстве внутренних дел был принят «Проект положения о нищих» [4, с. 220-221.], согласно которому учреждались губернские попечительские комитеты, что положило начало распространению воспитательных домов и детских приютов не только в столичных городах, но и в провинции.

К концу XIX в. система общественного призрения детей в России представляла собой разветвленную сеть благотворительных обществ и учреждений [5, с. 123].

Однако, наряду с общими тенденциями развития системы призрения сирот, свойственными для России в целом, каждый регион имел специфические черты. Рассмотрим особенности становления системы призрения сирот на территории Оренбургской губернии в XIX в.

Первые сведения о наличии учреждений призрения детей-сирот в Оренбургской губернии появляются только в начале XIX в. В основном это прошения местных чиновников об открытии воспитательных домов для детей, чьи родители умерли или отказались от своего ребенка, а также дети, чьи родители находились в крайне бедственном положении. Кроме того, в приюты попадали и незаконнорожденные дети. [6, л.1об.] Так, в 1805 г. с согласия министра юстиции П.В. Лопухина в г. Уфе началось строительство воспитательного дома для «несчастнорожденных детей» [6, л. 1.].

Во второй половине XIX в. на территории губернии создается Попечительство детских приютов, в ведомство которого входило управление финансовыми делами [7, л. 14об.; 17-19] [8, л. 1-6] и решения кадровых вопросов, в частности утверждение кандидатуры на должность смотрительницы приюта, а также ее помощницы [9, л.19]. Члены Попечительства занимались устройством дальнейшей судьбы детей-сирот, после выхода их из приюта. Прежде всего, это касалось тех, кто по достижению 10-летнего возраста не смог поступить в какое-либо училище. Поэтому члены Попечительства настаивали на том, чтобы

для таких воспитанников в приюте было организовано обучение начальным навыкам столярного, башмачного, сапожного и другим ремеслам [9, л. 23-23 об.].

Следует отметить, что приюты создавались не только для «несчастнорожденных» детей, но и для обедневших дворянских семей. Так, в 1873 г. в г. Уфе был создан пансион (приют) для обучения в женской гимназии «бедных девочек благородного происхождения» [10, л. 2-5.]. Однако, его отличительной особенностью было то, что приют был открыт и содержался только за счет благотворительных взносов. [10, л. 5-5 об.].

Анализ архивных материалов по Оренбургской губернии показал, что система социального призрения детей в регионе развивалась постепенно. Вначале были организованы воспитательные дома для «несчастнорожденных» детей, преимущественно для младенцев, а потом были предприняты попытки создать в этих приютах систему обучения детей-сирот для дальнейшей их адаптации в обществе.

Библиографический список

1. Социальная энциклопедия. М.: Большая Рос. энцикл., 2000. – 436с.
2. Звягина Е. Философия подаяния: Традиции русской благотворительности //Наука и жизнь. 2002. № 7. С. 92 – 99.
3. Фирсов М.В. История социальной работы в России / Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 1999. – 256с.
4. Парфенова О. История развития социального призрения детей-сирот в России XVIII – начала XX вв. (на примере Чувашии) // Развитие личности. 2004. №1. С. 216-233.
5. Тевлина, В.В. Социальная работа в России в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 2002. № 1. С.116-124.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.6. Оп.2. Д 1347. Л. 1-3.
7. ГАОО. Ф. 135. Оп. 1. Д.4 Л. 14 об.; 17-19.
8. ГАОО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-6.
9. ГАОО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3. Л.19; 23-23 об.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14309. Л. 2-5 об.

МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В XIX ВЕКЕ

Во второй половине XIX века в Оренбургской губернии особо остро обсуждался «мусульманский вопрос», который содержал в себе несколько основных аспектов. Прежде всего, это положение мусульманского духовенства, количество приходов и мечетей на территории края, а также вопрос о переходе крещенных иноверцев обратно в ислам. Поэтому на протяжении длительного периода губернаторы Оренбургской губернии, в частности Н.А. Крыжановский, предлагали свои проекты в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий МВД. Особо важным губернатор считал, необходимость урегулирования положения мусульманского духовенства. По мнению Н.А. Крыжановского именно от духовенства исходили все ложные слухи о неблагоприятных действиях правительства. [5, л.41.об.] Для ликвидации этого негативного влияния губернатор предлагает ряд мер, направленных на ограничение позиций ислама в крае.

Однако центральная власть реагировала на все эти процессы несколько иначе и чаще всего выступала с более умеренных позиций. Представленный Н.А. Крыжановским проект, не был принят. МВД Российской империи решило отложить введение этих мер до более благоприятного времени, ограничившись приговорительными трудами. Вероятно, это было вызвано опасениями правительства возможных брожений среди мусульман империи и распространения слухов среди них о переселении в Турцию. [4, с.110]

Еще одним аспектом, «мусульманского вопроса» в XIX веке на территории Оренбургской губернии был коллективный переход крещенных инородцев в ислам. [2, л.1] Переходы нерусских народов в ислам сопровождалась подачей прошений на Высочайшее имя с просьбой разрешить открыто исповедовать ислам. Татары отказывались исполнять обязанности, предусмотренные РПЦ и принимали мусульманский образ жизни. В середине 60-х годов «отпадения» охватили огромные территории Оренбургской, Казанской и ряда соседних губерний. Татары переходили целыми селениями. «Отпадали» не только новокрещенные, но и старокрещенные татары. Кроме того, движение охватило и некоторые языческие народы, особенно чувашей и удмуртов, которые «возвращались» не в веру своих предков, а принимали ислам. Местные гражданские власти не были склонны предавать «отпадени-

ям» серьезное политическое значение. [1, с.232] Поэтому действия местной администрации, заинтересованной в скорейшем наведении порядка, выражались в основном в поисках и затем «высылке» подстрекателей. Более драматично на это явление реагировали представители РПЦ. Современные исследователи при анализе феномена «отпадения» исходят из концепции идентичности, основным элементом которой в XIX веке являлась религия. С принятием православия, крещенные татары исключались из своей первоначальной общности и становились отшельниками в своих селениях. Они оказывались в «религиозном вакууме». С одной стороны они были формально отрезаны от мусульман, а с другой не были интегрированы и в христианскую общность.

По российским законам, мусульманам империи была предоставлена свобода вероисповедания. Вместе с тем, в случае принятия православия, возвращение в прежнюю веру запрещалось. «Отпадение» рассматривалось законом как временное заблуждение. Обычно вероотступников отсылали к православным священникам для наставлений. [3, л.18] В некоторых случаях «отступников» на время высылали в православные селения. Склонение крещенных в другую веру («подстрекательство» или «сворачивание») было уголовно наказуемо. За «сворачивание» в магометанство законом предусматривалось лишение всех прав состояния исылка на каторжные работы на срок от 8 до 10 лет. [7, с.69] Ввиду актуальности проблемы вероотступничества крещенных «инородцев», правительство разработало систему мер, предупреждавших и пресекавших «отпадения» от православия. [8, с.187] Был определен порядок рассмотрения дел об «уклонившихся». В последние десятилетия XIX века Комитет министров, рассматривая дела об «отпадениях» крещенных в мусульманство, ходатайствовал о смягчении назначаемого законом наказания, снисходя, с одной стороны, к побуждениям, руководившим виновными, с другой учитывая, что среда, где велась пропаганда, была православной лишь по метрикам. Тенденцию к смягчению законодательства в отношении вероотступничества отразила дискуссия 90-х годов XIX века о мерах наказания за «сворачивание», проходившая в рамках обсуждения проекта Уголовного уложения. [1, с.224.] Таким образом, движения возвращения крещенных татар в ислам, продолжавшееся на протяжении всего XIX века и в начале XX века, продемонстрировало властям, с одной стороны, слабость русско-православного влияния в крае, а с другой, силу ислама.

Итак, управлять такой империей как Россия, населенной многочисленными народами на территориях, в разное время приобретенных государством, на основе унифицированной модели организации местного самоуправления было невозможно. Поэтому правительство использовало различные варианты построения системы администрации

и самоуправления в центральных и окраинных губерниях, исходя из политической целесообразности и эффективности государственного управления. [6, С.37] По мере того как монархия становилась все более «светской», религиозный фактор уступал место политическим соображениям.

Библиографический список

1. Воробьева Е.И. Христианизация мусульман Поволжья в имперской политике самодержавия // Имперский строй в России в региональном измерении (XIX – начало XX века). Сборник научных статей / отв. ред. П.И. Савельев. М., 1997.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.11. Оп.1. Д.3292.
3. ГАОО. Ф.173. Оп.2. Д.2713.
4. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX- начале XX вв.). СПб., 1998.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.821. Оп.8. Д.594.
6. Правилова Е.А. Местное и центральное управление в России: проблема правового регулирования отношений // Имперский строй в России в региональном измерении.
7. Свод законов Российской Империи (СЗРИ). (1890). Т.14. Ст.41.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885. Ст.184.

Т.Е. Воробьева

Самарский государственный университет

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Викторианский период рассматривается как «золотой век английской истории», связанный с периодом завершения промышленного переворота, превращением Англии в «мастерскую мира», первую морскую и колониальную державу. «Шестидесятилетнее правление Виктории стало временем подъема средних классов, к которым в те времена относили все категории населения, занятые предпринимательской деятельностью, а также лиц, имевших доходные профессии врача, юриста, ученого, преподавателя, художника и т. п.» [1, с.9]. Эти экономи-

ческие и социальные изменения привели к изменениям в политике и мировоззрении англичан.

Феминизм и женское движение в XIX- начале XX вв. стали одной из идеологий, привлекавших внимание не только политиков или экономистов, но и тех людей, которые определяли тенденции культурного и интеллектуального развития Британии и которые так или иначе должны были обозначить свое собственное отношение к идее равноправия мужчин и женщин. «Женский вопрос» в интеллектуальных кругах викторианской Англии стал одним из наиболее обсуждаемым [2, р.137]. Тим Долин, утверждает, что для викторианцев не было более насущного вопроса, чем проблема поиска надлежащей социальной роли для женщины среднего класса: «Как эта роль определяется ее природой и насколько она отличается от природы и роли мужчины? Какую работу должны выполнять женщины, в каком образовании они нуждаются?... Это были вопросы жизненной важности не только для небольшой группы феминистских авторов и их сторонников или противников, но для всей средневикторианской читающей публики» [3, с.5].

Целью данной работы является рассмотреть, какое место занимал «женский вопрос» в интеллектуальных кругах викторианской Англии, кем же видели женщину «Человеком» или «другом Человека»?

Николай Алексеевич Некрасов не знал слова «феминизм». Но когда он писал «доля ты, русская долюшка женская», он явно защищал женское равноправие. Поэт и не подозревал, что английская женская долюшка была не намного слаше.

Исследовательница Ивон Мьюзками в своей статье «Викторианский контекст женского вопроса» утверждает, что в общественном мнении в это время существовали только две категории женщин:

- женственные «благородные»,
- неженственные «падшие»[4].

«Благородными» женщинами считали целомудренных не только поступками, но и помыслами, сдержанных, бдительных, приятных, постоянных в дружбе, полными привлекательного домоседства, мудрых в своих речах. Именно такой предстает нашему вниманию леди Уиндермир- одна из главных героинь работы Оскара Уайльда «Веер леди Уиндермир. Пьеса о хорошей женщине»[5, с.12].

В романе Джордж Элиот «Мидлмарч» один из героев, мистер Кейсобон, обращаясь к своей невесте, очень четко формулирует доминировавшее в XIX веке представление о роли женщины: «Великая прелесть вашего пола заключается в пылкой беззаветной привязанности, предназначенной для того, чтобы придавать законченность и завершенность нашему собственному существованию»[6, с.60]. Либераль-

ная концепция гражданства не рассматривала женщин как полноправных членов общества. Ряд исследователей отмечают также, что стремление к строгой нравственности, приведшее к установлению жестких норм викторианской морали, являлось реакцией среднего класса на развращенные нравы аристократического общества [7, р.34]. Результатом стало доминирование патриархатной модели «раздельных сфер», согласно которой существует четкое разделение между миром частной жизни, бывшей уделом женщин, и миром публичного, предназначавшегося исключительно мужчинам.

Постепенно стала проявляться заинтересованность английских женщин в событиях жизни социальной, выходящей за рамки только домашних проблем, начался процесс пробуждения женского сознания. В результате уже к середине XIX в. «в сотнях газетных и журнальных статей, письмах к издателю, лекциях и научных исследованиях, парламентских дебатах и юридических делах, руководствах по поведению, частных письмах мужчин и женщин всех классов (начиная с королевы Виктории), романах, поэмах и пьесах, карикатурах и картинах Королевской Академии представители среднего класса обсуждали и спорили о том, что они назвали “Женским Вопросом”» [2, р.71]. Однако даже это обсуждение в большинстве случаев не вышло за рамки общепринятой концепции «женственной женщины», по рождению и предназначению отличающейся от мужчины, поэтому лишь немногие британки решались преодолеть границы викторианской морали и отказать от сложившегося идеала феминности.

В конце викторианской эпохи появляется новый тип женщины «The new women». Женщина, которая подстраивается под современное общество, отличается мобильностью, сильным характером. Огромную роль на формирование культурного и общественного статуса новой женщины сыграли журналисты и художники. Такие поведенческие проявления как курение, отказ от привычной женской одежды, езда на велосипеде становились мишенью сатириков и карикатуристов и формировали иконографию и культурный стереотип новой женщины. Карикатура в журнале Панч. Дон Кихота. Подобные упрощенные стереотипы, созданные прессой, помогали держать под контролем потенциальную опасность.

Понимание проблем социальной значимости женщин не всегда было однозначным например общественный деятель Дж. Стюарт Милль напротив считал, что женщинам необходимо предоставить такие же права, как у мужчин, чтобы общество могло пользоваться лучшими умами обоих полов [8, с. 266].

Женский вопрос до сих пор волнует умы современного общества и остается по-прежнему далеким от своего разрешения. Вместо того, чтобы

быть вопросом сердца, задачей разума, он сделался какою-то экономической игрушкой, мерилом прогрессивности писателя. Прав был Наум Коржавин: «Ей жить бы хотелось иначе, носить драгоценный наряд... Но кони — все скачут и скачут. А избы — горят и горят».

Библиографический список

1. Узнародов И. М. Викторианская эпоха // Викторианцы: Столпы британской политики XIX века. Ростов н/Д, 1996.
2. Dolin T. George Eliot. Oxford, 2005.
3. Вершинина Д.Б. Грани женской эмансипации в судьбах и творчестве британских писательниц XVIII-XIX вв. // Проблема метода и поэтики в мировой литературе. Пермь, 2005.
4. Musekamp I. Victorian Context: «The Woman Question» // <http://itech.fgcu.edu/faculty/bsullivan/womanquestion.htm>
5. Уайльд О. Веер леди Уиндермир (Пьеса о хорошей женщине). СПб., 2011.
6. Элиот Дж. Мидлмарч. М., 1988.
7. Шнырова О.В. Социально-правовой статус женщины в викторианской Англии и суфражистское движение // ИвГУ. 2008. Вып. 4.
8. Милль Дж. Эмансипация женщин // Рассуждения и исследования политические, философские и исторические. СПб., 1864.

Т.В. Вяльдина

Тольяттинский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ ДАЧНОГО ОТДЫХА В Г. СТАВРОПОЛЬ-НА-ВОЛГЕ

Ставрополь-на-Волге конца XIX — начала XX вв. представлял собой городок средних размеров с населением всего около 6 тыс. человек [1, с. 27]. Однако, именно удачное расположение его в таком живописном месте предопределило известность данного региона не только в России, но и за ее пределами. Свежий воздух, сосновый бор, Жигулевские горы, мягкий климат, наличие большого количества кумыса — все это позволило организовать санаторно-курортного отдыха в самом городе и в прилегающих к нему территориях.

Не смотря на то, что в основном это направление было представлено частными лицами в виде дач, действующих в летний период, количество отдыхающих с каждым годом все более возрастало, благодаря еще и невысокой цене.

Впервые вопрос об организации отдыха в Ставрополе поднимался на заседании Городской Думы 6 мая 1879 г., в журнале заседаний от этого дня указывается, что «некоторые из лиц, проживающих в г. Ставрополь просили внести в Городскую Думу вопрос о том, не найдет ли она возможным разрешить устраивать бараки на летнее время в городской лесной даче, находящейся на восточной стороне города...» [2, с. 39].

В результате заседания Городской Думы было решено «разрешить лицам, желающим пользоваться воздухом в летнее время, в городской лесной даче устраивать в настоящем году летние помещения в той ее части, которая прилегает к городу» [2, с. 39].

Отдых в Ставрополе пользовался таким большим спросом, что к 1904 г. количество дач выросло до 300, а посещающих их дачников увеличилось до 3500–4000 человек [3, с. 41]. Причиной такого спроса было «как присутствие производившегося здесь на месте кумыса, так и свежий здоровый воздух сосновой рощи, в которой расположены дачи» [3, с. 42].

Массовое строительство дач привело к тому, что многие предприниматели не стремились улучшить внешний вид своих построек и в целом не особенно заботились об эстетической стороне дела.

К 1902 г. на дачном участке имелись несколько мелочных лавочек, семь кухмистерских и пять кумысных вотчин и лавок и, наконец, в северо-западном углу возвышался двухсветный курзал с театральной сценой, столовой, бильярдной и комнатой для чтения и тут же почти вплотную к курзалу примыкал буфет Ставропольского клуба. С другой стороны курзала была расположена кумысная лавка одного из содержателей кумысных заведений и кухня, а за всеми этими постройками вглубь леса начинался ряд Борисовских дач.

Одним из крупнейших владельцев дач являлся предприимчивый купец Иван Степанович Борисов. Еще в 1898 г. им был организован курортный зал для отдыхающих, чье времяпрепровождение, конечно, заботило власти.

Однажды на дачный сезон сам Иван Степанович от лица купечества нанял оркестр из 4-х человек. Но артисты не устроили посетителей.

После этого случая к развлечениям дачников и местных жителей подходили с большей серьезностью. Так, в 1909 г. Городская Дума заключила договор с дирижером Григорием Леонидовичем Смирновым с оплатой в 1300 рублей за сезон.

Благодаря существованию дач, ставропольчане имели возможность присутствовать на концертах и развлекательных вечерах, ведь кроме курортного зала «постоянных мест, где бы давались зрелища и увеселения в г. Ставрополь не имеется» [4, с. 170]. Лишь в период с мая по конец августа пока длился дачный сезон, культурная жизнь города «бур-

лила» всюю. В остальное время местную публику развлекали ставропольские любители сцены во время ярмарок на базарной площади.

Таким образом, существование дач вносило в культурную жизнь г. Ставрополя большое разнообразие.

Возникновение курортной зоны в Ставрополе было предопределено географическими условиями данной местности и желанием предпринимателей получить выгоду от застройки дач. Власти законодательно оформили эту инициативу, извлекая из этого свою выгоду в виде сборов за проживание и аренду земли под постройку дач. Однако вместе с этим, необходимо было решать и возникающие проблемы. В частности, организация отдыха для дачников. Курортный зал, открытый на деньги купечества, становится не только площадкой для «культурных экспериментов» властей, но и местом, пользующимся особой популярностью у городского населения. Именно благодаря существованию курзала, культурная жизнь Ставрополя развивалась в русле общерусской городской культуры. В город привозились развлечения различного рода, которые, кроме как в курзале, местная публика нигде больше увидеть не могла. В этом смысле существование дач играло большую роль не только для приезжих, но и для коренного населения г. Ставрополь.

Библиографический список

1. Журнал Ставропольской Городской Думы от 6 мая 1879 г.
2. Доклад Ставропольской Городской Управы о возбуждении ходатайства относительно разрешения городскому общественному управлению Ставрополя взимать денежный сбор с лиц, приезжающих на летний дачный сезон от 15 марта 1904 г.
3. Доклад Ставропольской Городской Управы очередному собранию Ставропольской Городской Думы от 7 сент. 1910.

С.А. Рябова

Московский государственный университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКОВСКИХ УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫХ САДОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В настоящее время ученые-историки все чаще обращаются к проблеме повседневности и досуга. История летнего досуга в России освещена очень фрагментарно, и многим ее составляющим не уделено должного внимания, особенно это касается таких заведений как увеселительные сады. Их изучению не посвящено ни одной монографии, за

исключением отдельных глав по увеселительным садам в работах искусствоведов Е. Кузнецова, Е.Д. Уваровой и Е.А. Сариевой [2,4,3], которых, в первую очередь, интересовала развлекательная программа, а также работ по истории городской повседневности, большей частью описательного характера, авторы которых не обходят стороной летний досуг, в том числе увеселительные сады [1,5].

Долгое время в отечественной историографии бытовало мнение, что увеселительные сады не занимали никакого существенного места в городской культуре, будучи кратковременным способом наживы бывших буфетчиков и аферистов, и к началу XX века исчерпали сами себя [2]. Но более глубокие исследования показывают, что многие сады являлись достаточно стабильными предприятиями, о чем свидетельствует то, что они просуществовали вплоть до национализации в 1918 г., принося хороший доход своим владельцам, например, московские увеселительные сады «Эрмитаж» и «Аквариум». Они признавались и в обществе, поскольку многие знаменитые актеры и певцы, в том числе иностранные, соглашались давать в них концерты и заключать с их антрепренерами долговременные контракты.

История увеселительных садов началась в Лондоне в 1661 году, когда был разбит первый сад Vauxhall, просуществовавший вплоть до 1859. С начала XVIII столетия увеселительные сады стали популярны по всей Европе, и эта мода не обошла стороной Россию. Во второй половине XIX века увеселительные сады Западной Европы пришли в упадок и уступили место кафе-шантанам, кабаре и мюзик-холлам, с одной стороны, и природным паркам, с другой. В России же, наоборот, увеселительные сады переживали этап своего наибольшего расцвета, особенно после отмены монополии императорских театров в 1882 г.

Увеселительные сады располагались под открытым небом, на их территории находились театр, ресторан с эстрадой и всевозможные развлекательные предприятия. При таких заведениях собственно сад с зелеными насаждениями мог называться садом лишь условно.

С 1882 по 1917 г. в Москве функционировало порядка 40 увеселительных садов и не менее 20 садов при ресторанах, гостиницах и варьете, причем некоторые закрывались, не проработав и сезона; в Санкт-Петербурге количество садов несколько уступало Москве. Увеселительные сады работали во многих губернских городах и в некоторых уездных. В Поволжье их открывали при кумысных, на Кавказе при источниках минеральных вод. Московские увеселительные сады были преимущественно частными коммерческими предприятиями. С начала XX в. различные просветительские общества и городские власти также стали устраивать увеселительные сады, но уже с образовательно-воспитательными целями. Очень часто их открывали при народных домах,

начавших появляться в России после введения винной монополии в 1895 г., для отвлечения рабочих от пьянства, разумной организации их досуга и поднятия общего культурного уровня. Народные дома отчасти напоминают советские «дома культуры» с театром, библиотекой-читальней, чайной-столовой, вечерними курсами и кружками, обсерваторией, но отличаются от них наличием больниц для алкоголиков и музеев пьянства в некоторых из них.

Изначально увеселительные сады предназначались преимущественно для высших слоев общества, потом стали оплотом купеческого досуга, а с конца XIX в. круг посетителей еще больше расширился за счет простого народа. Любой опрятно одетый человек мог попасть туда, заплатив входную плату. Таким образом, увеселительные сады, рассчитанные на широкую аудиторию, объединяли в своих пределах разные слои городского населения, способствуя, с одной стороны, приобщению простого народа к буржуазной культуре в коммерческих садах, а с другой – его воспитанию в некоторых общественных.

Развлечения в увеселительных садах представляли собой синтез высшей и низшей культуры, заимствуя разные элементы из казенных театров, европейских кабаре, цирка и балаганных представлений. Они позволяли встречаться на одной площадке актерам противоположных жанров и разных по своему положению театров: императорских и ярмарочных балаганов, взаимно черпать новые образы и манеру исполнительства.

Наряду с кинематографом увеселительные сады стали активными трансляторами массовой культуры, служили местом нивелировки вкусов и демократизации досуга. Изучение увеселительных садов дает возможность исследовать не только культуру и городскую повседневность, но и социальные сдвиги, поскольку можно проследить, как менялась их аудитория, ее вкусы.

Библиографический список

1. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири. Новосибирск, 2004.
2. Кузнецов Е. Из прошлого русской эстрады. М., 1958.
3. Сариева Е. А. Городская развлекательная культура пореформенной Москвы. Канд. дисс. М. 2000.
4. Уварова Е. Д. Как развлекались в российских столицах (конец XIX – начало XX века). СПб, 2004.
5. Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности. Екатеринбург, 2001.

ПРАВОСЛАВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: СИНТЕЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Синодальный период в истории Русской Церкви не несет в себе только негативные окраски, он привносит в церковь новую систему организации, новое понимание самой религии [1, с.43], которая начинает рассматриваться как оружие государственного управления. Большое влияние на церковь оказывает не только Петровская эпоха, но и Эпоха Просвещения Екатерины II. Если Петр сломал традиционное церковное управление и сделал Церковь механизмом государства, то Екатерина внесла с идеей Просвещения новое понимание мира и ценностей.

История Церкви в Екатерининский период является достаточно изучено. В основном рассматривается процесс секуляризации церковного имущества. Но исследователи обходят стороной проблему влияния идей Просвещения. Одна из немногих работ по проблеме взаимодействия православия и Просвещения – это статья О. А. Цапиной [2], в которой она подняла вопрос о том, как взаимодействуют Православие и Просвещение, и было ли влияние идей Просвещения на православие или же эти идеи отвергались и не прижились на русской почве.

Эпоха Просвещения в России совпала с эпохой классицизма, когда шло переосмысление окружающей действительности. Идет попытка очищения православия от суеверий и возвращению к евангельской вере. К тому же на смену идее о Третьем Риме, приходит идея о том, что Россия – это наследница всего Античного мира [3, с.63]. К этому времени Синодальная реформа Петра I дала свои результаты и начинает появляться новое духовенство, сменившее старое. На смену малороссийскому духовенству, которое очень негативно относилось к преобразованиям, пришло великоросское духовенство, которое было уже частью регулярного государства Петра I [4, с.547]

Само государственное отношение Екатерины к Церкви были ясно запечатлены характером тогдашних либерально – политических воззрений на религию и Церковь. По этим воззрениям религия считалась очень важной и опасной политической школой, которой нужно умело пользоваться как лучшим орудием в управлении народом, но, которую, необходимо подчинить государственным интересам.

Екатерина с самого начала своего правления считала, что Церковь не должна вмешиваться в государственные дела, а делами духовными. Наиболее остро встает вопрос о том, как должно пониматься истинное православие и какое место оно занимает в жизни всего государства и отдельного человека.

История русской Церкви периода правления Екатерины Великой является достаточно изученной, но исследователи этого периода обходят стороной проблему влияния на православное образование, формирование церковных структур идей Просвещения. Особенно сильное влияние идеи французского Просвещения начинают оказывать еще в период правления Елизаветы Петровны, а со временем вступления на престол Екатерины, оно утвердилось окончательно. Английский деизм, прошедший через французскую философию, становится популярным направлением не только среди светского общества, но и в кругу высшего духовенства. Идеи деизма прослеживаются и в работах митрополита Платона (Левшина). Но здесь следует сразу отметить, что митрополит не слепо копирует идеи западных просветителей, а привносит свое понимание этого явления, говоря о том, что «проведение божие есть не ложное, однако не нарушающее свободу действий человеческих» [5, с.87].

Но не только митрополит Платон оказался под влиянием идей Просвещения, и реализует их в богословии. Он признавал, что законы — это дар Божий, так же как и разум, которым наделил Бог человека как образ и подобие свой. Митрополит обращает большое внимание на возрождение «евангельской веры» основанной на двенадцати символах веры, принятых еще на Никейском соборе. Также эти идеи воспринимали архиепископ Дмитрий (Сеченов), который в ответ на проект обер — прокурора И. И. Мелиссино по реформированию церкви подает свою записку, которая во многом отражает не только идей Просвещения, но и проскальзывают элементы протестантизма.

Также влияния Просвещения не удалось избежать и епископу Тихону (Соколовскому), который находился под влиянием книги И. Арндта «Об истинном христианстве» [6, с.69].

Таким образом, можно проследить тенденцию к тому, что влияние Просвещения на православие было, но это было не слепое копирование западных идей, которые были чужды православному миру, а их адаптация к православному миру. Идеи православия и Просвещения настолько переплетались между собой, что было практически невозможно выявить собственно православный и просветительский элементы.

Библиографический список

1. Карташев А.В. Очерки по Истории Русской Церкви. М., 1992. Т.2. 769 с.
2. Цапина О. А. Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред.С. Я. Карп, С. А. Мезин. М.: Наука, 2004. С. 303 – 313.
3. Маркова О.П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е гг. XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4. С. 52 – 78.
4. Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
5. Платон(Левшин). Иерм. Сочинения. Православное учение или краткая богословия. СПб. 1765. 250 с.
6. Ходзинский П. Два труда об истинном христианстве – Святитель Тихон Задонский и Иоганн Арндт // Журнал Московской патриархии. 2004. № 2. С. 62 – 73.

Н.В. Николенко

Поволжский государственный университет сервиса

ЦЕННОСТИ ЗДОРОВЬЯ В СВАДЕБНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Здоровье является одной из главных ценностей в жизни общества. Без здорового образа жизни населения нельзя обеспечить общественный прогресс, экономический рост, благосостояние, а также личное счастье каждого индивида и благополучие семьи. Во многих культурах существовали и продолжают существовать свои способы поддержания и сохранения здоровья. Накопленные столетиями и проверенные многими поколениями народные традиции, обычаи и способы физического воспитания ориентированы, прежде всего, на организацию оптимальной двигательной активности, рационального труда и отдыха, разумного питания, удобного жилища, а также культивирования нравственных отношений между людьми.

Успешное использование культурного наследия народов Среднего Поволжья как средства сохранения и поддержания здоровья населения приобретает огромное значение для современной России. Как известно, одним из важных элементов здоровьесберегающей системы любого народа является народная медицина. Однако наряду с рациональными способами сохранения здоровья и физического развития каждая

этническая культура региона обладает еще ритуально-обрядовыми и знаково-символическими компонентами системы сохранения жизни и здоровья населения [6, с. 7]. К одному из таких компонентов можно отнести свадебный обряд народов Среднего Поволжья как инициализацию и переход из одного жизненного состояния в следующее (рождение-свадьба-смерть) с обязательными элементами здоровьесберегающей системы.

Неотъемлемым атрибутом в проведении свадебного обряда у народов Среднего Поволжья является баня, с помощью которой происходит закаливание и очищение организма человека. Так, для татарских молодоженов баня являлась оздоровительным атрибутом послесвадебного обряда. В то же время, у русского населения Среднего Поволжья накануне венчания девушки топили баню для невесты, так называемая «девичья баня», и шли к жениху за венником и мылом. Веник украшали цветами, лоскутами и лентами, называя его «девичья краса», носили по селу с песнями и плясками. Затем веник приносили невесте и ставили в углу, зажигали сухой березовый венник, проводя тем самым фитотерапию помещения, что также благоприятно сказывалось на здоровье невесты [3, с. 34].

Важную роль в сохранении и поддержании здоровья молодоженов играли местные знахари, целители и ворожеи. Накануне свадеб знахрей приглашали в дома к жениху и невесте, чтобы те осмотрели все углы, притолоки и пороги и прочли над ними заговоры-заклинания. Потом знахари и колдуны поили молодых наговорной водой, дули на скатерть, обметали потолки, клали ключ под порог, выгоняли со двора черных собак, осматривали метлы, окуривали бани, сбрызгивали наговорной водой кушанья, вязали спальные снопы, подкладываемые в постель новобрачных под перины, ездили в лес за бузиною и вручали свату ветку девятистручкового стручка. Эта ветка считалась сверхмагической – все отгоняла, поправляла и сохраняла [4, с. 126].

Следует отметить, что средний возраст среди вступающих в брак народов Среднего Поволжья составлял 16-25 лет, что также положительно сказывалось на здоровье молодоженов. Однако, известны случаи женитьбы среди русского населения Среднего Поволжья в 12-13 лет [6, с. 116]. Как известно, продолжительность жизни женатых людей в среднем на 5 лет дольше, чем у холостяков. Также холостяки в три раза чаще заболевают, чем женатые.

Обычно в семьях народов Среднего Поволжья было широко распространено большое число детей, которое обуславливалось географическим местоположением хозяйства и необходимостью множества «трудовых рук». Однако ранние роды и большое число детей, изнашивая

организм, негативно сказываются на продолжительности жизни женщины [1, с. 18]. Поэтому оптимальной для достижения долголетия у женщин региона является детность 3-4 ребенка, причем рождение первого ребенка должно произойти не ранее 30 лет, а последнего — не позже 45. С другой стороны, по наблюдениям врачей, здоровые дети рождаются в той семье, где возраст молодоженов составляет 25-40 лет [2, с. 118].

У народов Среднего Поволжья в условиях тесного социокультурного взаимодействия выработались некоторые универсальные черты в проведении такого общественно важного ритуала как свадьба. Таким общим атрибутом, исполняемые в проведении свадебного обряда, у всех народов Среднего Поволжья является гигиена (посещение бани), эмоциональная разгрузка и поддержка (мальчишник, невестин плач), помощь знахарей, ворожей, колдунов, которые выполняли функцию очищения и перехода молодоженов на следующий жизненный этап.

Таким образом, в проведении свадьбы народами Среднего Поволжья использовались ритуально-обрядовые и знаково-символические компоненты символизирующие ценности сохранения жизни и здоровья как молодоженов, так и их будущего потомства.

Библиографический список

1. Лифляндский В.Г., Нечаева Е.Н., Энциклопедия здоровья и долголетия. М. : Изд-во Эксмо, 2003. — 240 с.
2. Лоранский Д.Н., Лукьянов, В.С. Азбука здоровья: Книга для молодежи. М. : Профиздат, 1990. — 176 с.
3. Осипова Н. П., Федоров М. Г., Белоглазов Г. А. Этносы Самарского края. Историко-этнографические очерки. Самара: Администрация Самарской области, 2003. — 288 с.
4. Рогов А.П. Мир русской души, или История русской народной культуры. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. — 352 с.
5. Российская повседневность: от истоков до середины XIX века / Под ред. Л. И. Семенниковой. 3-е изд. М.: КДУ, 2009. — 240 с.
6. Серов А.А. Народные традиции сохранения здоровья и физического воспитания у мордвы: конец XIX — начало XX в. Саранск, 2008. — 197 с.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. 1917 – 1920-е ГОДЫ

В самых первых документах советской власти – «Декларации прав народов России» и обращении СНК «К трудящимся мусульманам России и Востока» – было закреплено право всех народов на развитие своей национальной культуры, что подразумевало получение образования на своем языке.

Система управления национальным образованием сложилась в начале 1920-х гг. В составе Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) был образован отдел нацменьшинств, в 1921 г. преобразованный в Совет по просвещению национальных меньшинств – Союзнацмен с разветвленной сетью местных отделений, который в свою очередь в 1929 г. был реорганизован в Комитет национальностей при Наркомпросе – Комнац.

Система национального образования, складывавшаяся в Советской России, включала в себя несколько ступеней.

Пункты «ликбеза» – это первая ступень в системе национального просвещения, создаваемой в стране. Такие пункты наиболее активно действовали именно среди национальных меньшинств, у большей части которых (прежде всего восточного происхождения) уровень неграмотности был чрезвычайно высок. В октябре 1919 г. Наркомпрос принял постановление «Об организации дела просвещения народов нерусского языка», предполагавший работу по ликвидации безграмотности среди населения нерусского языка на территории РСФСР в возрасте от 8 до 50 лет. По стране была развернута сеть пунктов по ликвидации неграмотности и школ для неграмотных и малограмотных. Так, на 1928 г. таких школ было 2726 [6, с.22].

Следующий уровень системы образования для нацменьшинств – национальные школы, действовавшие на родном языке разных народов. Декрет о создании школ на нерусском языке был принят в октябре 1918 г. В 1920-х годах процесс создания национальных школ шел весьма активно в разных районах страны [2, с. 149]. По данным школьной переписи 1927 г. обучение велось на 70 языках. Число национальных школ во второй половине 1920-х гг. было уже довольно большим. В 1928 г. в РСФСР насчитывалось 12514 школ 1 ступени и 1416 школ повышенного типа (2-й ступени, семилеток, школ крестьянской молодежи и т.д.) на национальных языках [1, с.18,22]. Среди особеннос-

тей национальных школ было преобладание среди них школ первой степени и, начиная с середины 1920-х гг., продленный срок обучения.

Крайне важным аспектом культурной революции в Советском государстве была подготовка кадров, в том числе национальных. Среднее специальное образование представители национальных меньшинств могли получить как в общих, так и в соответствующих национальных учебных заведениях, однако последние ограничивались в основном подготовкой педагогических и сельскохозяйственных кадров.

После введения в 1925 г. всеобщего начального образования предусматривалось значительное увеличение количества педагогических техникумов. Так, постановление СНК РСФСР «По докладу НКПроса о просветительной работе среди национальных меньшинств РСФСР» (принят президиумом Госплана РСФСР в заседании 29.04.1926 г.) гласило: «Считать основной задачей открытие необходимого количества педагогических учебных заведений для национальных меньшинств, в соответствии с планом введения всеобщего обучения и обратить внимание на обеспечение учащихся стипендиями» [3, л.38]. Вторым основным направлением среднего специального образования для национальных меньшинств были сельскохозяйственные техникумы, создание которых шло еще более медленными темпами и в 1920-х гг. находилось в «зачаточном состоянии» [7, л.80]. Одно из первых национальных учебных заведений этого профиля – Финский сельскохозяйственный техникум (ФСХТ), учрежденный в 1923. Техникум предполагал 4-летний срок обучения в двух самостоятельных отделениях – низшем и высшем, по 2 года в каждом. В целом это направление среднего специального образования, несмотря на существование ряда сельскохозяйственных техникумов для национальных меньшинств в разных регионах страны, явно отставало. В 1928-х гг. в стране насчитывалось лишь 67 национальных техникумов [1, с. 22].

Еще одним звеном в системе национального образования в Советской России были рабочие факультеты, или рабфаки, осуществлявшие подготовку в вузы молодежи, не получившей своевременно среднего образования.

До 1924 г. представители национальных меньшинств обучались преимущественно на рабфаках московских и ленинградских вузов. Во 2-й половине 1920-х гг. стали открываться национальные рабфаки и отделения при общих рабочих факультетах. Рабочие факультеты являлись фактически «единственным путем для проникновения нацменьшинств в высшие учебные заведения» [4, с.70].

Свою лепту в подготовку национальных кадров вносили национальные отделения и кафедры (как смешанные, так и для конкретных национальностей) при общих вузах. Такие отделения существовали в

МГУ, Смоленском и Воронежском университетах, Ленинградском пединституте им. Герцена, Дальневосточном пединституте и пр.

Верхняя ступень, венчавшая всю систему национального образования – это высшие учебные заведения для национальных меньшинств. В Советской России создавались специальные вузы как для отдельных национальностей (Еврейский, Эстонский, Немецкий, Корейский) [5, с. 192], так и вузы интернациональные (Коммунистический университет трудящихся Востока, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада). В силу ряда объективных причин (недостаток выпускников школ 2-й ступени, нехватка педагогических кадров для вузов, слабое материальное обеспечение, культурная отсталость некоторых этносов и отсутствие у них своей письменности и пр.), создание вузов для отдельных национальных меньшинств по сравнению с общесоюзной практикой шло замедленными темпами. В лучшем положении находились западные национальные меньшинства (немцы, финны и др.)

Таким образом, можно констатировать, что в Советской России / СССР за короткий срок была создана цельная система национального образования, состоявшая из нескольких ступеней. Подобные действия советского правительства оказали позитивное влияние на рост культуры и образования, формирование слоя интеллигенции в среде национальных меньшинств.

Библиографический список

1. Просвещение национальностей. 1929. №1.
2. Болтенкова Л.Ф. Интернационализм в действии. М., 1988.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.296. Оп.1. Д.163.
4. Десять лет строительства рабфаков. Сб.ст. М-Л., 1929.
5. Смирнова Т.М. Национальность – питерские. СПб., 2002
6. Просвещение национальностей. 1928. №1.
7. ГАРФ. Ф.296. Оп.1. Д.193.

А.Н. Шафрановский

Самарский государственный университет

ХУЛИГАНСТВО В 1920-30-ые ГОДЫ В САМАРЕ

Цель исследования состоит в изучении городского хулиганства, как одной из форм девиантного поведения городского населения в 20-30ые годы XX века.

Поставленная цель определила **задачи** исследования:

- провести анализ слова «хулиган»
- дать анализ хулиганству в 20-30ые годы XX века в целом по стране;
- исследовать особенности хулиганства на региональном уровне.

Слова «хулиганство», «хулиган» в русском языке появились предположительно на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, причем их происхождение принято связывать с англоязычными странами – Англией и США. Так, в Англии слово «hooligan» распространилось примерно с 1890 г., «обозначая исключительно дерзких озорников юго-восточной части Лондона и сразу попав в юридическое уложение Prevention of crime Act [1, с.4].

В работах С.И. Ожегова слово «хулиганство» определяется как крайнее бесчинство, поведение, сопряженное с явным неуважением к обществу, к достоинству человека. Между тем, в криминологической литературе утверждалось, что хулиганство является типично русским явлением, и связано с особенностями характера нашего народа и его прошлой историей[2, с.103-104].

Конечно же, российское законодательство предусматривало запрет на различные нарушения общественного порядка и в более ранние периоды, начиная со времен Русской правды[3, с.11], однако собирательный термин «хулиганство» появился в нем только в начале XX века.

Дореволюционное законодательство не предусматривало преступление, которое квалифицировалось как «хулиганство». Определение этого преступления, его состава появилось только в российском уголовном кодексе в 1920-е годы. С. Панин это связывает с тем, что «именно в советской России распространение хулиганства достигло степени национального бедствия, что и нашло отражение в ее законодательстве»[4, с.1].

Криминологи 20-х гг. отмечали, что «хулиганит в основном рабоче-крестьянская молодежь в возрасте от 18 до 25 лет и, главным образом, на почве социальной распушенности, выражающейся в грубой примитивности интересов, в отсутствии культурных запросов и социальной установки, в крайне низком образовательном уровне»[5, с.343]. Практически все хулиганские дела стали проходить по статье 58 Уголовного кодекса – «контрреволюционные преступления»[5, с.375].

В 20-30-е годы XX века по мнению городских властей Самары среди причин, вызвавших сильнейшее распространение хулиганства выделялись:

1) традиционные привычки вражды и мести группировок из отсталой части молодежи городских окраин с целью показать свое влияние,

удаль (в Самаре в дореволюционное время это явление носило особую форму «Самарской горчицы»);

2) распространение пьянства и распушенность среди рабочих;

3) слабость культурно-просветительской работы, особенно на окраине;

4) большая скученность в центре на небольшой территории зрелищных и увеселительных предприятий и одновременно с этим широкое распространение питейных заведений [6, с.65].

Библиографический список

1. Шапошников В.Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М.: Московский лицей, 2000.

2. Краснушкин Е.И. К психологии хулиганства // Хулиганство и поножовщина. М., 1927.

3. Егоров В.С., Кадников Н.Г. Квалификация преступлений против общественного порядка: Учебное пособие. М.: ЮИ МВД России, 2000.

4. Панин С. Хулиганство в советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4.

5. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006.

6. Климошкина А.Ю. Повседневная жизнь населения советского города в 20-30-е гг. XX в. (на материалах Среднего Поволжья) // Платоновские чтения: Материалы XI Всероссийской конференции молодых историков г. Самара, 2-3 декабря 2005. Самара: «Универс-групп», 2005.

Н.П. Аргамонова

Самарский государственный университет

СОВЕТСКАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА 1920-х гг.

Досуг, зрелища и развлечения являются важными элементами бытового уклада. Проведение досуга, характер развлечений в городе наряду с общенациональными чертами, имеют некоторые свои особенности, которые во много зависят от пола, возраста, социального положения, образовательного уровня, от существующих в рамках всего общества и данной социальной группы традиций, наконец связаны со спецификой занятия населения, с более глубоким общественным разделением труда, с особенностями экономики, материальных, общественных и культурных условий. Большое и самое непосредственное влияние на проведение свободного от работы времени оказывает об-

шественная и культурная жизнь города, наличие в нем театров, клубов, библиотек и т.п. Социальная трансформация приводит к изменениям характера функционирования различных элементов культуры, переосмыслению ее символов, переопределяют способы культурного наследования и коммуникации, отношения власти в рамках культурных институтов. Праздники, как важнейшая составляющая социальной истории и современности является неотъемлемым элементом социокультурной гармонии и интеграции, одновременно обладая потенциалом нестабильности и беспорядка, и потому часто выступает инструментом идеологического управления.

Ранний советский праздник был органично связан с революционным моментом в истории России, когда прямо на глазах умирала старая жизнь, а на смену ей рождалась новая, широко открытая будущему. Тем самым он как бы отмечал собой качественный переход социального бытия из одного состояния в другое, и для обновления мира была определяющей для всей его сущности.

В праздничности советского массового праздника было нечто свое, неповторимое с точки зрения традиционных норм праздничности [1, с. 34]. Традиционная праздничность, была связана с сознательным или бессознательным (по традиции) противопоставлением будням и исключением из собственной сферы негативных, отрицательных моментов человеческого бытия. Она черпала свое вдохновение в мире условном [2, с. 246].

В создании советских праздничных традиций и внедрении их в народный быт главная роль принадлежит городу, городским трудящимся. Именно в городской среде в ходе политической борьбы зародились новые праздничные традиции. Создание новых безрелигиозных обрядов играло важную роль в борьбе передовых сил общества за новый быт против старых традиций и представлений. Успешнее всего оно проводилось в сфере общественных праздников. В это время делались попытки создания безрелигиозной семейной обрядности [3, с. 282]. Обращая внимание на неоднозначность последствий борьбы с «пережитками прошлого», нельзя не заметить, что положительные результаты с точки зрения успешности антирелигиозной борьбы далеко не всегда соответствовали положительным результатам с точки зрения государственных интересов.

В советском празднике, если рассматривать его с обрядовой стороны, центральное место, помимо митинга, занимало шествие, демонстрация, движущаяся под маршевую музыку духового оркестра [4, с. 208]. И праздничный митинг, и праздничное шествие, даже будучи взятыми в чистом виде, синтезировали в себе восторг безграничной свободы,

готовность к самопожертвованию, радость победы, стихию чувств и раскрепощенного воображения [5, л. 25].

Советская праздничность имела жизнеутверждающий характер. Отмечая свои праздники, советские люди не только оглядывались на прожитое и сделанное, но и собирали духовные силы для решения еще более сложных задач завтрашнего дня. В основе большинства советских празднеств лежат значительные общенародные события прошлого и настоящего, вся длительная и сложная история строительства в нашей стране общества. Великие идеи, определяя собой содержание советских празднеств, делают их явлением необычайно впечатляющим. Принципиальным моментом советской праздничной культуры выступало то, что ее развитие зиждилось, с одной стороны, на всемирной поддержке государства, а с другой – на силе всенародной инициативы.

Библиографический список

1. Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985.
2. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. М., 1978.
3. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения РСФСР в прошлом и настоящем: На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.
4. Конопкович А.А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М., 1990.
5. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Самарский губком ВКП(б). Оп.1. Д.669.

И.Н. Макарова

Самарский государственный университет

СОДЕЙСТВИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОРГАНАМ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В 1955 -1965 гг. (НА ПРИМЕРЕ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В управлении народным образованием деятельное участие принимали различные общественные организации – коллегии и советы, постоянные комиссии по делам молодежи, по делам несовершеннолетних, создаваемые при местных Советах народных депутатов, и др.

При школах работали Университеты родителей по вопросам обучения и воспитания детей. На занятиях использовались материалы печати, радио, медицинских комиссий. [1, л.3].

К 1964/65 учебному году на всех крупных заводах и при самоуправлениях были созданы и работали родительские комитеты. Они создавались в целях обеспечения постоянной и тесной связи с родителями учащихся школ и избирались на общем собрании родителей. Председатель родительского комитета выбирался из состава его членов. Родительский комитет привлекал родителей к активному участию в жизни школы, оказывал помощь в учебно-воспитательной работе, в организации производственного обучения, производственного и общественно полезного труда учащихся и внеклассной работы, в осуществлении мероприятий по укреплению хозяйственной и учебно-материальной базы школы, в проведении самообслуживания учащихся и оздоровительной работы среди них. Участие родителей в работе школы определялось Положением о работе родительского комитета, утверждаемым Министерством просвещения РСФСР.

В исследуемый период появилась также новая форма воспитательной работы — собрания родителей-коммунистов и советы коммунистов из числа родителей. Опыт работы такого совета, например, обобщался при школе №32 города Куйбышева, была издана брошюра. Особое внимание уделялось слабоуспевающим детям, имеющим сниженные оценки по поведению. Над такими ребятами устанавливалось индивидуальное шефство.

В Куйбышевской области родительские комитеты активно работали на базе крупных предприятий и зачастую принимали различные формы собраний: конференции отцов, собрания родителей-коммунистов и т. д.

В Куйбышеве были созданы и активно работали Городские советы родительской общественности. [2, л.46-54]. Их секции держали тесную связь с предприятиями, изучали вопросы положительного воспитания детей, помогали учителям, ставили вопросы воспитания на предприятиях, в завкомах, в организациях.

С 1961 года роль семьи в воспитании получает заслуженное признание, и этот вопрос в данный период начал широко обсуждаться педагогической общественностью.

На Всероссийском съезде учителей в 1960 году Н. С. Хрущев дал установку: “Пример родителей и старших членов семьи очень важен в формировании взглядов и идеалов, устремлений и привычек. Семейное воспитание надо рассматривать как один из очень важных участков работы партии. Надо воспитывать у всех трудящихся чувство ответственности за воспитание детей...”. [3, с.16-20]. Как следствие данной установки, широкое привлечение родительской общественности к выполнению закона о всеобуче приобрело прежде всего политическую

значимость. В результате в этот вопрос был привнесён административный нажим.

Примечательно, что родительская общественность наравне с руководителями, учителями и учащимися школ, работниками горОНО, предприятиями и организациями принимала на себя социалистические обязательства по подготовке школ и других детских учреждений к учебному году. Например, в 1960г. в целях претворения в жизнь исторических решений декабрьского Пленума ЦК КПСС 1959 года и осуществления закона “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР” и лучшей подготовки к 1960/61 учебному году не только на учителей и работников отдела народного образования, но и на родительскую общественность города Сызрани был возложен целый ряд обязательств:

- считать своей главной задачей проведение в жизнь закона “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР”;

- в целях осуществления всеобщего восьмилетнего обучения детей с 7 до 16-летнего возраста в микрорайонах города систематически проводить тщательный учет детей, всех детей школьного возраста охватить учебой и не иметь отсева без уважительных причин;

- полностью использовать фонд для оказания материальной помощи остро нуждающимся учащимся;

- выполнить народно-хозяйственный план по сети школ и контингенту учащихся по 1-4, 5-7, 8-10 классам, школам-интернатам, школам рабочей молодежи и детским садам;

- в связи с переходом средних школ №1, 9, 22, 23, 29 на экспериментальный план подготовить необходимые условия. [4, л.2-4].

В ПТУ, так же как и в общеобразовательных школах, наряду с коллегияльными органами управления и общественными организациями имелись родительские советы.

Целью педагогического совета было обсуждение и решение основных вопросов обучения и воспитания учащихся.

В состав педагогического совета входили: директор школы (председатель), заведующий учебной частью, заведующий учебной частью по производственному обучению, заведующий учебно-производственными мастерскими, заведующий учебно-опытным хозяйством, учителя школы, старший пионервожатый, мастера производственного обучения, библиотекарь, школьный врач и председатель родительского комитета, который, как правило, присутствовал на всех заседаниях педагогического совета.

Следует отметить, что решение педагогического совета об исключении учащегося из школы подлежало утверждению районным (городским) отделом народного образования, который совместно с родителями принимал меры к продолжению образования учащегося или его трудоустройству.

Следовательно, можно сделать вывод, что Городские советы родительской общественности и родительские комитеты держали тесную связь с предприятиями, изучали вопросы положительного воспитания детей, помогали учителям, ставили вопросы воспитания на предприятиях, в завкомах, в организациях, тем самым привлекая широкую общественность к вопросам воспитания и образования.

Такие общественные организации как Университеты родителей по вопросам обучения и воспитания детей, родительские комитеты, собрания родителей-коммунистов и Городские советы родительской общественности не только активно участвовали в деле управления народным образованием и воспитанием детей, помогали учителям, ставили вопросы воспитания на предприятиях, в завкомах, в организациях, но и наравне с руководителями, учителями и учащимися школ, работниками горОНО, предприятиями и организациями несли на себе социалистические обязательства по подготовке школ и других детских учреждений к учебному году.

Таким образом, в исследуемый период удалось придать вопросам образования общегосударственное звучание, привлечь широкую общественность на местах к вопросам воспитания и образования.

Библиографический список

1. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф.205. Оп.5. Д.97.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.400. Оп.3. Д.1578; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.3038. Д.5968.
3. СФ ЦГАСО. Ф.187. Оп. 5. Д.58.
4. Народное образование. 1961. №1.

МУЗЫКА ПОКОЛЕНИЯ ДИССИДЕНТОВ. ГАЛИНА УСТВОЛЬСКАЯ

«Я весь навстречу музыке,
я смотрю на нее во все глаза,
я слушаю ее во все уши,
но я не вижу ее и не слышу.
Тогда отчего же я думаю, что она есть?»
В.Бутусов «Она есть»

Радиостанция «Свобода» в 2005 году провела опрос людей на улицах Санкт-Петербурга кто же такие «Диссиденты»? Диссидентов называли и шпионами, предателями, просто инакомыслящими. Некоторые из опрашиваемых честно признавались, что они не знают кто это и никогда об этом не задумывались. Исследователь феномена диссидентства Александр Даниэль утверждает: диссидентство – «не политическое движение и не идеологическая доктрина ... Диссидентским типом поведения я называю такой тип поведения, который отказывается от расширения рамок свободы и занимается утверждением не свободы, а независимости, ограниченной только законом».

В Англии XVI—XVII веков термин «диссиденты» применялся к членам протестантских групп, противостоявших официальной Англиканской церкви.

В 1960-е годы диссидентами стали именовать представителей оппозиционного движения в СССР и странах Восточной Европы. Александр Даниэль: «На мой взгляд, диссидентство – это явление советского прошлого, причем очень определенного его периода – с конца 50-х и до середины 80-х. Мне кажется, что не факт, что диссидентство не возникнет снова, но сейчас его нет, и сейчас это явление подлежит изучению историками, культурологами».

Специфика диссидентского движения в Советском Союзе определяется тем, что диссидентство как целое никогда не стремилось стать ни политической оппозицией, ни тем более политической партией. Это скорее явление культурного характера. Недостаточная оценка деятельности Сталина 20 партсъезда вызвала целый ряд вопросов и дискуссий, которые, порой, совершенно не умещались в рамки существовавшей цензуры. И тут на помощь приходит такое явление, как «Самиздат».

Каждый пишет что он слышит
Каждый слышит как он дышит
Как он дышит так и пишет
Не стараясь угодить

Б.Окуджава «Исторический роман»

Сказать правду было нелегко. Политика партии не допускала подобного свободного измышления. К концу 60-х уже были и аресты за самиздат, и вынужденные эмигранты, и диссидентов уже отправляли в психиатрические лечебницы. Люди подобные академику Сахарову и писателю Солженицину подвергались различным нападкам и преследованиям. Но это мастера слова. Как ни странно, говорить правду языком музыки тоже было очень непросто. Бдительное ухо партии внимательно вслушивалось в каждое исполняемое произведение. Среди цензоров была такая специальность — аллюзионист, специалист по намекам. Любое новое произведение искусства проверялось на идеологическую чистоту.

Отдельное внимание стоит уделить музыкальным предпочтениям партии. Венский классицизм и романтизм были излюбленными стилями. Излишне напоминать, что это музыка известная своей мелодичностью, консонансностью, строгостью письма и ясностью форм. Примерно такие требования в музыке выдвигались и к советским композиторам. В то время как уже в начале 20 века возникает такое течение как модернизм а затем и авангардизм. Композиторы Европы пишут музыку в новых атональных системах. По-новому оценивают мир, пытаются разумом охватить отгремевшие мировые войны, ищут место в новых городах для человеческого счастья. Советские же композиторы поставлены перед конкретной задачей — вдохновлять трудящихся. Всем известна цитата «нам песня строить и жить помогает».

«- О чем, о чем? О ком? — заговорил Воланд, перестав смеяться.- Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы? Дайте-ка посмотреть,- Воланд протянул руку ладонью кверху.» М.Булгаков «Мастер и Маргарита».

Легко себе представить в каком положении оказались тогда еще молодые композиторы далеких 60-х годов. В 1979 году на VI съезде Союза композиторов Тихон Хренников сказал об сочинениях молодых: Елены Фирсовой, Дмитрия Смирнова, Александра Кнайфкля, Виктора Суслина, Вячеслав Артемова, Софии Губайдулиной, Эдисона Денисова как написанных: «только ради необычных тембровых комбинаций и эксцентричных эффектов», в которых «музыкальная мысль если и присутствует, то безнадежно тонет в потоке неистовых шумов,

резких выкриков или невразумительного бормотания...». После чего 7 композиторов были внесены в «черный список».

Помимо сложного музыкального языка и явной тенденции к атональности молодые композиторы тяготеют к программности. Причем вдохновляют их произведения таких же диссидентствующих или репрессированных в 30-е поэтов и писателей, современных западных и, совсем уже из ряда вон, для советских реалий — средневековые православные и католические писания. У композиторов диссидентов продолжает продолжение тема «божественного начала», «обожественного космоса» начатая еще в конце 19 века Блаватской-Скрябиным.

*Я знаю, что нету ни рая, ни пекла,
Что грудь человека не урна для пепла,
А пепел Клааса — шестнадцатый век.*

Ю.Мориц С.Я.Маршаку

Особняком среди имен композиторов-диссидентов стоит имя Галины Уствольской. Начало ее творческого пути можно смело назвать успешным. Творчество Галины Ивановны высоко ценилось Шостаковичем, хотя большого влияния он на нее не оказал. С начала 50-х годов много занималась преподаванием, состояла членом Союза композиторов. На тот период пришлось то, что можно назвать большим общественным успехом: написанное ею крупное сочинение — былина «Сон Степана Разина» для баса с оркестром, получило всевозможное признание вплоть до регулярного включения в программу торжественных концертов, открывавших сезон в Ленинградской филармонии. Однако, довольно скоро — по воле чиновников от искусства и иных «сильных мира сего» — имя композитора стало постепенно исчезать с концертных афиш. Уствольская все дальше и дальше отходит от активной светской композиторской жизни. Галина Ивановна погружается в себя, словно отрекается от суетного, жестокого мира. Долгие десятилетия она пишет в стол. Самое страшное для композитора — не иметь возможности услышать свою музыку. Уствольская живет в полной бедности. «Нахожусь все время в мыслях. Ночи провожу тоже в мыслях и поэтому не успеваю отдыхать... мысли сгрызают меня. У меня абсолютно свой мир и я понимаю все по-своему. И слышу, и вижу, и поступаю не так, как все люди, я живу своей одинокой жизнью». Ее музыка «духовна, но не религиозна». Этот отрешенный от мира человек творит отрешенную от мира музыку, перед смыслом которой отступают образы и сравнения, словно ее воспринимают не мысль и чувство, а лишь сила духа. «Моя музыка — это моя жизнь» — говорила о себе Уствольская — «Сидела

бы под березой – как когда-то, сочиняя вторую симфонию – и больше ничего не нужно. Самое лучшее – одиночество». Позднее, в 90-е годы музыканты станут сожалеть, что «прошли мимо ее музыки». И не смотря на то, что музыка Галины Ивановны зазвучала со сцены, из затворнической жизни она уже так и не вышла. В тех немногочисленных интервью, на которые Уствольская соглашается- предельно кратка и лаконична. Перед смертью Галина Ивановна просит о невозможном – «Прошу каждого, кому дорого мое творчество, не делать его теоретического анализа».

Заключение

Свечой воссияй на немецком рояле,
Цветок, не-сго-ра-е-мый, как человек.

Ю.Мориц С.Я. Маршаку

В восьмидесятые вместе с перестройкой, в жизнь еще советского общества входит западная культура, роковая культура, издается ранее запрещенная поэзия и литература. Выходит из тени и музыка композиторов-диссидентов. Уже давно известные в Европе они впервые открыто выступают на широкой академической сцене. Выходит музыкальная статья «Шнитке нам нужен», в которой союз композиторов официально одобряет отечественный авангард. Хренниковская семерка выходит из многолетнего умалчивания. Только четверо из семи к 1991 году навсегда покинули страну. На данный момент, сожалению, не смотря на смену политического строя музыка советских диссидентов так же остается малоизвестной. По прежнему музыка Арво Пярта, Галины Уствольской, Альфреда Шнитке, Вечаслава Артемова, Елины Фирсовой и многих других композиторов звучит за рубежом и практически не исполняется у нас в стране. Пережитки советского образования встают барьером к восприятию сложной и духовно насыщенной музыки. А закончить доклад хочу строчками из известного стихотворения Марины Цветаевой:

Моим стихам о юности и смерти,
- Нечитанным стихам! -

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Библиографический список

1. В. Холопова. София Губайдулина. Путеводитель по произведениям. М., 2001. С. 3-4
2. Блог композитора: о музыке и не только [электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://www.fatramab.ru/blog/academic/sovremennye-kompozitory-rossii.html> (13 августа 2011)
3. <http://www.composers.ru/2011-08-18-01-25-34/555?task=view> (Super Administrator 01.01.2010 03:00)
4. Антифорум 7 [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ottomanka.ru/7/showthread.php?t=124> (27.06.2010, 21:21)
5. <http://www.guru4.narod.ru/st.htm> (Лимарев В.Н. 27.06.2010, 21:21)
6. Википедия: свободная энциклопедия [электронный ресурс] // – Режим доступа :<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0>
7. <http://wiki-linki.ru/Page/348787>
8. <http://wiki-linki.ru/Citates/348787>
9. <http://www.solzhenicyn.ru/modules/pages/Dissidenty-print.html>
10. http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E8%F1%F1%E8%E4%E5%ED%F2%FB_%E2_%D1%D1%D1%D0
11. Официальный сайт радио Свобода <http://www.svobodanews.ru/content/article/127632.html> (Опубликовано 28.05.2005 20:00)
12. Блок композитора : [электронный ресурс] // <http://music.tonnel.ru/index.php?l=music&alb=18006>
13. Уствольская [электронный ресурс] // – Режим доступа: [http://www.ustvolskaya.org/interview.php\(2009—2011_ustvolskaya.org\)](http://www.ustvolskaya.org/interview.php(2009—2011_ustvolskaya.org))

Д.В. Помелова

Самарский государственный университет

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МУЗЕЕВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Для более точного определения объекта исследования целесообразно поставить вопрос об определении объекта социальной истории музеев. Понятие «социальная история» крайне сложно поддается определению потому что, с одной стороны, описывает предмет истории «социального» в исторической ретроспективе, с другой стороны, под социальной историей часто понимается раздел истории, отличный от политической, экономической или культурной истории [1]. Проблемой определения социальной истории как сферы исторического знания занимался немецкий ученый Райнхард Зидер. В конце своей ста-

ты он делает вывод, что именно в социальной теории, формирующей концепции «общества», «класса» и «слоя», «субъекта» и «актера», «структуры» и «практики», «экономического», «социального» и «культурного» – ключ к решению проблемы целостности современной и будущей социальной истории [2, с.178]. Придерживаясь трактовки немецкой исследовательской школы социальной истории, будем понимать под ней историю социальных структур, процессов и явлений.

Неоценимый вклад в развитие социальной истории музеев внес английский ученый XX века К. Хадсон. Непосредственно к вопросу социальной истории музея он обращается в 1975 году в своей монографии «Социальная история музея». Перевод этой книги до сих пор не публиковался в России. Центральная идея работ Хадсона, состоит в том, что музеи существуют для общества, работают для людей и благодаря им.

Согласно мнению К. Хадсона музей привлекает посетителей с точки зрения развития собственного любопытства. Парадокс заключается в том, что, для того чтобы быть интересным посетителю музеем не обязательно быть «хорошим» с точки зрения профессионала. Другая трудность заключается в том, что музейные сотрудники не всегда адекватно способны спроектировать впечатление, произведенное той или иной экспозицией [3]. Этот процесс Кеннет Хадсон в работе «Влиятельные музеи» называет «музейной проблемой» [4, с.26]. Узнать мотивы и предсказать мысли людей это самое сложное.

Развитие музееведения как научной дисциплины и прикладной деятельности в Советском Союзе, периода с 50-80-х гг. дало мощнейший заряд ментальной энергии, которая находит отклик, и действует с точки зрения практики построения музейного пространства и развития идей вплоть до настоящего времени. Именно в этот период зарождается и развивается основная идея всей философии советского музея. Как в теории музееведения, так и в практике музейные сотрудники вводят понятие «музейный предмет» в разряд основы музейного дела. В советском музее возникает «культ музейного предмета» как такового. Это именно тот фактор, который создает противоречие взглядов на музей между музейным сотрудником и посетителем.

Интересным для изучения социальной истории советского прошлого является мнение Хадсона относительно музейных посетителей из разных стран. Так проводя социологические исследования реакций и эмоций от экспозиции музеев у различных людей, он замечает, что надо с осторожностью относиться к ответам посетителей из социалистических стран, где идеологическое влияние настолько сильное, что человек обязательно говорит социологам то, что от него ожидают услышать [5, с. 242].

В теоретическом осмыслении понятия социальной истории, ряд исследователей склоняются к выводу, что в той мере, в какой она приближается к новому историческому синтезу, перерастает «субдисциплинарные» рамки и перестает нуждаться в уточняющем определении [6]. Возвращаясь к объекту исследования социальной истории музеев, можно резюмировать, что в основе социальной истории музеев лежит изучение и осмысление отношений «музей-посетитель».

Библиографический список

1. Электронная энциклопедия «Фонд знаний «Ломоносов» [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.lomonosov-fund.ru – заглавие с экрана.
2. Sieder R. Was heisst Sozialgeschichte? Brüche und Kontinuitäten in der Aneignung des «Sozialen» // Österreichische-Zeitschrift für Geschichtswissenschaften, Jg. 1. H. 1. 1990, S. 25-48. /Перевод д.и.н. М. М. Духанов.
3. Hudson K. A Social History of Museums: What the Visitors Thought. London: Macmillan Press, 1975.
4. Хадсон К. Влиятельные музеи / К. Хадсон. Перев. Л. Мотылев. Новосибирск, 2001.
5. Лещенко А.Г. Кеннет Хадсон о социальной истории музеев//Вестник РГГУ: Культурология. Искусство. Музеология. №10. М., 2008.
6. Репина Л.П. Социальная история и историческая хронология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике, Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология, Э. Геллнер. Две попытки уйти от истории // Человек в истории. Личность и общество. М., 1990.

Н.В. Клековкина
*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭПОХИ «ЗАСТОЯ» В ПРАЗДНИЧНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Обращение к праздничной традиции в данном случае сведено к любимому празднику советских людей – Новому году. Утверждение о его исключительном положении в праздничном цикле носит статус аксиомы как у исследователей [1], так и у ностальгирующих современников.

Бесспорно, что праздник предполагал составляющую, обособливающую его время и пространство от обыденности [2, с. 304]. Но о привычных для Нового года практиках сказано достаточно, и мы попытаемся увидеть и объяснить как в праздничную тематику вплетена проблемно-обыденная сторона жизни.

Идеальным источником для подобного разворота исследовательского взгляда служат карикатуры. Речь пойдет о материалах, опубликованных в издаваемом в Казани журнале «Чаян». Как правило, они сконцентрированы в предновогоднем выпуске, но в некоторые годы сохранялись и в первом январском номере. Интерес представляет не только сюжетно-композиционный анализ изображений, но и их локализация. На первой полосе отражалось восприятие праздника с официальной позиции, а интересующие нас образы размещались во внутренних разворотах.

Особенностью советской культуры (в рамки которой вписывается и праздничная традиция) была «двойственность, создающая возможность для беспрепятственной переборки из реалистического дискурса в дискурс мифический или утопический» [3, с. 40]. В смысловом наполнении зимнего праздника эта смесь усиливалась синхронизацией прощания с пережитым и предвкушения грядущего. Не случайно дублируется образ докладчика в облачении деда Мороза на детских утренниках. Но в нашем случае эта фигура интересна не как проводник идеологии, а как символ проблемы, которую условно можно обозначить как сложности организации веселья.

Объяснение связано с *потребительскими проблемами*, которые подтверждаются через разграничение персонажей по степени доступа к желаемому. В ролевом ракурсе граница пролегает между начальниками и подчиненными. Для директорского сына наряжена «персональная елка» (Чаян, 1964, 1, 1), а за дверью кабинета, в котором она установлена, видны дети рядовых сотрудников, водящие хоровод вокруг елки без иголок.

Магический эффект объясняется тем, что советский Новый год был единственной датой, которая ратифицировалась атеистическим порядком как сакральное время, время чуда [4, с. 59]. Самое настоящее праздничное волшебство творит «дед Мороз из Торга», вручающий дефицитную шапочку для папы (Чаян, 1967, 1, 2). Впрочем, сам факт перевоплощения в этого персонажа сулил немалую выгоду, что подтверждает нагруженный снедь дедушка, поздравлявший сотрудников столовой (Чаян, 1984, 24, 2). На сотворение маленького чуда способны не только сказочные герои, но и рядовые сотрудники, приносящие в дар руководителю елки, которые вскоре занимают всю прихожую (Чаян, 1976, 1,6).

В разряд чуда последнюю ситуацию переводит факт нахождения красивых деревьев, так как проблема советского *качества* передана именно через состояние лесного хозяйства. Недаром елочные базары уподоблены пунктам продажи лыжных палок (Чаян, 1965, 24, 5) или элементов конструктора «Сделай сам», продающихся отдельно веток и иголок (Чаян, 1964, 24, 4).

К вопросам качества относится сюжетная тематика недружелюбного *сервиса*, присутствующая в зимних номерах проблема негреющих батарей усиливается образом деда Мороза. Он же помогает утрированию эффект «прохладного» отношения к покупателям (Чаян, 1965, 1, 3).

Доступ к главному символу праздника служит индикатором работы системы *распределения*. Проблема нехватки ограниченных ресурсов представляется в выдаче микродерева для праздника в микрорайоне (Чаян, 1971, 24, 4) или в наличии двух елок у организаторов, побоявшихся, что заявку сократят вдвое (Чаян, 1977, 24, 3).

Завершающую группу проблем в антураже новогодних праздников представляют *сложности советских семей*, которым предписывалось проводить праздник вместе. При отсутствии такой привычки новогодняя ночь оборачивалась хороводом вокруг телевизора, привычно заменяющего общение (Чаян, 1975, 24, 4). Еще одним объединяющим местом представлен праздничный стол, выступающий так же как пространство сатирического бичевания неумеренности в потреблении алкоголя. Тема эта стереотипно подана через детские слезы по поводу деда Мороза отвлеченного застольным общением с отцом (Чаян, 1970, 24, 7) или более образно в семейном портрете перед сервированным столом с супругом, рот которого закрыт на замок, а ключ украшает цепочку супруги (Чаян, 1970, 24, 7).

В предложенном обзоре естественно отражены не все темы, использован ограниченный (описательный) инструментарий комментирования визуальных образов, но, тем не менее, сделан важный шаг в сторону осознания «неидеальности» советской повседневности, проблемы которой имели такой сложный характер, что не давали о себе забыть даже в праздничной атмосфере.

Библиографический список

1. Круглова Т.А., Саврас Н.В. Новый год как праздничный ритуал советской эпохи: <http://proceedings.usu.ru>.
2. Сальникова А.А. История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. М., 2011.
3. Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002.
4. Адоньева С.Б. История советской новогодней традиции // Категория настоящего времени. СПб., 2003.

СЕКЦИЯ V. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И.Н. Плотников

Самарский государственный университет

ЕВРОПЕЙЦЫ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIII ВЕКА

В XIII веке в результате монгольских завоеваний образовалась огромных размеров многонациональная Монгольская империя [15, с. 87 – 98]. Много оказалось на территории империи и выходцев из стран Европы. Цель настоящей работы – рассмотрение и обобщение письменных источников, касающихся причин и истории пребывания европейцев на территории Монгольской империи, выяснение социальной принадлежности этих людей, их положения в чужеродной среде. Хронологические рамки исследования – 40-е – 70-е годы XIII века. Под термином «европейцы» в настоящей статье подразумеваются уроженцы стран Западной и Восточной Европы, католики по вероисповеданию.

Рабы. Общеизвестна практика захвата и увода в плен монголами множества жителей покоренных стран, в том числе Центральной Европы [10, с. 379; 5, с. 78; 13, с. 307–311]. Геккеньян, описывая поход монголов на запад, прямо указывает, что множество пленников было захвачено и депортировано в глубины Центральной Азии [2, с. 165–166]. Однако, в ходе своего путешествия от Солдая к Каракоруму и обратно, миссия Гильома де Рубрука встретила немало европейцев. Всего в сочинении Рубрука удалось выявить 12 упоминаний о европейцах. В том числе 9 раз упоминаются конкретные люди, а именно: Пакетта, Вильгейм Бушье, жена Вильгейма Бушье, приемный сын Вильгейма Бушье, Роже Бушье, Феодул, Базиль, немец живущий в Суммеркенте (имя не указано) и Госсет [8, с. 104–105, 115, 139–140]. Все европейцы, жившие в Монгольской империи, вероятно, были несвободными людьми. Даже Вильгейм Бушье, который занимал достаточно высокое положение при дворе великого хана, прямо называется Рубруком рабом матери Менгу-хана.

Еще 3 раза Рубруком упоминаются венгры. Поскольку в 2 из 3 упоминаний у Рубрука венгры предстают как христиане, то, скорее всего, речь идет о венграх, взятых в плен в Центральной Европе.

Купцы. Территория Монгольской империи оказалась на старом перекрестке торговых путей, и Чингизиды осознали роль торговли в изменившихся исторических обстоятельствах [9, с. 43; 4, с. 154-155]. С одной стороны монгольские ханы стремились к неисчерпаемым ресурсам международной торговли на маршрутах степной ветви Великого шелкового пути [6, с. 572]. А с другой стороны европейцы были заинтересованы в торговле с богатыми монголами [7, с. 154-155]. Как следствие, на территории империи появилось много европейских купцов.

В причерноморских и приазовских городах было полно итальянцев, главным образом генуэзцев и венецианцев [12, с. 206]. С середины XIII века с согласия золотоордынских правителей итальянцы начали свое утверждение на северном побережье Черного моря [14, с. 293]. Между 1260 – 1270 гг. (согласно одному переводу — в 1266 г.) генуэзцы основали торговую факторию в Кафе — Крыму. Венецианцы в это же время учредили или восстановили свои лавки в Солдае и Тане (Азаке) [14, с. 289].

Плано Карпини, проезжавший в 1246 — 1247 гг. через территорию Улуса Джучи упоминает о западноевропейских купцах: «Сверх того, свидетелями служат бреславльские купцы, ехавшие с нами вплоть до Киева и знавшие, что наш отряд въехал в земли татар, а равно и многие другие купцы, как из Польши, так и из Австрии, прибывшие в Киев после нашего отъезда к татарам. Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Руссию через землю татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли татар» [8, с. 84]. Из цитаты следует, что купцы могли путешествовать по своим делам в Понтийском регионе (т.е. территории Улуса Джучи), несмотря на отсутствие концессий, и торговых факторий [14, с. 288].

Еще одно свидетельство пребывания купцов во внутренних районах империи — путешествие братьев Никколо и Маффео Поло [3, с. 18].

Духовенство. Монголы были известны своей веротерпимостью, и вера в политической жизни монгольского общества не играли определяющей роли [10, с. 152]. Равнодушны были татары и к религии своих подданных [1, с. 91].

С течением времени наладились отношения между золотоордынскими ханами и Римом, и католические проповедники зачастили на Волгу [9, с. 26]. В Поволжье с середины XIII века стало заметным влияние католической церкви. Преимущественно оно было связано с орденом францисканцев-миноритов и его Аквилонским викариатом (основан в 1270-х – 1280-х гг., возможно в 1274г.), развернувшим свою деятельность на территории Улуса Джучи и состоявшим из двух кустодий — Газария и Сарая. Но все же влияние католичества в Поволжье

было ограничено русской православной церковью (в Сарае была русская православная епархия). Католичества было сильно в западных частях Золотой Орды, особенно в Крыму [12, с. 220]. В крымском городе Кафе уже в XIII веке католическая община построила церковь Девы Марии.

Дипломаты. За период с середины 40-х гг. по середину 50-х гг. XIII века папа римский Иннокентий IV и французский король Людовиком IX, организовали и отправили на восток четыре дипломатических миссии. Первой на восток отправилась специальная миссия во главе с францисканским монахом Джованни дель Плано Карпини. Вслед за ней была отправлена доминиканская миссия под руководством Ансельма Асцелина. В 1250 г. в монгольские степи отправилась миссия в составе Иоанна Каркассонского и Андрэ Лонжюмо. И завершила серию посольств на восток миссия под руководством францисканца Гильома де Рубрука [3, с. 6-10; 11, с. 150-153]. В результате всех миссий были собраны ценные сведения о глубинных районах Центральной Азии, монголах и Монгольской империи.

Итак, рассмотрев часть известных нам письменных источников – по истории прибывания европейцев в Монгольской империи. Можно сделать вывод, что на территории Монгольской империи в середине XIII века оказалось значительное число европейцев.

Библиографический список

1. Аннинский, С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. 1940. № 3.
2. Геккеньян Х. Поход на Запад и завоевание Восточной Европы // История татар с древнейших времен в 7 т. Т. III. Казань, 2009.
3. Горнунг, М.Б. Выдающиеся путешественники XIII в. // Плано Карпини; Дж. дель. История монгалов. 3 изд.; Рубрук, Г. де путешествия в Восточные страны. 3 изд.; Поло, М. Книга. 4 изд. М., 1997.
4. Греков Б. Д. Золотая Орда и ее падение. М., Л., 1950.
5. История Польши в 3 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
6. Крамаровский, М. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен в 7 т. Т. III. Казань, 2009.
7. Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий в 5 т. Изд. 3. Т. 1. М., 1982.
8. Плано Карпини, Дж. дель. История монгалов. 3 изд.; Рубрук, Г. де Путешествие в Восточные страны. 3 изд.; Поло, М. Книга. 4 изд. М., 1997.
9. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
10. Полубояринова М. Русское население городов Улуса Джучи // История татар с древнейших времен в 7 т. Т. III. Казань, 2009.

11. Рамм Б.Я. Папство и Русь в XI—XV веках. М., Л., 1959.
12. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.
13. Шавелева Н.И. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука, 1978.
14. Шамильоглу Ю. Торговля Улуса Джучи со странами Средиземноморья // История татар с древнейших времен в 7 т. Т. III. Казань, 2009.
15. Якубовский А. Монгольская империя // Исторический журнал. 1940. № 3.

Е.О. Кусакин

Самарский государственный университет

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XVI-XVII ВЕКОВ

Наше научное исследование посвящено русско-английским отношениям в XVI-XVII веках. История развития англо-русских связей легко может быть вписана в рамки основных закономерностей и явлений, характеризующих отношения России и Западной Европы в целом. Относительно активные связи русских княжеств с европейскими государствами в эпоху Киевской Руси сменяются затишьем и их относительной изоляцией. Усиление Московского государства в конце XV — начале XVI веков ведет к новому налаживанию отношений со странами Запада. Успехи русского и английского купечества и дипломатии приводят к появлению в Москве XVI века английских мастеров, купцов, путешественников, завязыванию прочного обмена договорами между представителями царствующих домов. XVII век — время дальнейшего расширения границ и все более активного впитывания английского влияния на Русь.

Последовавшее после полувекового перерыва Смуты «западничество» времени Алексея Михайловича и Федора Алексеевича подготовило почву для радикального поворота петровского времени. В целом, русско-британские связи XVI-XVII веков следуют основным колебаниям истории отношений России и Западной Европы. Однако особенности развития двух стран, а также многочисленные исторические случайности, неизменно сопровождающие закономерности развития, определяют «персональный» характер истории русско-британских отношений в различных областях, в том числе, в области дипломатии.

Актуальность выбранной темы не представляет сомнения и заключается в более тщательном изучении источников и литературы по англ-

ло-русским отношениям в XVI-XVII веках, так как данная тема в XX веке в отечественной литературе не привлекала пристального внимания ученых. Целью работы является выявить алгоритм зарождения и развития англо-русских связей, которые набирают силу во второй половине 16 века и не полностью прерываются даже в период смутного времени. В связи с поставленной целью были определены следующие задачи: 1. Выявить какие области вопросов интересовали Англию и Россию в период зарождения постоянных контактов между двумя странами; 2. Определить, изменилась ли основная тенденция англо-русских связей в период правления Бориса Годунова и последующей Смуты в Русском государстве.

Основным источником для нашей работы стали повести русских послов, представляющие собой обширные письменные отчеты о выполнении ими своих поручений, обо всем виденном и слышанном за границей и известные в исторической литературе под названием «статейных списков». Данные статейные списки приводятся в работе Д. С. Лихачева «Повести русских послов как памятники литературы». «Статейные списки» называли так потому, что послы в них обязаны были отвечать на «статьи» даваемых им наказов. Это документы деловой письменности, предназначенные для нужд делопроизводства, Посольского приказа в первую очередь. Язык документов «деловой», краткий, удобный для служебного пользования.

Специальной литературы о посольских книгах довольно мало. Их исследование начинается, по сути, с 80-х годов XX века. Во многих случаях предметом исследования продолжают оставаться статейные списки, но если брать за основу только их, то искажается историческая истина. Посольская документация (грамоты, указы посольствам), а также в сравнительном анализе сочинения зарубежных корреспондентов помогают раскрыть материал темы более основательно. Наиболее полным сборником английских сочинений XVI века о путешествиях по России являются переводы, изданные Ю.В. Готье. В книге помещены 16 авторских сочинений. В нашей работе были использованы выводы различных исследователей, изучавших английские источники, в том числе грамоты английских послов, их сочинения, воспоминания, отчеты.

В 1955 году в СССР была выпущена одна из первых книг, отчасти возвращавших в научный свет известия о документах по истории русско-английских отношений в XVI веке. Автором приводятся отрывки из многих, недоступных нам, документов по истории связей Англии и России, в частности письма Ивана грозного и Елизаветы из сборника Ю. Толстого (1875), акты, изданные А. И. Тургеневым (1842), матери-

алы смутного времени касательно связей с Англией (журнал «Старина и Новизна», 1911) и другие документы. Так же автором приведена подробная историография изучения вопроса англо-русских связей в XVI веке, начиная с академика И. Гамеля (1865). Дореволюционные авторы, по мнению исследователя, в целом сформировали круг интересов Англии и России в 16 веке по отношению друг к другу. Авторы последующих лет дополняли и расширяли толкования и исследования предшественников. Также отметим работы Л. А. Юзефовича, в которой большое место отведено дипломатии Ивана Грозного и А. Б. Соколова, который показал, как проходило формирование «образа другой страны» у русских и англичан. Также представление о международной обстановке того времени дает коллективный труд авторов по истории дипломатии.

А.В. Бородин

Самарская гуманитарная академия

«КЕМБРИДЖСКАЯ ПЯТЕРКА»: САМАРСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЛЕГЕНДАРНОЙ РАЗВЕДГРУППЫ

Одна из самых эффективных разведывательных групп советской разведки за рубежом, «Кембриджская пятерка» была создана в 1934 г. В нее входили: Ким Филби (настоящее имя и фамилия Харолд Адриан Расселл), 1912-1988), Гай Берджесс (1911-1963), Дональд Маклейн (1913-1983), Энтони Блант (1907-1983), Джонн Кэрнкросс (1913-1995). Все они выходцы из состоятельных аристократических семей Англии, выпускники одного из самых престижных высших учебных заведений в мире – Кембриджского университета. Начиная с середины 1930-х и по 1950-е гг. эти люди активно работали на советскую разведку.

На наш взгляд, представители кембриджской пятерки» считали своим долгом помогать Советскому Союзу, потому, что в нем они видели единственную опору в борьбе с фашистской чумой, которая стала в те годы распространяться по Европе. Кроме того, в начале 30-х годов в Европе разразился сильнейший экономический кризис, который вызвал массовую безработицу и обострил социальные противоречия в английском обществе. Участники «Кембриджской пятерки», как выходцы из богатых семей, ощущали, вероятно, определенную долю ответственности за нищенскую жизнь большинства людей. По этой причине они готовы были посвятить свои жизни светлomu, как им казалось, будущему других людей. Это будущее они связывали с Советским Со-

юзом, с идеями коммунизма, «в правоте которых, по словам директора МИ-5 (5-й отдел государственной безопасности военной разведки Великобритании, military intelligence) Перси Силтоу, они были искренне убеждены». [3, с. 53].

Для нас представляют интерес два представителя Кембриджской пятерки – Дональд Маклейн и Гай Берджесс, небольшой период жизни которых волею судьбы оказался связанным с Самарой.

Дональд Маклейн родился 25 мая 1913 г. в Лондоне. Его отец сэра Дональд Маклейн, шотландец по происхождению, был адвокат, либерал, В 1930-е годы он возглавлял Совет по образованию в национальном правительстве Великобритании.

Дональд Маклейн был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой в августе 1934 года при посредстве его студенческого приятеля Кима Филби. Поначалу он получил агентурный псевдоним «Вайзе», затем – «Стюарт», а впоследствии – «Гомер».

В 1934 году Маклейна зачислили на службу в Министерство иностранных дел Великобритании, и вскоре в Москву начинает поступать ценная информация, нередко докладывавшаяся самому Сталину.

В сентябре 1938 года Маклейна назначают третьим секретарь английского посольства в Париже. После возвращения из Франции он получил повышение в чине и должности – стал вторым секретарем – сотрудником Генерального управления МИД Великобритании. С весны 1944 года – первый секретарь посольства в Вашингтоне. Маклейн занимался вопросами сотрудничества ученых Великобритании и США в реализации ядерного проекта. С февраля 1947 года – в Смешанном политическом комитете, координировавшем англо-американо-канадскую ядерную политику. В 1950 году Маклейн становится руководителем отдела США Форин офис. Ему приходится заниматься согласованием позиций двух стран в связи с войной в Корее и возможностью использования американского атомного оружия для удара по Северной Корее. Полученная в это время от Маклейна информация имела для Москвы первостепенное значение. Полковник Юрий Модин так охарактеризовал Маклейна: «Если исходить из того, что цель разведки – предоставление правительству информации, помогающей принять важные решения, тогда разведчиком века надо признать Дональда Маклина!» [5, с. 55.]

В мае 1951 г. Маклейн попал под подозрение британской контрразведки. Эта информация стала известна Киму Филби, который в те годы занимал должность офицера связи между МИ-5 и ЦРУ США. Филби сообщил о начавшемся расследовании в Москву, где был срочно разработан план бегства Маклейна.

24 мая 1951 г. на встрече сотрудников СИС (Secret intelligence service, британская служба контрразведки), МИ-5 и Форрин оффис было решено обратиться к министру иностранных дел Герберту Моррисону за разрешением допросить Маклейна в следующий понедельник. Моррисон подписал заявление в пятницу, поздно ночью Маклейн вместе Берджессом тайно покинули Англию и затем переправились в СССР [2, с. 75].

В Москве Маклейн и Берджесс пробыли недолго. МГБ СССР располагало информацией, что после исчезновения Маклейна и Берджесса из Англии на них начали охоту чуть ли не все разведки западных стран. Поэтому было решено в целях безопасности отправить Гая Берджесса и Дональда Маклэйна, в закрытый для посещения иностранцев г. Куйбышев.

Осенью 1952 г. в г. Куйбышев прибыли два англичанина – Марк Петрович Фрейзер (Маклейн) и Джим Андреевич Элиот (Берджесс). Их поселили в доме № 179 (кв. 5) на улице Фрунзе. Чтобы не вызвать подозрения была придумана соответствующая «легенда»: Фрейзер и Элиот – «политэмигранты, профсоюзные деятели, подвергавшиеся преследованиям в Англии за свои прогрессивные взгляды». [4, с. 1.] Поскольку дело о тайном переезде в Куйбышев находилось под грифом «совершенно секретно», то о факте их пребывания в нашем городе знало только руководство МГБ СССР и очень узкий круг сотрудников Куйбышевского УМГБ.

Берджесс в Куйбышеве нигде не работал, а Маклейна устроили в Куйбышевский пединститут преподавателем английского языка. В архиве Поволжской государственной социально-гуманитарной академии сохранилось личное дело Фрейзера [1, л. 1].

В 1955 г. Фрейзер и Элиот уехали из Куйбышева в Москву. А в 1956 г. было официально объявлено о пребывании Маклейна и Берджесса в СССР и о том, что они приняли советское гражданство. 11 февраля 1956 г. в Москве состоялась их первая официальная пресс-конференция, где присутствовали и иностранные журналисты. На этой пресс-конференции Маклейн и Берджесс говорили о преимуществах советского государственного строя.

В заключении приведем слова бывшего директора ЦРУ США Алена Даллеса, который дал такую оценку деятельности советских разведчиков: «Информация, которую смогли добывать советские разведчики во время второй мировой войны, представляла собой такого рода материал, который являлся предметом мечтаний для разведки любой страны» [5, с. 70].

Библиографический список

1. Архив Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. Ф. 2304. Оп. 1. Д. 1061.
2. Филби Ким. Моя тайная война: воспоминания советского разведчика. М., 1989.
3. Крепость на Волге / Авт.- сост. С.Г. Хумарьян. Самара, 2003.
4. Хумарьян Г. С. «Эта работа – моя жизнь» // Промышленность и бизнес. 25 февраля 2004.
5. Модин Ю.И. Судьбы разведчиков. Мои Кембриджские друзья. М., 1997.

И.С. Селиверстов

Самарский государственный университет

ВЗАИМОТНОШЕНИЯ Г.К. ЖУКОВА И Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА И СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1940-50-Е ГОДЫ

Период второй половины 1940-х – середины 1950-х годов является противоречивым для истории советско-американской дипломатии. С одной стороны нельзя отрицать начало «холодной войны», что выразилось в быстром изменении отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами с дружественных на крайне напряженные. В российской историографии этот период двусторонних взаимоотношений является предметом пристального внимания исследователей.

Однако мало изучены позитивные советско-американские связи в 40-50-е годы. Таким примером может служить дружеские отношения Г.К. Жукова и Д.Д. Эйзенхауэра. Два великих полководца, внесшие огромный вклад в дело победы во Второй мировой войне и в мирной жизни оказались на высоких государственных постах, так Жуков в 1955-1957 годах занимал пост министра обороны СССР, а Эйзенхауэр с 1953 до 1961 года являлся президентом США. Они впервые встретились на войне, в 1945 году и сразу произвели друг на друга хорошее впечатление. Жуков вспоминает: «Внешне Д. Эйзенхауэр произвел на меня хорошее впечатление. Мне понравились его простота, непринужденность и чувство юмора» [1]. Эйзенхауэр же в своих мемуарах пишет: «Жуков навсегда остался для меня воплощением всех хороших качеств русского солдата» [2]. В 1945 году Эйзенхауэр был приглашен в Москву в статусе гостя Жукова и, судя по его воспоминаниям, отношения между американскими гостями и советским руководством были самыми доброжелательными, так Эйзенхауэр первым среди иностранцев удостоился

высочайшей чести – во время парада стоять на Мавзолее рядом с И.В. Сталиным [2].

Но после войны сложилась другая международная ситуация, и противоречия, которым в войну отводилась второстепенная роль, стали источником международной напряженности. Диаметральная противоположность идеологий СССР и США, равно как и добавившиеся к ней недоверие и подозрительность между странами обусловили возникновение неблагоприятной для мирного сотрудничества международной обстановки в данный период.

Несмотря на то, что после войны Дуайт Эйзенхауэр и Георгий Жуков являлись видным политическими деятелями своих стран, которых к тому же связывали дружеские отношения, они не попытались улучшить взаимоотношения между СССР и США. Конечно, в первую очередь, это было обусловлено общим курсом внешней политики двух сверхдержав, но не последнюю роль следует отводить и ухудшению личных отношений между этими двумя персонами. Последняя личная встреча Жукова и Эйзенхауэра состоялась в 1955 году в Женеве, на международной конференции, где они обсуждали текущие международные проблемы [3]. Жуков вспоминает: «Эйзенхауэра как будто подменили. Из общительного, улыбчивого человека он превратился в манекен без эмоций» [1]. Американский президент тоже дает негативную оценку Георгию Константиновичу: «Во время наших контактов в военное время Жуков был независим, самоуверен в рамках коммунистической доктрины, но он всегда был искренне рад пойти на контакты со мной по любому оперативному вопросу и сотрудничать, чтобы добиться разумного решения. Он принимал решения. А в Женеве он показался мне человеком сломленным: говорил он тихо, монотонно» [2].

Таким образом, на фоне ухудшающихся по различным политическим и идеологическим причинам отношений между СССР и США, которые в период середины 1940-х – середины 1950-х годов обе сверхдержавы не смогли и, возможно, не захотели улучшить, наблюдается кризис и в межличностных отношениях Дуайта Эйзенхауэра и Георгия Жукова. Обострение международной ситуации, военное противостояние двух государств, пришедшее на смену сотрудничеству, серьезным образом повлияли на взгляды бывших соратников по общей борьбе.

Библиографический список

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002.
2. Эйзенхауэр Д.Д. Крестовый поход в Европу. Смоленск, 2000.
3. Горьков Ю.А. Беседы Г.К. Жукова и Д. Эйзенхауэра на Женевском совещании 1955 г. // Новая и новейшая история. 1999. №5.

**ОТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ
НА ПРИМЕРЕ ДВУХСТОРОННИХ ВСТРЕЧ**

Отношения Московского Патриархата и Святого Престола во второй половине 90-х гг. продолжали линию, начатую в предыдущие годы. Неотъемлемой частью межцерковного взаимодействия в этот период стали двусторонние встречи представителей церквей. На этих встречах затрагивались такие вопросы как проблема униатства и прозелитизма, противодействие деятельности религиозных сект и подготовка к 2000-летию христианства.

Проблема униатства в этот период наиболее остро встала на территории Украины, где наблюдались сложные отношения между Украинской Православной и Греко-Католической церквями. На ряде двусторонних встреч, проходивших в 1995 – 1998 гг., делегации Московской патриархии и Святого престола рассматривали положение на Западной Украине и в Закарпатье. Участники встреч отмечали, что в этом регионе в отношениях между католиками и православными проявляется религиозная нетерпимость, несовместимая с общехристианскими нравственными нормами и ведущая к дальнейшей эскалации межконфессиональной вражды. Они призвали церкви Украины строго придерживаться принципов, положенных в основу Баламандского документа 1993 г., который требовал «избегать насилия, каким бы оно ни было – физическим, словесным или моральным» [1, с. 314]. Кроме того, участниками встреч было высказано пожелание невмешательства светских властей Западной Украины во внутрицерковные проблемы.

На двусторонних встречах второй половины 90-х гг. также поднималась проблема прозелитических действий Римско-Католической церкви на канонической территории Московской патриархии. Позиция русской делегации в этом вопросе сводилась к тому, что миссия Святого престола должна быть направлена только на тех, кто в силу своих национально-культурных корней принадлежит традиционно к католической пастве, а не на людей, имеющих православные корни и тем более крещенных в Православной Церкви [2].

Несмотря на то, что отношения между Русской Православной и Римско-Католической церквями осложнялись уже названными проблемами, по некоторым вопросам представители церквей все же пришли к единому мнению. Так, в связи с активизацией многочисленных ре-

лигиозных движений и сект были выдвинуты предложения о необходимости проведения совместных конференций, посвященных предотвращению этой серьезной угрозы [3].

Кроме того, в рассматриваемый период все больший объем в диалоге двух церквей принимает совместная подготовка к 2000-летнему юбилею христианства. В связи с этим каждой из церквей были образованы юбилейные комиссии. Состояние межхристианского диалога накануне Великого Юбилея Пришествия в мир Христа обсуждалось на прошедшей 15 сентября 1999 г. встрече председателя отдела внешних сношений митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла с архиепископом Миланским кардиналом Карло Мария Мартини [4].

Исходя из всего перечисленного, следует сделать ряд выводов. За рассмотренный период увеличилось количество двусторонних встреч представителей Русской Православной и Римско-Католической церквей, по сравнению с предыдущим периодом. Однако этот факт не говорит о потеплении отношений между церквями, так как ряд ключевых вопросов, обсуждаемых на встречах, не был решен. Это касается, прежде всего, межрелигиозной ситуации на Западной Украине и в Закарпатье, где за наблюдаемый период не произошло серьезных сдвигов. Острым остался и вопрос присутствия Католической церкви на канонической территории Московского Патриархата.

Библиографический список

1. Православие и католичество. От конфронтации к диалогу: Хрестоматия / Под ред. А. Юдина. М.: ББИ, 2001-2005.
2. Из доклада Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 18-23.2.1997 // Русская православная церковь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mospat.ru/archive/sobor_01.htm
3. Коммюнике двусторонней встречи между делегациями Московского Патриархата и Святого Престола 17-18.12.1996 // Русская православная церковь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mospat.ru/archive/ecr_ru97.htm
4. Визит митрополита Кирилла в Италию // Русская православная церковь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/archive/nr909241.htm>

**МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ «ОБРАЗА РОССИИ» В СОВРЕМЕННЫХ
АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ СМИ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 4 ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА**

Являясь орудием пропаганды, американские СМИ стремятся воздействовать на способ восприятия мировых событий своими гражданами и формировать их мнение касательно других стран. В сообщениях из-за рубежа и о событиях внутри страны или даже в местных новостях практически нет никакого разнообразия мнений, что обусловливается идентичностью материальных и идеологических интересов, присущих собственникам средств массовой информации.

Мощным орудием воздействия на адресата является концептуальная метафора. Метафоры с негативными оценочными коннотациями, векторами агрессивности, жесточенности чрезвычайно распространены в американских политических статьях, где речь идет о России.

Объектом рассмотрения являются британские (*Times, Guardian, Independent, Telegraph*) и американские издания (*New York Times, Washington Post, Chicago Tribune, Los Angeles Times, Wall Street Journal*). Материалом послужили аналитические статьи в данных изданиях, посвященные грядущим выборам в Государственную Думу 4 декабря 2011 года и политической обстановке в РФ.

В результате анализа материала было выделено 2 категории, посредством которых эксплицируется образ России в анализируемых англо-американских СМИ: 1) формирующих негативную составляющую образа России, 2) «нейтральные» категории, создающие только информационный фон.

В каждой статье рассматриваемых национальных СМИ подсчитывалось количество случаев обращения к выделенным типам категорий.

Было установлено, что, несмотря на то, что в и британском, и в американском медиа-пространствах присутствуют издания, демонстрирующие негативную позицию по отношению к России, британские СМИ в целом смещены в сторону «нейтрального» описания событий, наиболее ярко выраженным примером, которого является газета *Times*. Напротив, американское медиа-пространство полярно: наиболее яркими представителями «негативной» и «благожелательной» позиций являются американские *Chicago Tribune* и *Wall Street Journal* соответственно.

Медиа-пространства американских и британских СМИ в аспекте «нейтральных» категорий обнаруживают общие принципы организа-

ции: в каждом из них присутствуют издания, описывающие события с опорой на фактуальность (британские Times, Guardian и американский Wall Street Journal); издания, передающие точки зрения без рефлексии над ними (британские Telegraph и Mail, американские New York Times и Los Angeles Times); и издания-аналитики (британский Independent и американский Washington Post).

При анализе «негативных» категорий было выявлено, что основными координатными осями западного медиа-пространства являются: ось времени и ось типа аргументации. На полюсе прошлого, культивируя мифы советского периода, находятся такие издания, как Independent, Chicago Tribune, Telegraph. На полюсе будущего с категорией «негативных прогнозов» находится Guardian. Посредине, в «настоящем», располагаются The New York Times и Los Angeles Times. На второй оси перечисленные выше издания относятся к полюсу аргументации к чувствам. Обращение к рациональным аргументам (с обоснованием своей позиции с помощью двусторонней аргументации) характерно для таких изданий как Wall Street Journal,¹ и Times.

Таким образом, Россия в глазах США предстает как потенциальный источник опасности как для соседних стран, так и для всего мира, а также государством, где не прекращаются ожесточенные конфликты, борьба за власть и подавление инакомыслия.

С.В. Шафатова

Самарский государственный университет

РОССИЯ И КИТАЙ: ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ И СТЕРЕОТИПЫ

Интерес к Китаю во всем мире усиливается, но Россию затрагивает слабо — и это удивительно. Тем не менее, в современной КНР существует вполне устойчивый взгляд официальной пропаганды на нашу страну. С одной стороны, используются возможности для поддержания и развития существующих деловых и культурных отношений. Упоминается богатая история и культура нашей страны, говорится об экономическом развитии России, особенно за последние годы. В связи с этим упоминают об улучшении жизни народа. И наконец, события в России и ее политика и наши двусторонние отношения рассматриваются в контексте пожелания жить всем в вечном мире.

Речь идет и о России как о дружественном соседе. Но при всем этом в средствах массовой информации КНР, как говорят об этом сами китайские журналисты, внутреннюю политику России показывают «по-

зитивно», а внешнюю — «объективно». Это и есть составная часть политики в отношении нашей страны — как в области двусторонних отношений, так и на мировой арене.

Одну из немногих возможностей узнать о том, что происходит в сегодняшнем Китае, помимо протокольных новостей, дают книги и публичные выступления востоковеда старшего поколения Юрия Галеновича. Наши общества — китайское и российское — живут каждое своей жизнью. Однако мир изменился, общества изменились, но национальные интересы остались. Это мирные взаимоотношения, независимость и равноправие. Приспособление наших двух наций друг к другу в нынешних условиях, с одной стороны, необходимо, вынужденно, а с другой стороны, предполагает большую свободу для каждого. Свободу и внутри каждой из стран, и в области идеологии и культуры, и в области политики на мировой арене. Старое поколение в Китае все еще пытается утверждать свою правоту, критикуя Россию и взывая к чувству оскорбленного и униженного, — с его точки зрения, национального достоинства китайцев, а также к утверждению осознания правоты в области идеологии. Но, судя по поведению нынешнего и, скорее всего, грядущих поколений тоже, — для них, и в Китае, и в России, область чувств и сфера идеологии будут отодвигаться на задний план.

На протяжении более трех с половиной веков российско-китайских отношений баланс сил между двумя государствами фундаментально изменялся лишь дважды. Со второй половины XVII в. и до середины XIX в. оба государства были достаточно сильными, но Россия была слишком удалена от Дальнего Востока и заинтересована в стабильности на своих восточных границах. Во второй половине XIX в. усиление России и упадок Китая изменил ситуацию, и Россия получила возможность действовать с позиции силы. В 80-е и 90-е гг. XX в. политическое единство Китая было дополнено ускоренным экономическим ростом, в то время как Советский Союз пребывал в стагнации, а потом распался. Таким образом, в конце XX в. Китай впервые в истории превзошел Россию по экономической мощи и, возможно, по общему влиянию в мире.

Современный образ Китая в России сформировался на основе советского образа этой страны, а так же исторических и заимствованных представлений, которые реинтерпретировались под влиянием доминирующей политической культуры советского периода и новых геополитических реалий. По мере того как новое поколение, выросшее в постсоветском культурном окружении, становится социально активным, советская политическая культура постепенно отмирает и ее вли-

яние на генезис новых представлений уменьшается. В этой ситуации, естественно, поиск объяснений новых реалий гораздо чаще идет в более старой досоветской и иностранных культурах, хотя внешне в некоторых кругах общества советская идеология становится даже более популярной. Однако природа представлений такова, что эти заимствованные или «возрожденные» объяснения используются не как изолированные и самодостаточные элементы, а реинтерпретируются и ассимилируются доминирующей культурой, в данном случае новой постсоветской политической культурой.

Современный образ Китая в России — сложная система, состоящая из многообразных представлений на различных уровнях. Далее можно говорить о многочисленных субобразах Китая, имея ввиду образы в различных регионах России и у различных групп населения. Наиболее ярким примером является Дальневосточный регион, в котором присутствует рост страха перед соседями в связи с социально-экономическим кризисом данного региона. По словам А.В. Лукина, в течении нескольких лет население российского Дальнего Востока утратило свою привилегированную позицию жителей региона. Присутствует страх перед китайской миграцией, как возможность изменения «русского» характера Дальнего Востока и перед конкуренцией с китайской рабочей силой. В связи с этим реальная проблема для российского руководства состоит в том, как разработать и провести в жизнь стратегию сотрудничества с Китаем, которая бы ускорила экономическое развитие Дальневосточного региона, не нанося ущерба стабильности России.

Китайская сторона исходя из собственных интересов также стремится развивать сотрудничество с Россией. По некоторым сообщениям, китайское правительство серьезно обеспокоено ростом страхов перед «китайской угрозой» в России, а так же низкой репутацией китайских товаров. В целом существуют серьезные основания полагать, что теории о китайской угрозе всегда становились популярными в эпохи, когда россияне считали свою страну слабой или неспособной развивать свои дальневосточные регионы в достаточной степени для противостояния китайскому вызову.

В то время как содержание любых образов подвержено постоянным изменениям, образы Китая в России и России в Китае в целом более стабильны по сравнению с другими представителями.

Библиографический список

1. Галенович Ю. Взгляд на Россию из Китая: Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. М.: Время, 2010.
2. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI вв. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007
3. <http://blogs.euobserver.com/>

Е.А. Цирулева

Самарский государственный университет

ВИДЕНИЕ РОССИИ США

Сегодня я хочу поговорить с Вами о том, какой представляется Россия в системе мировосприятия американцев.

Что было раньше? Несколько десятилетий назад определить роль и значение страны было куда проще – есть СССР и США – очень сильные и влиятельные супердержавы, все остальные страны делятся на 3 категории, с точки зрения вовлеченности в мировые дела: приверженцы блока коммунистов, приверженцы блока капиталистов, и незначимые государства.

Что теперь? Супердержава больше нет, зато есть много новых акторов на мировой арене. Какое место в этой новой еще не сформировавшейся системе международных отношений занимает Россия с точки зрения американцев?

Чтобы ответить на данный вопрос хочу обратиться к мнению населения США, учитывая то, что во мнении граждан можно различить и позицию власти США (ведь эти уровни представлений о мире во многом влияют друг на друга).

Как много знают американцы о нас? Пожалуй, они имеют общие представления о нас. Чаще всего это стереотипы. Моей целью не является представить Вам некое визуальное восприятие России США, ведь все эти стереотипы о народе русском давно известны (тайга, медведь и водка). Хочу поднять вопрос сущностных, качественных характеристик страны.

Любое государство, как мировой игрок, так же представляется в Лицах. Здесь все просто, Американская Пресса в соответствующих рубриках часто пишет про Мистера Путина и Мистера Медведева, чей тандем совершенно не соответствует представлениям американцев о

представителях власти демократического режима. Это дополняется заявлениями авторитетных политиков и политологов, в духе: «В России должна произойти трансформация, чтобы она стала частью современного мира»[1]. А так же «Россия, что едва ли требует напоминания, остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье... Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает... Кроме того, России еще предстоит сделать свой основополагающий геостратегический выбор в плане взаимоотношений с Америкой: друг это или враг? Она, возможно, прекрасно чувствует, что в этом отношении имеет серьезные варианты выбора на Евразийском континенте. Многое зависит от развития внутривнутриполитического положения и особенно от того, станет Россия европейской демократией или — опять — евразийской империей.»[2]

Со стороны представителей американской власти и Масс Медиа все просто и закономерно. С другой стороны, есть мнение народа США. В данном контексте очень любопытны социологические опросы организации Гэллуп, которая является одним из наиболее надежных источников информации о состоянии общественного мнения в США и в мире. У жителей США поинтересовались, кого из списка стран вы можете назвать сильнейшей экономикой в мире: США, ЕС, Россия, Китай, Япония, Индия — за 2000, 2008, 2009 и 2011 России отдавалось 2% голосов из 100%. При этом, в феврале 2011 года, Голоса распределились следующим образом — Китай — 52%, США — 32%, Япония — 7%, ЕС — 3%, Индия 1%. Отвечая на вопрос, кто станет сильнейшей экономикой спустя 20 лет, всего 1% голосов отдается в пользу России, остальные 99% разделили — Китай — 47%, США — 35%, Япония — 5%, ЕС -4%, Индия 4%. Вопрос — Насколько важным вам видится то, что происходит в России. Ответы: в 2000 году 82% , в 2007 году — 80% и в 2011 году 82% находят события в России важными [3]. Исходя из приведенных выше процентов, можно сделать вывод: Малое количество американцев способно поверить в то, что Россия может совершить качественный рывок вперед. Но пусть вас не смущает 1 или 2%, стоит обратить внимание на другое — Россия предлагается и выбирается как один из всего нескольких вариантов, а это подтверждает то, что задатки у России определенно есть. Это же подтверждает, социологический опрос, проведенный мной летом 2011 года в штате Пенсильвания. На вопрос «с кем из стран вы видите необходимость близкого сотрудничества?» из перечня стран 80% опрошенных отмечали среди них Россию.

Почему так важно знать и понимать, то, какими видят нас другие страны? Дело в том, сейчас мы находимся в преддверии очередных

изменений – в 2012 году пройдут выборы глав США и России. Опираясь на уже существующий опыт межгосударственных отношений, на настроение и ожидания народа стран будет выстраиваться новая модель взаимоотношений. Социологические опросы показали не очень выразительный, но, тем не менее, положительный настрой населения США, которые вскоре изберут лидера, который будет представлять их интересы и в отношении России в том числе.

Библиографический список

1. З.Бжезинский. Интервью на радио «Эхо Москвы» 08.03.2008. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/499751-echo>
2. Бжезинский Зб.К. Великая шахматная доска (Перевод О. Ю. Уральской) / Зб.К. Бжезинский. М., 1998.
3. Gallup Organization. American Institute of Public Opinion. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://institution.gallup.com/poll/116350/Position-World.aspx>
4. Социологический опрос, проведенный мной в США, штат Пенсильвания, июнь – август 2011.

Я.В. Щетинская

Самарский государственный университет

«ФАБРИКИ МЫСЛИ»: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЯ

Система современных международных отношений характеризуется высокой степенью подвижности и стремительной динамикой качественных изменений. Преимуществом обладают те государства, которые способны мгновенно реагировать на происходящие перемены, быстро адаптироваться к новым вызовам, осваивать постоянно возникающие новые «правила игры», соизмеряя цели и ресурсы, используя свои экономические, политические, информационные и интеллектуальные возможности. В связи с этой ситуацией возрастает важность интеллектуального обеспечения принятия политических решений. В развитых странах существуют и активно развиваются системы институтов интеллектуального обеспечения политики – аналитические центры или так называемые «фабрики мысли».

Несомненным лидером на рынке «фабрик мысли» уже много лет являются США [1, р. 141]. Около трети существующих в мире анали-

тических центров сконцентрированы на территории данного государства, кроме того, в Америке данные структуры существуют с начала прошлого столетия. В этом смысле анализ американского опыта и последствия экспертной деятельности в стране, которая является крупнейшим игроком на рынке «фабрик мысли» представляется полезным для России. Аналитические институты в Америке начали активно развиваться с середины 1940-х годов, и многие центры известны по всему миру. Среди самых известных можно отметить корпорацию «РЭНД», фонд «Наследие», Институт Брукингса, Фонд Карнеги и другие. Появление этих институтов в США в конце 1940-х гг. продиктовывалось глубокими переменами, происходящими на международной арене и все более усложнявшимся процессом принятия внешнеполитических решений.

У привлечения научного потенциала к разработке политических решений в форме американских фабрик мысли есть ряд несомненных преимуществ: во-первых, это относительная независимость в исследовательском и финансовом отношении. Примечательно, что почти все аналитические центры освобождены от налогов [2, с. 115]. Более того, правительство финансово поддерживает данные организации, подчеркивая тем самым их важную роль во внешней политике и политике национальной безопасности. Во-вторых, все влиятельные «мозговые центры» в той или иной степени действуют в тесном взаимодействии с внешнеполитическим истеблишментом США. Крупные фабрики мысли в Штатах обладают правом законодательной инициативы. В-третьих, при наличии большого количества исследовательских отделов и высококвалифицированных кадров, эти центры имеют гибкую и эффективную организационную структуру [3, р.31].

В США аналитические центры создавались в условиях усложнения социальной системы. Наряду с усложнением социальной и международной обстановки необходимы также следующие составляющие: наличие традиций частной филантропии, активное научно-техническое развитие. Также для США важным фактором стал рост гражданской активности в 1960-70е гг., в результате которого произошло расширение политического плюрализма и повышение уровня допустимой конкуренции.

В России причиной создания прототипов таких структур явилась масштабность задач, стоящих перед правительством: необходимость догнать развитые страны, политика экономического соревнования с Западом. В 1986-1993 году создавались новые экспертные центры на основе либерализации политического режима, однако полноценных центров на этой волне не могло появиться, так как им не хватало ре-

сурсов, прежде всего, интеллектуальных и производных от него (репутации и ресурса связей) [4, с.9]. С 1994 года аналитические центры стали более влиятельными, изменялся их статус, они стали полноценными субъектами политического процесса: представители экспертного сообщества участвовали в разработке Конституции РФ, сотрудники аналитических центров рекрутировались на работу в Аналитическое Управление Президента РФ, Президентский Совет. С 2000 года политический режим в России развивался в направлении сокращения автономии политических институтов, восстановления иерархии в отношениях с элитами, усиления роли политических партий. В результате этих тенденций аналитические центры деавтономизировались, «деполитизировались» и теряли свое влияние. Все эти факты говорят о том, насколько аналитические центры зависимы от условий, в которых они развиваются. В данный момент существующие аналитические центры (Фонд Эффективной Политики, Независимый Институт Социальной Политики, Международный Институт Гуманитарно-Политических Исследований и др.) позиционируют себя как независимые учреждения, однако, данные организации в основном направлены на сопровождение политики администрации президента, а их деятельность в большинстве случаев связана с избирательными кампаниями. Моноцентрическая политическая система и жесткая иерархия снижают конкурентоспособность и влиятельность таких структур, а их закрытость не позволяет данным центрам контактировать с другими политическими акторами.

Таким образом, можно сделать вывод о крайней необходимости существования таких центров и их вовлеченности в политические дела. Эффективность работы данных организаций зависит от того, насколько они будут информированы, независимы, насколько будет развита кооперация между данными институтами и их взаимодействие с государственными органами. В мире существует достаточно широкий опыт, который необходимо изучать. Однако, представляется невозможным полностью скопировать одной страной опыт другой, в связи с этим, России необходимо выработать собственную модель, которая будет учитывать всю специфику политических условий в стране. Примеров разработки собственных моделей организации интеллектуальных ресурсов, отличающихся от американской модели также множество. Копирование западного опыта не должно становиться основой для работы аналитических центров в России.

Библиографический список

1. McGann James G. Think Tanks and Policy Advice in the United States. New York, 2007
2. Ширяев Б.А. Внешняя политика США. СПб., 2007
3. Howard J. Wiarda Think Tanks and Foreign Policy. New York, 2007
4. Зайцев Д.Г. Влияние Институциональной Среды на Развитие Негосударственных Политических Акторов // Право и Политика. № 11. М., 2008

К.Б. Пиковская

Самарский государственный университет

ОБРАЗ РОССИИ КАК ДРУГОГО В АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

В современном мире, полном идеологических конфликтов, особую роль играет имидж государства. По словам политолога К. Гаджиева, «имидж приобретает значимость одного из важнейших ресурсов мягкой силы государства, призванной продвигать национальные интересы» [1, с. 42]. Кроме того, имидж как конструкция должен содержать антипод [1, с. 53]. Для США такой воображаемой оппозицией является образ России. Образ большинства государств формируется на трех уровнях: 1) политической элиты, 2) интеллектуальной элиты, 3) массового общественного сознания. Особую роль играют представления, складывающиеся в интеллектуальных кругах, поскольку политологи оказывают влияние на политику, проводимую государством, работая на «фабриках мысли» и консультируя истеблишмент, а также воздействуют и на уровень массового общественного сознания через СМИ.

Целью данной работы является исследование восприятия современной России в США. Для достижения цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- рассмотреть концептуально-теоретические основы представления Другого в Западной культуре;
- проследить эволюцию образа современной России в американских теоретических концепциях.

Американский культуролог арабского происхождения Эдвард Саид, автор концепции ориентализма, подчеркивает, что само понятие Orient изобретено западными мыслителями. Это понятие имагинативной географии, оно не наделено теми чертами, которые имеет восточный мир

в реальности. В основе восприятия Востока на Западе лежит идея превосходства последнего, в результате чего Восток рассматривается как периферия [2, с. 100]. Понятие Восток (Orient) вмещает в себя все то, что не характерно для Западной цивилизации. Такой же подход характерен и для восприятия России в Америке.

Американский историк Мартин Малиа, продолжая рассмотрение отношений России и Европы как отношения Востока и Запада, отмечает, что Европа всегда воспринимала Россию как «восточную деспотию». Это понятие, применительно к России, отождествлялось с царским режимом, который особенно беспокоил Запад в конце XVIII — начале XIX вв. [3, с. 172-173] После революции 1917 г. концепция «восточного деспотизма» из характеристики царской власти превратилась в характеристику коммунизма [3, с. 312].

Другую точку зрения на восприятие СССР в годы холодной войны представляет Дэвид Кэмбелл, американский политолог. Он отмечает, что одним из образов этого явления была борьба между «цивилизованным» и «варварским». Эта дихотомия была обусловлена необходимостью обороняться от воздействия врага, разграничить «внутреннее» и «внешнее» [4, с. 159].

Американский историк и культуролог Ларри Вульф, вспоминая период холодной войны, отмечал, что восприятие России (СССР) в этот период основывалось как на обоснованных страхах, так и на фантазиях. Автор вспоминает, как повлияли на него эти стереотипы, когда он впервые в эпоху разрядки оказался в СССР. В этот период снова возник вопрос о том, можно ли считать Россию частью Европы [5, с. 12-14].

На современном этапе особый интерес представляет концепция американского политического аналитика, главного редактора Newsweek International Фариды Закарии. В качестве критерия выделения Других он называет либеральность демократии. США отталкиваются от собственных ценностей и определяют тех, кто менее всего им соответствует. В концепции Закарии основными Другими для США являются Россия и Китай. Фарид Закария указывает также и на то, что образ Другого в США не является статичным [6, с. 121].

Эти концепции восприятия Другого в Западной культуре являются основными для изучения вопросов национальной идентичности и имиджа государства на международной арене. Они оказывают влияние и на формирование образа России среди интеллектуальной элиты США. В эволюции американского взгляда на современную Россию можно выделить три этапа: 1) 90-е гг. XX в.; 2) рубеж веков; 3) начало XXI в.

Политическая и интеллектуальная элита США в 1990-х гг. может быть условно разделена на два лагеря: оптимистический и пессимис-

тический. При этом «оптимисты» положительно относились к политике новой России, в то время как «пессимисты» считали, что Россия не представляет ни серьезной угрозы, ни большого интереса [7, с. 18-24].

На рубеже XX и XXI вв. отношения России и США резко ухудшились. В начале XXI в. в США сформировались три точки зрения о развитии России. Странники положительной точки зрения отмечают достижения российского общества [8, с. 230-231]. Приверженцы нейтральной точки зрения признают существование как достоинств, так и недостатков российской политики [9, с. 182], а сторонники негативной точки зрения считают Россию страной, представляющей угрозу для США [10].

Итак, с 1990-х гг. образ России в США прошел ряд эволюционных стадий, и особенно на это повлияли традиции восприятия Востока как Другого в Западной культуре.

Библиографический список

1. Гаджиев К. Имидж государства в конфликте идеологий. М., 2007.
2. Саид Э. Ориентализм. СПб., 2006.
3. Malia M. Russia under Western Eyes. Cambridge, Massachusetts, 1999.
4. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity, Minneapolis, 1992.
5. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
6. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004.
7. Макарьчева М.Г. Америка и Россия в условиях нового мирового порядка. Н. Новгород, 2001.
8. Wegren S.K., Herspring D. After Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain. Lanham, 2010.
9. Goldman M.I. Petrostate: Putin, Power and the New Russia. N.Y., 2008
10. Holmes K.D. A Puzzling Case of 'Resetting' Russian Relations. [The Washington Times] // www.washingtontimes.com/news/2010/dec/15/holmes-a-puzzling-case-of-resetting-russian-relati.

КАТЫНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В октябре текущего года в очередной раз накалилась обстановка вокруг темы Катыни. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) признал приемлемыми для рассмотрения иски к России родственников польских офицеров, расстрелянных в Катыни в 1940 году. [1]

Впервые обвинения в адрес советской стороны прозвучали в 1943г. Представители Третьего Рейха заявили о нахождении массовых захоронений в Катынском лесу (Смоленская область). После освобождения Смоленска советскими войсками была создана комиссия Н.Бурденко, которая, проведя собственное расследование, заключила, что польские граждане были расстреляны в Катыни в 1941г. немецкими оккупационными войсками. С этого момента и вплоть до 1990г. в СССР и странах Варшавского договора существовала единственная официальная версия расстрела польских военнопленных немецко-фашистскими завоевателями. Но после войны, уже в 1946 году, польским правительством в изгнании было заявлено о виновности советской стороны, а в 1951г. США была создана специальная комиссия Палаты представителей Конгресса США под председательством Рэя Джона Мэддена для расследования катынского расстрела. Комиссия пришла к выводу, подтверждавшему немецкую версию о причастности к расстрелам НКВД. [2] В 1991 – 2004 гг. катынское дело рассматривалось Главной военной прокуратурой РФ, которая признала виновность советской стороны. [3] 25 августа 1993 года президент России Б.Н.Ельцин со словами «Простите нас...» возложил венок к памятнику жертв Катыни на варшавском мемориальном кладбище «Повонзки». [4] В ноябре 2009г. Госдума РФ приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах». Депутаты признали эту страницу истории «преступлением сталинского режима». В 2010 году российские власти обнародовали копии секретных документов по Катыни, а также передали Польше материалы уголовного дела по этому вопросу. [5]

Но, несмотря на действия российской стороны, у польской каждый раз появляются новые требования. На сегодняшний день появился вопрос материальной компенсации семьям погибших военнопленных.

На требования польской стороны Д.Медведев ответил, что «ни у кого не должно быть сомнений в том, что российское государство и я,

как президент, дали исчерпывающие оценки относительно того, что произошло и кто был виноват в этом преступлении».[6]

Если для политиков двух стран вопрос виновности СССР решен, то в среде профессиональных историков существуют противоречия. Несоответствие позиций прослеживается по ряду вопросов: дата трагедии и виновные в ней; количество погибших; подлинность документов, представленных сторонами; состав армии Андерса; решения Нюрнбургского процесса, точность работы комиссии Бурденко. [7]

Общество «Мемориал» требует от российского руководства «юридического квалифицирования преступления, поименного установления жертв, предание гласности имен всех виновников и исполнителей».[8]

В Польше и России существует мнение, что нормализации отношений между соседями мешают общественность двух стран.

В 2010 г. разгорелся еще один спор между Россией и Польшей, касающийся содержания мемориальной таблички на месте гибели польского президента Л. Качиньского, летевшего на траурную церемонию в Катынь.[9]

Несмотря на то, что в деле о Катыни стороны практически пришли к обоюдному согласию и продолжают искать компромисс, дальнейшее изучение трагедии привело к появлению вопроса о советских военнопленных 1920г., которое грозит превратиться в Катынь-2, только уже с претензиями от российской стороны. Президент Польши Д. Туск, надеется, что Катынь «перестанет быть в будущем камнем преткновения в польско-российских отношениях». [10] Д. Медведев полностью подтверждает вину СССР и стремится распространить «среди россиян правду об убийствах польских офицеров». [11] Но, несмотря на политику первых лиц государств, в деле о катынской трагедии рано ставить точку.

Катынский вопрос обострился накануне вступления Польши в НАТО. Варшава объясняла этот шаг защитой от агрессора с Востока, напомнив при этом о массовых расстрелах польских военнопленных.

Исторические споры между Польшей и Россией на современном этапе приобрели масштаб отношений, наравне с экономическими и политическими.

Библиографический список

1. ЕСПЧ рассматривает иск к России по «катынскому делу» [Электронный ресурс] // ВВС.Русская служба новостей : [сайт] – Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/russian/> (06.10.11)

2. Дискуссии в послевоенный период [Электронный ресурс] // Проект «Руниверс»: [сайт] – Режим доступа: <http://runivers.ru/doc/>. – Загл. с экрана
3. Лебедева Н. Нельзя искажать правду о трагедии в Катynie [Электронный ресурс] // КП : [сайт] / Н.Лебедева. – Режим доступа: <http://krsk.kp.ru/> (07.06.11)
4. О расследования «катынского преступления» в России [Электронный ресурс] // Общество Мемориал : [сайт] – Режим доступа: <http://www.polit.ru/dossie/> (05.04.05)
5. Катынская трагедия перестанет быть камнем преткновения в российско-польских отношениях – премьер-министр Польши [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС : [сайт] – Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/> (05.10.11)
6. Медведев: За Катынскую трагедию ответственно руководство СССР [Электронный ресурс] // КП : [сайт] – Режим доступа: <http://krsk.kp.ru/> (11.04.11)
7. Жуков Ю. Расстрелы в Катynie – сомнения остаются [Электронный ресурс] // КП : [сайт] / Ю.Жуков. – Режим доступа: <http://krsk.kp.ru/> (29.03.11); Лебедева Н. Нельзя искажать правду о трагедии в Катynie [Электронный ресурс] // КП : [сайт] / Н.Лебедева. – Режим доступа: <http://krsk.kp.ru/> (07.06.11)
8. О расследования «катынского преступления» в России [Электронный ресурс] // Общество Мемориал : [сайт] – Режим доступа: <http://www.polit.ru/dossie/> (05.04.05)
9. Смена таблички в Смоленске вызвала скандал [Электронный ресурс] // ИноСМИ : [сайт] – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/poland/> (11.04.11)
10. Европейский суд по правам человека готов рассмотреть иски к России по Катynie [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС: [сайт] – Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/> (05.07.11)
11. Медведев хочет продолжения Катынского дела [Электронный ресурс] // ИноСМИ : [сайт] – Режим доступа: <http://inosmi.ru/poland/> (04.02.11)

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

Н.В. Гурская

*Поволжский государственный
университет сервиса*

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО, КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ (XIX в.)

XIX век это период, когда российское общество узнало об уральских казаках со стороны их культурных особенностей. Оно впервые познакомилось с уральским казачьим фольклором, его самобытными героями, своеобразным говором; с уральской казачьей интеллигенцией.

Первооткрывателями уральской «казачьей культуры» можно назвать В. Даля и А. Пушкина. В. Даль впервые заговорил в литературе о культурных особенностях уральского казачества, указывая на своеобразиие говора, на культурные традиции. Следом за ним появились работы А. Пушкина. Поэт был одним их первых кто, начал собирать сведения о пугачевском восстании среди уральских казаков – современников и очевидцев восстания.

В 1839 году впервые уральские казачьи песни были напечатаны в «Сборнике песен русского народа». Сведения о данных публикациях можно найти у Н. Мякушина.

Весомый вклад в изучение уральского фольклора внесли И. Железнов и Н. Савичев, работы которых печатались в «Уральских войсковых ведомостях» в 60-70-е годы XIX века. Их деятельность примечательна тем, что они сами являлись уральскими казаками.

Благодаря вышеперечисленным авторам в русской литературе появились новые фольклорные героико-мифологические образы (легендарные Рыжечка, Харко, Гугня и бабушка Гугниха), созданные в творчестве уральского казачества.

В произведении «Рыжечка» казак Прохор Митрич сравнивался по силе богатырской с Петром I. Казак на коне в гербе Уральского казачьего Войска согласно поверью и есть тот самый легендарный Рыжечка. В предании «Рыжечка» герой с таким же именем вступает в поединок с «басурманским» воином. Характерно то, что этот воин такой мощный и устрашающий, что не нашлось охотников помериться с ним силами. И только уральский казак Рыжечка одолевает его и способствует тем самым торжеству победы и славы на русской земле.

Хитрым и смелым в сказаниях отображен Харко. В честь него форпост прозвали – Харкинский. Являлся он якобы сподручником самого Степана Разина. Но после подавления восстания удалился на Урал.

В поэтическом предании, впервые записанным П. Рычковым, легендарный Гугня прославился тем, что стал основоположником института брака в уральской казачьей общине. В предании говорилось, что «старинные» казаки, страстные к холостой жизни, решили между собой убивать приживаемых детей, а жен бросать при выступлении в новый поход. Уральские казаки на раннем этапе становления и развития своего сообщества не заводили семей, так как боялись оседлости и быть погубленными кочевниками. Далее, согласно преданию уральских казаков, один их атаманов, по имени Гугня, первый решил нарушить жестокий закон убивать жен и пощадил молодую жену. С тех пор уральские казаки, по его примеру, стали заводить себе семьи. Жена Гугни получила уважение на многие времена, стала символом единства уральского казачества. Изменение отношения к браку в культуре уральского казачества стало причиной появления особой традиции: на празднествах пили за здоровье «бабушки Гугнихи», а в церквях ей ставили свечки.

Русское общество смогло по-новому переосмыслить значение и роль исторических персонажей с точки зрения уральского казачьего народного творчества. Этими героями явились Марина Мнишек, Степан Разин, Ермак Тимофеевич, Емельян Пугачев.

Характеристика фольклорного творчества уральского казачества была бы неполной без своеобразия уральского казачьего говора. Самобытность уральского казачьего говора выражалась в словах, неизвестных в русской литературной речи и в других казачьих говорах. Одни только названия фольклорных произведений говорят сами за себя. Сказки: «Узольники», «Петухан Курханович», «Кот-Римеич»; предания: «Рыжечка», «Харькушка»; байки: «Неукорна рюмочка», «Во Вшенде не был», «Красны-ти и не красны совсем», «Любимая блюда Сесипатыча», «Опордонились» и т.д. Песни различных жанров: «Как со вечера старой казак думу думаил», «Не галичья стая подымалася», «Царь послал нас в степь Зиатску», «Заедалил князь Гагарин», «Вот как поп да Лисан», «Про багринье, рижак» и т.д.

Таким образом, в XIX в. на уральских казаков в русской литературе стал создаваться своеобразный художественный взгляд.

Также в этот период уральское казачество проявило себя в науке. Выдающимся ученым-исследователем, выходцем из уральского казачества являлась фигура Н. Бородина. Благодаря ему, об Уральском казачьем Войске узнал практически весь мир. В настоящее время, под

руководством Общественного Фонда «Евразийский Союз Ученых» с 2009 г. ежегодно проводятся конференции, посвященные памяти и научной деятельности Н. Бородина.

По мнению автора, исходя из культурных особенностей уральского казачества, а также достижений в науке, данное сообщество можно рассматривать как феномен культуры. Наличие культурных особенностей выделяет уральское казачество как субкультуру.

Т.Б. Клопова

МБОУ «Гимназия №3» г.Астрахань

АННА ТАЙШИНА VS ЦЕРЕН-ЯНЖИ: БЫТ КРЕЩЕНОЙ КНЯГИНИ

Церен Янжи, жена Петра Тайшина и будущая крещеная калмыцкая княгиня Анна Тайшина, ставшая правительницей ставропольских калмыков, довольно долго прожила в Санкт-Петербурге. Архивные документы свидетельствуют о том, что она провела там, по меньшей мере, два года. Церен Янжи была отправлена в столицу 26 сентября и прибыла туда 11 октября 1734 года. Количество подвод, выделенных ей – а их было 26, говорит о значимости персоны для власти. Церемония крещения состоялась через семь с половиной месяцев после аудиенции – 3 июля 1735 года [1, с.56-58]. После крещения супруги остаются в столице, где Петр Тайшин хлопочет об устройстве города для крещеных калмыков. Он внезапно умирает в начале 1737 года. Все это время жена находилась рядом с ним. Ехать им было некуда, так как улус им еще не был возвращен. Иначе говоря, с октября 1734 по начало 1737 года, то есть более двух лет Анна Тайшина находилась в столице. Естественно, это не прошло бесследно для нее. Она получила представление о жизни в городе, о быте русской знати, и, вообще, об особенностях культуры русских. Любопытные сведения о жизни и быте княгини можно почерпнуть из *реестра пожитков*, розданных после ее кончины брату и зайсангам. Имущество княгини свидетельствует о несомненном влиянии русской – а именно дворянской культуры.

В реестре [2, л. 252-254], указана посуда, которая была роздана брату и зайсангам. Посуда была и для торжественных случаев, и обыденная. По всей вероятности, в торжественных случаях стол у Анны Тайшиной накрывался согласно дворянскому этикету, так как среди пожитков не только серебряные наборы различных ножей и вилок, серебряные стаканы и чарки, серебряные щипцы, серебряные сахар-

ница, судок, конфетный поднос, но и фарфоровая и хрустальная посуда, скатерть и довольно много *хороших салфеток*.

Из украшений после нее остались лишь *серьги золотые с большими жемчужинами*. Вероятно, другие украшения были при ней, когда ее хоронили. Из дамских вещей в реестре находится *шкатулка или погребец с хрустальными склянками*, предназначенными, видимо, для косметических нужд, зеркало малое в серебряной оправе, серебряная табакерка, серебряная зубочистка, кошелек, шитый серебром. Обращает на себя внимание наличие *книги простой в позолоченной оправе, и нож обрезающий*. Простая книга, видимо, означает не-духовная, то есть не Священное Писание. Обрезающий ножа использовался для разрезания страниц в книге. Возникает вопрос, была ли она грамотной и могла ли читать по-русски?

Из мебели в реестре упоминается лишь *кровать дубовая с верхом, пологом канаватным [2], полосатым с подзором камчатным, периной с наволо(ч)кой канаватной, подушкой большой пуховой с наволо(ч)кой канаватной*, унаследованные протопопом Чубовским. В изобилии имелись у нее серебряные шандалы (тяжелые подсвечники), с щипцами и подблюдками. Имелись у княгини *часы золотые с репетицею и цепочкою*, а также *часы солнечные медные [2, л. 251]*.

Наличие двух *четок костяных, в том числе с жемчужинами и раковинами* говорит о том, что она держалась *веры предков — буддизма*. Ее сопровождали в столицу 20 буддийских монахов, которые были крещены, а это облегчило впоследствии исповедание буддизма в новом статусе крещеных.

Любопытно описание ее одежды и аксессуаров, среди которых есть вещи калмыцкого происхождения: *кавтан моревой по белой зелень с травами исподний», соболья шуба, кафтан матеревый красный», кафтанное портищепарчевое... к нему две пуг(о)вицы золотых, шапка соболья околышок бобровый, кафтан матеревый желтый, кафтан моревой белый верхний, платок гарнитуровый (шелковый) пурпурного цвета*. А вот имеющиеся в ее гардеробе европейские вещи: *перчатки дамские лайковые, веерок старый, муфта из перьев немецкой работы [2, л. 252]*.

Самое ценное из всего этого — соболья шуба, золотые часы и серьги были отданы полковнику Кириллу Шарапу взамен панцыря (доспехи), который Анна при жизни подарила ему. Панцырь был дорогостоящей вещью, Тайшин в свое время отдал за него 1,5 тысячи овец. Этот панцырь попросил себе наместник Дондук-Даши, брат Тайшина. Коллегия иностранных дел пошла ему навстречу и передала ему. Однако, опасаясь недовольства Кирилла Шарапа, решила вознаградить и его — «за подаренный ему Тайшиною княгинею оставший после мужа ее,

Петра Тайшина, пансырь .... из оставших по смерти ее, Тайшиной, пожитков дать по цене от двух до трех сот рублей» [2, л. 251].

Наличие в наследстве кибитка с таганом ясно указывает, что княгиня сохраняла отчасти кочевой образ жизни.

Таким образом, быт княгини Тайшиной, вещи, которыми она пользовалась, свидетельствуют о начале процесса аккультурации, и кто знает, каким были бы результаты, проживи она дольше.

Библиографический список

1. Орлова К.В. История христианизации калмыков: середина XVII- начало XX века. М.: Вост. лит-ра, 2006.

2. Реестр Оренбургской губернской канцелярии о раздаче пожитков покойной княгини А.Тайшиной // Государственный архив оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д.2. Лл. 252-254.

А.В. Трипутина

*Красноярский государственный
педагогический университет*

Е.Е.КОЛОСОВ – ОДИН ИЗ ВИДНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Это имя малоизвестно. Был расстрелян в 1937 г., в советское время его имя практически не упоминается. Между тем он являлся ярким общественным и политическим деятелем. Был известен в революционном подполье, среди руководящих деятелей политических партий России, в журналистских кругах.

Участвовал в I, II и IV съездах партии социалистов-революционеров (ПСР). На I съезде был избран в ЦК ПСР (1906 г.). [1, с. 261], [2, с. 24-26]

С апреля 1907 г. по 1915/1916 г. жил за границей. Выступал с рефератами в колониях эмигрантов и учащейся молодежи. Вел активную переписку со многими литераторами и общественными деятелями. Много писал о народничестве и народнической литературе. [2, с. 25]

С началом Первой мировой войны – один из редакторов газеты «Новости», выпускаемой за границей, являлась центром русского волонтерства. Занимал оборонческие позиции. Колосов отвергал ленинский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, оправдывал волонтерское движение. Считал, что старым народникам надо быть в такой момент с народом. [3, с. 154]

После Февральской революции 1917 г. Колосов – член Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов, один из руководителей красноярской группы ПСР, участвовал в работе Красноярского Комитета общественного спасения, член городского народного собрания. [1, с. 261]. По инициативе Енисейского общегубернского крестьянского съезда его кандидатура была выставлена по списку № 3 (ПСР) в Учредительное собрание, и он был заочно избран в ноябре 1917 г. [3, с. 157]. Также являлся членом Сибирской областной думы от Енисейской губернии. [3, с. 158]. На совещании земцев и социалистических партий в октябре 1919 г. в Иркутске избран в состав Земского политического бюро, созданного для руководства земским движением. Представлял Бюро в Политическом Центре, возглавившем выступление против Колчака. [1, с. 261].

Е.Е. Колосов использовал следующие псевдонимы: Валин, [4, с. 677] М. Горбунов, Марк Горбунов, Е.К., Историк, В. Коляри, Эдоардо Коляри, Д. Кузьмин, Дмитрий Кузьмин, Евгений Наров, [5, с. 239] Монтер от Шустера (в газете «Труд»), Русский социалист (в газете «Чехословацкий дневник», 1919).

Опубликовал книги: Как нам относиться к Думе. – Из области партийной этики (Париж, 1911), Очерки мировоззрения Н.К. Михайловского (Спб., 1912), Русские волонтеры во Франции (Памяти С.Н. Слетова) (Пг., 1916), Н.К. Михайловский (Пг., 1917), Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы (Пг., 1923), Государева тюрьма – Шлиссельбург (Пг., 1924, 2-е издание, М., 1930), Народовольческая журналистика (М., 1930) Печатался во многих российских и сибирских журналах и газетах: «Русское богатство», «Современник», «Северные записки», «Былое», «Голос минувшего», «Современный мир», «Новая литература», «Киевская мысль», «Каторга и ссылка», «Русские ведомости», «Мысль» и др., во многих сибирских изданиях, например, «Голос Сибири», «Народное дело», «Наш голос», «Новое земское дело», «Свободная Сибирь», «Сибирская жизнь», «Сибирские записки», «Сибирский край» и др. [2, с. 24–26], [3, с. 153] Основные его работы посвящены таким темам, как народничество, областничество, каторга и ссылка, пропаганда эсеровских взглядов и критика марксизма, полемика с большевиками, гражданская война в Сибири. Написаны рецензии, статьи, крупные работы по истории революционного движения. Е.Е. Колосов был убежденным социалистом. «Моя жизнь, – писал он в 1923 г., – прошла вся в революции, и если бы я ее снова начал, я встал бы на ту же стезю... для меня нет жизни без борьбы, как нет борьбы вне революции». [3, с. 159]

Библиографический список

1. Леонтьев Я. Колосов Евгений Евгеньевич // Политические партии России. Конец XIX – пер. треть XX в. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996.
2. Ратнер А.В. Колосов Евгений Евгеньевич // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 3 (К-М). М., 1994.
3. Мешалкин П. Н. «Для меня нет жизни без борьбы» [Е.Е. Колосов] // Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX – XX вв. Красноярск, 1998.
4. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 тт. / Т. 1. 1900-1907 гг. – Москва: РОССПЭН, 1996. – 686 с.
5. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Том четвертый. М.: изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. – с. 558.

Р.М. Залялетдинова

Институт истории при Академии наук РТ

«КЕМБРИДЖСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ» О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

Как отмечается в историографической литературе, изучение истории России в Великобритании имеет сравнительно недолгую историю и не носит систематический характер. [2, с.15]. Как правило, в соответствующих изданиях общая история излагается в сжатой форме. Однако такая тенденция меняется в последние десятилетия с появлением многотомных изданий, основанных на все более широком круге материалов и источников.

Это прежде всего относится к вышедшему в 2006 году трехтомному изданию по истории России под названием «Кембриджская история России»[1], ставшему крупнейшим современным англоязычным изданием по истории России, отличительной чертой которого является многоплановость, научно-популярная стилистика и относительная полнота представлений зарубежного историка на то или иное событие в истории России и развития страны в целом.

Разделы «Кембриджской истории России» написаны специалистами не только из Великобритании, но и других стран, включая Россию. Первый том (под редакцией М. Перри) охватывает историю России с Древней Руси до 1689 г. (начало правления Петра I); второй том (редактор – Д. Ливен) посвящен имперскому периоду (1689 – 1917 гг.);

третьем томе (редактор – Р.Г. Сюни) освещается история страны после 1917 года.

Предметом нашего изучения стало освещение внешней политики России на рубеже XIX-XX веков, данное в разделе «Внешняя политика России, 1815-1917» [1, с.554-574], автором которого является Дэвид Ван Дер Ойе, профессор русской и восточноазиатской истории, заведующий кафедрой истории в Университете Брок (Онтарио, Канада).

Символично название подраздела, посвященного интересующим нас сюжетам – «Закат и падение». Эту общую постановку автор относит как к судьбе правящей династии, так и проводившейся внешней политике: «...Как и в 1855 г., последствиями поражения русских за границей было воздействие на политику дома...» [1, с.571]

Рассматривая внешнюю политику царизма автор выделяет два определяющих фактора. Как специалист по международным отношениям, он естественно, исходит из сложности и противоречивости отношений ведущих государств, отмечает, что «...начало XX века было временем лихорадочной неустойчивости в большей части Европы, которая, в конечном счете, привела к катастрофической мировой войне, которая задела еще три имперских дома...». [1, с.556].

И все же особый акцент он делает на субъективный фактор, видя одну из главных причин «взлета и падения» в непоследовательности и нерешительности императора, отсутствии жесткой руки, и это при том, что современные западные исследователи, как пишет Д. Ван Дер Ойе, поражаются концентрации власти в руках суверена. Представленная в разделе цепочка событий во многом подчинена этому тезису.

Что касается наиболее значимых этапов, это проявляется в следующих оценках. На рубеже веков, когда доминировали события на Тихом океане, именно «...царское вмешательство против Токио в 1895 г. привело в движение цепь событий, приведших к пагубной войне с азиатской империей в течение десятилетий...» [1, с.567]. Как и «крымский провал» полвека назад, так и конфронтация с Японией не были неизбежны.

Менее однозначно трактуется роль России в развязывании I мировой войны. Естественно, что особое внимание уделяется урегулированию англо-русского соперничества в этот период и такому рубежу, как боснийский кризис. Рассматривая же истоки войны, Д. Ван Дер Ойе утверждает, что «...за возможным исключением, Австро-Венгрии, которая надеялась на изолированную кампанию для сокрушения Сербии, ни одна из воюющих сторон не искала конфронтации в июле 1914 г. Николай II *особенно* (считаю нужным подчеркнуть – З.Р.) не хотел прибегать к оружию...» Однако роковую роль сыграли имперские ам-

биции: ведь царь и многие из его министров боялись осуждения за не поддержку Сербии против нападения двойной монархии. В течение сорока лет Россия была дважды вынуждена уступить Австрии на Балканах, в Берлине в 1878 г. и по боснийскому вопросу в 1908 г. Третья капитуляция могла бы безнадежно подорвать престиж империи с фатальными последствиями для великой империи Романовых.

В целом довольно высоко оценивая высоко оценивая российскую дипломатию, канадский профессор и ее включая в контекст «закат и падение», отмечая ее «...относительный успех, по крайней мере до 1894 г. В течение восьми десятилетий, которые прошли с Венского конгресса, российская внешняя политика показала значительную степень последовательности и, за двумя исключениями на Ближнем Востоке, это помогло достичь основных геополитических целей империи. И только в период правления Николая II, когда реализм сменяется нетерпимостью и чрезмерными амбициями, более ранние достижения Романовых сошли на нет...». [1, с.576]

Библиографический список

1. The Cambridge History of Russia. vol. 2. / Edited by Dominic Lieven. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 806 p.
2. Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М.: Наука, 1991, 232 с.

С.Н. Кузнецов

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского*

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В Финляндии с момента присоединения к Российской империи в 1809 г. сохранялся особый законодательный порядок, установленный «Формой правления» 1772 г., «Актом соединения и безопасности» 1789 г., и включавший в себя свод законов гражданских, уголовных и процессуальных т.н. «Общее Уложение Шведского Королевства» 1734 года, и управлялась собственной исполнительной властью, представленной Императорским финляндским Сенатом независимым во внутренних делах от Петербурга. Сенат состоял из двух департаментов: юридического и экономического. Формально председателем от Сената

являлся представитель России – генерал-губернатор, однако, его присутствие на заседаниях было необязательным. Генерал-губернаторы не имели права приостанавливать решения Сената. Заседания велись на шведском языке. Верховным судебным органом стал Правительственный Совет, но сохранились и старые финляндские суды – гофтерихты. Был создан Комитет по финляндским делам, который в 1826 г. упразднили, образовав вместо него Статс-секретариат Великого княжества Финляндского во главе с министром статс-секретарем – эту должность занимали финны, а с 1863 г. в Финляндии действовал Сейм, наделенный правами законодательного собрания. Российское армейское устройство также не распространялось на княжество. С 1878 г. Княжество могло иметь собственную, малочисленную армию, которая могла использоваться только для обороны. Финляндию, на тот момент, вполне можно было считать суверенным государством. Основные признаки позволяющие охарактеризовать Финляндию, как независимое государство: а) обладала собственным гражданством, не совпадающим с российским подданством; б) православный не мог преподавать историю; в) приобретение в княжестве русскими недвижимого имущества имело серьезные ограничения; г) собственное национальное почтовое ведомство, выпускающие финские почтовые марки; д) железнодорожная система с колеями, отличными от российских; е) наличие односторонней таможенной границы (Финляндия получала право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной); ж) собственный банк, принимаемый сеймом бюджет и своя финансовая система. Таким образом, Финляндское княжество окончательно обрело все признаки независимого государства, связанного с остальной империей лишь унией, должностью Великого князя, т.е. общим у Финляндии и Империи оставался глава государства – царь, он же Великий князь.

При Александре III происходит унификация финского законодательства с русским. Манифестом от 1890 г. из юрисдикции финляндского сейма были изъяты и переданы в верховные инстанции империи вопросы, «имеющие общегосударственное значение». Отныне все такого рода вопросы, касавшиеся Финляндии, должны были после их обсуждения на сейме проходить через Государственный совет империи с участием финляндских представителей. После этого они могли поступать на окончательное утверждение царя. Курс на ограничение автономии Великого княжества Финляндского ярко выразился в политике генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрíkова: он ликвидировал финские вооруженные силы, усилил русификацию администрации и школьного образования; полностью или частично закрыл 72 пери-

одических издания и ряд общественных организаций, высылал за пределы княжества оппозиционных политических деятелей. Ему были предоставлены «особые полномочия», в том числе право закрывать торговые и промышленные заведения, частные общества, высылать неугодных лиц за границу в административном порядке. Однако после «красной стачки» в Финляндии 1905 г. Николай II подписал «Высочайший манифест», которым отменялись все постановления генерал-губернатора Бобрикова, принятые ранее без согласия финляндского сейма.

Таким образом, недолгий период законодательного сближения Великого княжества Финляндского с Империей завершился провалом, и Финляндия после короткого периода попыток интеграции получила еще большие привилегии и свободы, что было закреплено в принятой Сеймом новой конституции. В 1906 г. был принят новый демократический закон, который давал право голоса женщинам. Выборы в новый парламент проходили на основе всеобщего голосования. Согласно новому закону, от 17 июня 1910 г., Сейм по всем важнейшим вопросам как общеимперского, так и внутреннего законодательства (о печати, о собраниях, о народном образовании, о полиции и т.п.) сохранил исключительно совещательный голос. Активизировалось же общеимперское законодательство в отношении Финляндии несколькими годами позже: в 1913 году. Тогда же были приняты законы об ассигновании кредита из казны Великого Княжества Финляндского на нужды обороны и о равноправии русских граждан в Финляндии.

6 марта 1917 г. Временным правительством был издан манифест, которым подтверждались прежние права сейма и высказывалась «твердая уверенность, что Россия и Финляндия отныне будут связаны уважением к закону ради взаимной дружбы и благоденствия обоих свободных народов». Связанность с Россией манифестом провозглашалась только на уровне единства высшей власти. Однако закон об автономных правах Финляндии, одобренный сеймом 18 июля 1917 г., был отклонен Временным правительством, сейм распущен, а его здание заняли российские войска. После свержения Временного правительства Финляндия 6 декабря 1917 г. провозгласила свою независимость.

Библиографический список

1. Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX-начало XX века). М., 1997; Она же. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века. М., 1997

2. Тесля А.А. Источники (формальные) гражданского права Российской Империи в XIX – начале XX века. – 2003.

3. Юссилла О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 4

4. Андронов С.И. К. Ордин о возникновении государственной автономии Финляндии//Ученые записки Петрозаводского университета. Петрозаводск, 1988. Т. XVI. Вып. 7. С. 97.

А.С. Калинина

*Саратовский государственный
социально-экономический университет*

ФЕНОМЕН ЯРМАРКИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Достоверные исторические свидетельства о российских ярмарках относятся к XVI веку, но, скорее всего, они существовали и раньше. По В. И. Далю, «ярмарка — большой торговый съезд и привоз товаров в срочное в году время, годовой торг, длящийся неделями»[1, с. 678].

Важно, однако, учитывать, что ярмарки, помимо своей главной функции (места торговли), играли важную роль в обмене информацией, знаниями и опытом — и эта функция доминировала как раз на крупнейших ярмарках. Поэтому и оставили такой след в истории страны наиболее богатые ярмарки: Нижегородская, Ирбитская.

История Нижегородской ярмарки своими корнями уходит в далекий XIV век. На протяжении всего времени своего существования она оставалась самой крупной в России. Вот какое описание дает ей В.А. Соллогуб в «Тарантасе»: «... на этом месте Азия сталкивается с Европой, Восток с Западом; тут решается благоденствие народов; тут ключ наших русских сокровищ. Тут пестреют все племена, раздаются все наречия...»[2, с. 4]. На ярмарке выступали итальянские оперные певцы, с 1901 года три сезона подряд здесь пел Ф.И. Шаляпин.

Учрежденная в 1613 году Ирбитская ярмарка стала крупнейшей торговой ярмаркой в Сибири. Торговали здесь мехами, рыбой, икрой. В 1865 году в России действовало 6,5 тысяч ярмарок. Ярмарка была важнейшим элементом экономической и хозяйственной жизни. Она включала экономический, социальный, культурный и религиозный элементы.

Остановимся подробнее на ярмарочной культуре. К середине XVIII века в крупных городах России складывается особая форма площадной культуры — культура ярмарочных народных гуляний. Этому спо-

собствовала политика властей. Важным источником ярмарочной культуры была русская крестьянская традиция (ряженные на святках, катание на лошадях и с ледяных гор в масленицу, качели на Пасху, хороводы и венки на Троицу).

Городской фольклор оказался тесно связанным с ярмарочной культурой. Ярмарка воспроизводила атмосферу всенародного праздника. Среди ярмарочных увеселений обращали на себя внимание вожаки с медведями — это древнейшее исконно русское по происхождению народное увеселение.

В XIX веке центром ярмарочных увеселений был балаган. Балаганы — это центр праздничной площади, это лицо гуляния. С театральным действием в нем сочетались цирковые номера — выступления гимнастов, фокусников, показ диковин: бородатые бабы, дама-паук. Некоторые балаганчики были рассчитаны на розыгрыш, обман посетителей: «путешествие вокруг света за копейку» (посетителя обводили вокруг свечи), «тьма египетская» (тушили свет). Важную роль играли балаганные зазывалы, от которых в большой мере зависел успех балагана. Поначалу зазывалами были иностранцы, к 80-м годам вытеснил тип «деда»-зазывалы. Он был наиболее ярким персонажем — «он в русской рубашке, с накладной бородой из пакли, с балалайкой в руках» [3, с. 123].

Народ шел на зрелище, и ярмарочные устроители делали все, чтобы не разочаровать публику. Отсюда — использование приемов неожиданности, чрезмерности, так что посетитель уходил ошеломленный. Вспоминая о своих впечатлениях от первого посещения балагана, А. Бенуа писал: «...я вышел из балагана одурманенный, опьяненный, безумный...» [3, с. 160]. По утверждению историка русской культуры Ю.М. Лотмана, балаган, ярмарочное представление отличается от театральной комедии «чувством дозволенности нарушения моральных запретов» [4, с. 487]. Таким образом, можно утверждать, культурная функция ярмарочного балагана — оживление повседневности.

Из-за границы появились и шарманки, сначала шарманщиками в России были итальянцы, а затем и русские. Из Польши попали в Россию в XVIII веке вертепные представления. Вертеп — переносной ящик, по прорезям в полу двигались закрепленные на стержнях куклы.

Кукольные спектакли не были рождены городской площадью, однако в системе народно-площадных увеселений им принадлежало одно из главных мест. Переход от пантомимы к разговорным сценам привело к рождению Петрушки, любимца публики. Кукольный театр Петрушки стал постоянным спутником ярмарки с 1840-х годов.

Впервые раек появился на ярмарке в XIX веке и сразу завоевал любовь зрителей. Успех во многом определялся прибаутками, которыми владелец потешных панорам сопровождал показ картин. «Раек представлял собой ящик с двумя увеличительными стеклами в одной из стенок, внутри райка перематывали с одного катка на другой длинную полосу с картинками» [3, с. 87]. Таким образом, раек выступал в России в функции устной газеты.

Как мы видим, ярмарки занимали большое место в истории и культуре разных русских городов. В частности, в Саратове на самой древней площади города (сегодня Музейная площадь) в 1694-1701 годах был построен Троицкий собор. К северу от собора имелись торговые лавки. На картине Б. М. Кустодиева «Ярмарка в Саратове» мы видим как раз эту ярмарку. В 1808 году была образована новая площадь, расчлененная Московской дорогой на две части: Хлебная площадь и Театральная. Площадь представляла великое торжище, которое получило название «Верхний базар» [5, с. 152].

В наше время экономическое значение ярмарок изменилось, но их наследие, исторические и культурные традиции могут сыграть важную роль в современном развитии российских регионов.

Лишь в последние время стали предприниматься попытки возродить ярмарку. Хороший тому пример – проведение ярмарок в городе Саратове.

Библиографический список

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз, 1991.
2. Шульгин П. Ярмарки в истории России // Живописная Россия. 2007. №5.
3. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец 18 – начало 20 века. Л.: Искусство, 1984.
4. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998.
5. Максимов Е. К. Имя твоей улицы. Саратов: ООО «Приволжское издательство», 2007.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ЧЛЕНОВ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ К ТРАДИЦИЯМ КИТАЙСКОГО НАРОДА: ОПЫТ КУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Среди архивных документов встречается интересная информация о духовной и дипломатической деятельности Православной Миссии в Китае, но не редка и информация о работе Миссии за пределами религии и политики.

Так неоднократно мы указывали, что меняющийся состав Миссии всесторонне занимался изучением языка, культуры, традиций Китая. Главной целью этой работы было более глубокое приращение в среде китайского населения православного вероучения.

Еще с древних времен главным праздником у китайского народа был Новый год. В этом празднике участвовало все население независимо от возраста, политических убеждений и религиозных принадлежностей. Данное событие не могло ни коснуться и Русской Духовной Миссии.

В Отчете Начальника Духовной Миссии за 1900 год дается подробная характеристика участия Миссии в праздновании китайского новолетия [1, л. 1-24].

С двадцатого числа последнего месяца истекающего года китайцы начинают готовиться к Новому году. В этот день во всех государственных и религиозных организациях, печати которыми скрепляются все дела и бумаги, сдаются на специальное хранение в императорскую канцелярию, где запираются на целый месяц. Этот день называется закрытием печати и никто не смеет нарушить данное постановление. Русская Духовная Миссия обладала печатью и штампом, которые в 1900 году были впервые добровольно сданы ее Начальником на хранение.

На празднование Нового года в Пекин стекаются все крупные чиновники Китайской империи. Кроме них поздравить императора с первым днем Нового года должны все представители дипломатических и иных Миссии. Начальник Дипломатической Миссии вместе с епископом Китая также предстали перед императором.

Вечером с 22 на 23 члены Миссии наблюдали первые ракетные взрывы. В эту ночь китайцы приносили жертву Цзао Вану (традиционно китайцы при каждом жертвоприношении делают ракетные выстрелы, которыми пытаются «разбудить» божество). По традиции данное божество, считается домашним духом — Огонь Очага. Оно целый год находится в доме и наблюдает за поступками людей. В мифологии

сказано, что божество имеет две книги: в одной из них он записывает добрые, в другой плохие дела. Таким образом, за год он описывает все поступки людей и по окончании года отправляется на небо, где делает доклад верховному Будде о людях, и сообразно с их жизнью, просит небо или наградить их счастьем в будущем году или поразить их бедствиями за грехи. С началом нового года он снова является на землю и начинает свое дежурство.

Члены Русской Духовной Миссии включили данный образ мифологии в проповедь, чтобы тем самым показать олицетворение в образах нравственного правосудия Бога и небесном воздаянии за действия [2, с. 5].

В то самое время, когда все на небе занято определением судьбы будущего года, весь Китай спешит окончить все старые дела, очиститься, расплачивается с долгами, накапливает красных свеч. Все старое выбросилось: появились новые вывески (членам Духовной Миссии Синод в конце декабря также выделил 4 рубля на новую надпись на ворота) [3, л. 35], красные вывески на воротах – долголетие и счастье. Император на желтой бумаге рассылает поздравительные открытки князьям, значительным чиновникам, почетным гостям Китая. В Отчете в разделе приложение храниться такая же открытка адресованная Начальнику Пекинской Миссии и братии [4, л. 207].

В последний вечер в полночь начинается бить колокол, император на носилках шествует в Шаманский храм, который находился в полуверсте от подворья Миссии.

С рассветом начинаются поздравительные визиты, особенно примечательны визиты низших сословий, более высшим, так как они сопровождаются совершением катю. В Отчете Начальник Миссии писал, о том, что к нему также пришли многие жители близлежащих к подворью дворов и совершили такую же церемонию [4, л. 214]. Ее смысл заключается в том, что собравшись с мыслями, встать на колени и непрерывно, но не торопясь бить челом девять раз. Между тем тот, к кому обращаются «челобитные» обязаны сидеть с важностью и при каждом поклоне говорить – великая радость, будете богаты, по окончании каждому нужно выдать по три рубля.

Самые высшие чиновники должны совершить ту же церемонию перед императором. Этого же требовал китайский двор от всех европейских посланников, приехавших в Пекин. По дипломатической договоренности Православная Миссия была освобождена от этого [5, л. 21].

Таким образом, мы видим частичное участие деятелей Пекинской Миссии в праздновании китайцами Нового года. Это участие было обусловлено непосредственным проживанием миссионеров на территории Китая и попытками приближения православной проповеди к реалиям повседневной жизни китайцев.

Библиографический список

1. Отчет Начальника Пекинской Миссии о деятельности ее за 1900 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 7. Д.33.
2. Цао Фулинь. Новости // Дунфан цзачжи. Вып 11. Пекин, 1900.
3. Расходная книга за 1900 год. Пекинская Миссия // РГИА. ДВ. Ф. 704. Оп.62.
4. Отчет Начальника Пекинской Миссии о деятельности ее за 1900 г. // РГИА. Ф. 799. Оп. 7. Д.33.
5. О положении Русской Духовной Миссии в Китае // АВПРИ. Ф.188. Оп. 16. Д.4.

Ю.В. Ромашов

*Саратовский государственный
технический университет*

ОТНОШЕНИЕ БОЛГАР К РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг. ПО СВЕДЕНИЯМ РУССКИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Вопросы взаимного восприятия друг друга, национальных стереотипов, а также преломления и влияния этих факторов в политических отношениях представляет особый интерес и является одним из активно изучаемых в настоящее время направлений в российско-балканских отношениях.

Новизна подхода заключается в привлечении наблюдений русских путешественников за балканскими социокультурными и политическими реалиями. Очевидная ценность таких источников заключается в том, что иностранец обращает внимание на непривычные для него, но привычные для местных жителей стороны жизни. В последнее время все больше исследователей обращается к данной проблематике, показательным примером служит выход сборника статей «Человек на Балканах глазами русских» [См.: 1].

Одним из вопросов, на который следует обратить внимание — это отношение болгар к российской армии в годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. глазами русских наблюдателей.

Современники отмечали, что русские воины, как только вступили в Болгарию, сразу же ощутили исключительно теплое, братское отношение болгарского населения. Русский журналист, доброволец 1876 г. М. В. Максимов пишет, что «Вся фигура болгарина сторбилась, съежилась; весь он пригнулся к земле, а голова опустилась, так низко, низ-

ко, и долго она не могла подняться перед лицом явившегося спасителя. Раблепство, беспредельная покорность, самоунижение, робость, заботность до того резко сказались при первой встрече с болгаринном, что на лице даже нашего солдата скользнула невольная улыбка, и ему стало жаль болгарина, но он не решился сказать ему громко, весело и ободрительно: «Здравствуй, брат!» Нет! он сказал ему: «Здравствуй братушко! Ух, как ты съезжился!... Нет, ты настоящий «братушко!» «Какой ты брат?.. Посмотри на себя!...» Солдат сказал это тоном протектора. Чувство собственного достоинства, надменность, гордость, покровительствo, даже некоторая власть пополам с юмором и сатирою послышались в тоне русского солдата, а болгарин поклонился ему за это еще ниже прежнего...» [2, с. 581].

В Систове, писал участник войны Цуриков, «жители встречали наши войска с неопишувем восторгом, каждый на перерыв старался заполнить к себе гостя, покормить и уложить его спать. Женщины бросали под ноги цветы, целовали руки и стремяна всадников» [3, с. 128]. Другой участник войны писал: «Болгары мне очень нравятся, потому что на нас, русских, они смотрят как на братьев, относятся к нам исключительно дружелюбно» [4, с. 134]. У болгар, писал доктор Пясецкий, «не было другого обращения с нами, кроме «братушки»» [Цит. по: 5, с. 145].

Максимов подмечает также некоторые особенности взаимоотношений русских с болгарями: «Присматриваясь к отношениям болгарских крестьян к русским солдатам, никаких я предвзятых племенных обиходных симпатий и любви не усматривал. В подтверждение искренности моего заявления я готов сослаться на свидетельство всех интеллигентных очевидцев — офицеров армии; я уверен в том, что они не только не будут меня оспаривать, но при случае не прочь даже ругать болгар. «Вы возьмите нагайку, да в случае чего нагайкой их» — вот собственно изречения, которые мне приходилось слышать иногда в случае нарядов болгар на работы или на иное что. Это нисколько не помешало русскому солдату сойтись с болгаринном, полюбить и выражать ему свои привязанности, возродившейся только с того момента, когда они достаточно присмотрелись друг к другу» [2, с. 583]. Как он пишет, «Посмотрел солдат на болгарина, и защемило доброе русское сердце, глядя на страдающего. Посмотрел болгарин на солдата, и с одинаковою силою конвульсивной боли защемило и доброе сердце болгарина-страдальца. Болгарин пошел следом за русским солдатом, начал ухаживать за ним, исправлять ему дороги, носить раненых, делиться последнею крохою хлеба и носить воду в цепь в жаркий день боя, не взирая на убийственный огонь неприятеля...» [2, с. 583].

Только представители туркофильской чорбаджийской буржуазии не проявляли радости при встрече русских войск. «Хозяева — болгары из зажиточного класса, — писал участник войны Е. Утин, — оказались действительно негостеприимными... Ничего от них нельзя было добиться, даже воды не давали они нам охотно» [6, с. 81]. Но таких было мало. Подавляющая часть болгарского населения выражала открытую безграничную любовь и признательность своим освободителям.

Таким образом, в работах русских путешественников, оказавшихся на Балканах, уделено достаточно много внимания описанию особенностей национального характера, различных культурных особенностей. В целом, они отмечали расположение и симпатии болгар к русским солдатам, участвовавшим в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Исключением были только зажиточные слои болгарского общества, не проявлявшие расположения к русским.

Библиографический список

1. Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.
2. Максимов М. В. Две войны 1876-1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. СПб., 1879.
3. Цуриков С. А. Воспоминания о войне 1877-1878 гг. // Исторический вестник. 1910. №1.
4. Петков И. В боях за Плевен // Дон. 1967. № 3.
5. Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978.
6. Утин Е. Письма из Болгарии в 1877 г. СПб., 1879.

С.Ю. Колесникова

Саратовский государственный университет

В.В. ВЕЙДЛЕ О РОССИИ, РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕВРОПЕ

Владимир Васильевич Вейдле (1895-1979) — искусствовед, поэт, публицист, критик, одна из ярких фигур русской эмиграции. Летом 1924 г. он эмигрировал из России и поселился в Париже, где и прожил до конца жизни; печатался во всех значимых эмигрантских изданиях, долгое время читал лекции по церковному искусству в Православном Богословском институте, вел цикл передач на радиостанции «Свобода». Известный богослов протоиерей А. Шмеман, близко общавшийся с В. Вейдле, вспоминал о нем так: «Был он не «культурным челове-

ком», а неким поистине чудесным воплощением культуры: он жил в ней и она жила в нем с той царственной свободой и самоочевидностью, которых так мало осталось в наш век» [1, с. 214].

«Для того, чтобы мыслить исторически, незачем быть историком», — писал В. Вейдле в начале 30-х гг. XX в. [2, с. 441]. Владимир Васильевич историей профессионально не занимался, он больше обращал внимание на проблемы современного искусства и литературы, писал о Руо и Пикассо, В. Ходасевиче и М. Алданове. Тем не менее, перечитывая его работы, можно сказать, что, как и упоминаемый им Шпенглер, он владел «даром связывать и различать — первым даром историка» [2, с. 443].

Вопрос о России и Европе В. Вейдле считал основным вопросом нашего исторического бытия [3, с. 312]. Говоря о Европе, как о духовном организме, Россию Вейдле полагал органической и составной его частью. По его мнению, древняя Русь, воспитанная Византией, не могла быть этим воспитанием отрезана от Европы, так как воспитание состояло в передаче ей греко-христианской традиции. Опираясь на факт византийской преемственности, можно лишь подчеркнуть особенность русской культуры, но только утверждая ее принадлежность к общей христианско-европейской культуре [4, с. 262, 264]. Русская история полна разрывов, которых не знала ни одна из европейских культур — падение Новгорода, время Петра Великого, революционные события 1917 г. Характерные и исконные ее черты, порожденные самой русской землей — несогласованность горизонтальной культуры с вертикальной, расплывчатость или первобытная грубость государственного устройства, слабость иерархического принципа. По мнению В. Вейдле, в России существовали родственные феодальным учреждения лишь в виде утилитарных приемов государственной власти, тогда как на Западе феодализм «был всеми разделявшимся образ мысли, способом представлять себе общественные отношения» [5, с. 308]. Русский XVII век представлялся В. Вейдле временем всеобщего распыления, когда все «расшаталось, осело, размякло» [5, с. 310], и показателем тому служили раскол — в религиозной жизни, анархия языка — в области литературы, узорочье — в области искусства.

В одной из своих статей В. Вейдле писал, что русскому человеку, в принципе, тяжело высказать свои мысли о себе и о России. Тут-то и должны помочь «суждения иностранцев, наблюдения со стороны: благодаря им становится легче разобраться в полувнятном нашем самосозерцании» [6, с. 416]. Петровскую эпоху Вейдле считал временем восстановления европейского единства. Воссоединиться с Западом значило для России найти свое место в Европе и тем самым найти себя, а

русской культуре предстояло не потерять свою индивидуальность, но впервые ее приобрести — как часть другой индивидуальности [4, с. 268]. Петр I Россию «выстегал заморской плетью» [7, с. 61], многое поккалечил и окостенил, «но в самом главном он успел, — как не слишком заботливый хирург, ничего не спасший больному, кроме жизни» [5, с. 312]. Доказательствами верности выбранного пути служат, по мнению В. Вейдле, дальнейшие двести лет русской истории и быстрый рост государственной, хозяйственной и духовной жизни. Сближение с Западом достигло апогея в начале XX в., когда открытие новой французской живописи шло параллельно с открытием древнерусской иконы, усвоение западного средневековья способствовало пониманию древнерусских культурных форм. Русскую революцию, причины которой коренились в реформах 60-х гг. XIX в., В. Вейдле считал разрывом преемственности, еще более крутым, чем при Петре I, а «главное без всякой компенсации варварства остротой смекалки» [8, с. 118]. Прямо сравнивая Петра Великого с Лениным, В. Вейдле писал: «Петр был революционером, но не человеком, помешанным на революции, и был цивилизатором, не враждебным культуре, вовсе ее от цивилизации не отличавшим»; «Петр-Варвар, да, он варваром и был, но ...узколобым изувером, попом беспоповщины не был» [9, с. 90]. В. Вейдле полагал, что молодая советская власть попросту не помышляет ни о какой культуре, и все, что официально культивируется в советской России — безлично, не имеет отношения ни к русской, ни к европейской культуре, как таковым. И все же, он был оптимистичен в своих прогнозах и считал, что будущее принадлежит молодому поколению, и это «не люди, делавшие революцию, а люди, сделанные ею» [10, с. 37]. Нынешняя Россия, по его мнению, для восстановления преемственности должна заново прорубить окно, но не в Европу даже, «а в свое близкое, родное, но наполовину неведомое ей, украденное у нее прошлое» [10, с. 41].

Библиографический список

1. Цит. по: Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX-XX вв. Москва, 2009.
2. Вейдле В. Борьба с историей // Современные записки. № 52. Париж, 1933.
3. Вейдле В. Границы Европы // Современные записки. № 60. Париж, 1936.
4. Вейдле В. Россия и Запад // Современные записки. № 67. Париж, 1938.
5. Вейдле В. Три России // Современные записки. № 65. Париж, 1937.

6. Вейдле В. Мысли о «русской душе» // Современные записки. № 64. Париж, 1937.
7. Вейдле В. Возвращение на Родину // Воздушные пути. Вып. 3. Нью-Йорк, 1963.
8. Вейдле В. Наследие России // Воздушные пути. Вып. 5. Нью-Йорк, 1967.
9. Вейдле В. Россия. Революция. Религия // Русская литература. 1996. № 1.
10. Вейдле В. Пора России снова стать Россией // Старые-молодым. Мюнхен, 1960.

А.А. Филонов

Марийский государственный университет

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОГО КРАЯ ПО ДАННЫМ АНКЕТЫ 1914 ГОДА

Лесная промышленность в конце XIX – начале XX века как в целом в России, так и на территории Марийского края получила большое развитие. При рассмотрении этого вопроса важным источником представляются материалы анкеты 1914 года, хранящейся в Государственном архиве Республики Марий Эл. Выдача бланков анкеты производилась по указанию управляющих Казенными палатами из местных казначейств, городских управ, волостных правлений, а в некоторых случаях – податными инспекторами и их помощниками [2, С. 501].

Необходимость заполнения такой анкеты и представления ее в государственные учреждения была обусловлена, прежде всего, фискальными целями. На основании сведений, представляемых собственником заведения о величине оборота и чистой прибыли предприятия, определялся размер дополнительного промыслового налога, взимаемого с предприятия в виде процентного сбора с прибыли и раскладочного сбора [2, с. 491]. Вышеупомянутую анкету обязаны были заполнять все владельцы торговых и промышленных заведений. В анкете обозначались фамилия, имя, отчество, звание владельца предприятия, его местожительство и местонахождение заведения. Владельцу предприятия следовало ответить на 15 вопросов о промысловом заведении, количестве рабочих, объеме проданного сырья и товаров, величине оборота по заведению в истекшем году и т.д. [1, л. 31 об.].

Особый интерес в этой связи представляют ответы на вопросы анкеты крупных лесопромышленников Марийского края. Характерными в этом плане представляются следующие факты. Товариществом Бр. Кузнецовы под фирмой «Лес» 2 апреля 1914 г. была подана заполненная анкета в Козьмодемьянское раскладочное присутствие. Владельцы этого заведения проживали в дер. Починок Васильсурского уезда Юринской волости Нижегородской губернии. На предприятии, размещенном на Руткинской пристани Козьмодемьянского уезда, производилась рубка и разработка леса на различные материалы. При заведении работали 2 приказчика и 2 караульщика. В течение 1913 года лесопромышленным предприятием «Лес» было выработано и вывезено на Руткинскую пристань 26336 штук сосновых шпал, 6412 штук соснового и елового подтоварника длиной 9, 13 и 15 аршин при толщине от 2 до 4 вершков, 550 штук вереги длиной 13 и 15 аршин, было распилено бревен и получено 13000 штук теса. Заготовка лесоматериалов велась из приобретенных на торгах делянок в Кумьинском и Ардинском лесничествах Козьмодемьянского уезда. За купленные в Кумьинском лесничестве делянки предприятием было уплачено 9783 руб., в Ардинском лесничестве — 10128 руб. За рубку, вывозку леса и разделку его на материалы было уплачено рабочим 11062 руб., за распиловку бревен на заводе Камерилова — 1200 руб., жалованья служащим и караульщикам — 640 рублей. Таким образом, всего было потрачено 32813 рублей. Большая часть заготовленных лесных материалов была сплавлена в Астрахань, где за них удалось выручить около 43 тыс. руб. На основании данных, указанных Товариществом Бр. Кузнецовы, величина раскладочного сбора для фирмы «Лес» была определена в 18 руб., а размер процентного сбора в 25 руб. [1, л. 31-32 об.].

В Козьмодемьянское раскладочное присутствие 2 апреля 1914 года были поданы анкеты, заполненные крестьянином д. Рутки Ахмыловской волости Козьмодемьянского уезда Михаилом Ивановичем Кузнецовым, который проживал на тот момент в городе Козьмодемьянске и являлся владельцем 3 лесопромышленных предприятий. Одно из них находилось в Кумьинском лесничестве Козьмодемьянского уезда. Разработка леса на бревна и дрова производилась вручную 8 рабочими, которым было выплачено за работу в истекшем 1913 году 500 рублей. Всего зимой 1913 — 1914 гг. было разработано 750 куб. саж. дров на сумму 7500 руб. Прибыль предприятия составила 375 руб. Такие сведения о величине оборота заведения позволили определить размер раскладочного сбора в 4 руб. 50 коп., а процентного сбора в 8 руб. [1, л. 33-34 об.].

Второе лесопромышленное заведение М.И. Кузнецова было расположено в Коротненском лесничестве Козьмодемьянского уезда. Зи-

мой 1913 – 1914 гг. предприятием, на котором числилось 8 рабочих, было заготовлено 7000 шпал на сумму 9100 руб., 1056 бревен на 5800 руб. и 752 штуки подтоварника на 600 руб. Общий оборот предприятия составил 15500 руб., а чистая прибыль – 800 руб., за что владельцу предстояло выплатить 9 руб. 60 коп. раскладочного сбора и 30 руб. процентного сбора [1, л. 35-36 об.].

На третьем предприятии по разработке леса, которое находилось в Ардинском лесничестве Козьмодемьянского уезда, в зиму 1913-1914 гг. 13 рабочими было заготовлено лесных материалов на 33000 руб., а именно: 600 бревен на 3900 руб., 1370 штук подтоварника на 1096 руб., 5700 шпал на 7400 руб. и 20600 штук теса на 20600 руб. Чистая прибыль предприятия составила 1650 руб. Размер раскладочного сбора составил 20 руб., а процентного – 72 руб. [1, л. 37-38 об.].

В целом, заполняемые владельцами промышленных предприятий анкеты, в известной мере позволяют составить представление о масштабах лесопромышленной деятельности населения Марийского края и функционировании лесопромышленных заведений: их местоположении, количестве заготовленных лесоматериалов, их продажной стоимости, количестве рабочих, занятых на лесозаготовках, денежном обороте и чистой прибыли предприятия.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 11. Оп. 1. Д. 230.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1881-1913). Т. XVIII. СПб., 1830.

О.А. Чагадаева

Московский государственный университет

«СУХОЙ ЗАКОН» И ЧЕРНЫЙ РЫНОК В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проблема алкоголизации в Российской империи в конце XIX – начале XX века чрезвычайно занимала государство и общество. Антиалкогольное движение включало все слои общества и стимулировало государство на принятие соответствующих мер. Одной из попыток решения этой проблемы стала антиалкогольная политика Российской империи в период Первой мировой войны, получившая название «сухого закона».

Первоначально постановления, запрещающие продажу и распитие алкогольных напитков, были приняты в качестве ситуационных мер на время мобилизации. Однако успех мобилизации актуализировал вопрос о распространении запрета на всю территорию империи и на все время войны. В итоге полный или частичный запрет на производство, реализацию и потребление алкогольных напитков был введен в империи вплоть до окончания военного времени. «Сухой закон» представлял собой совокупность законов и подзаконных актов. Антиалкогольная политика правительства внесла существенные изменения в привычную жизнь страны. Особенно сильно это изменение было заметно в столицах, где местные власти пошли на серьезное ужесточение антиалкогольной политики. В столичных и некоторых других губерниях, по ходатайству местных властей, были приняты более серьезные формы алкогольных запретов. Как реакция на меру, вносящую дискомфорт в повседневную жизнь, огромное развитие получил черный рынок, особенно в крупных городах, с которым власти практически безуспешно вели борьбу. В итоге по мере ухудшения материального состояния, затягивания войны и обострения внутривластной ситуации потребление алкоголя катастрофически росло. Алкоголики продолжали удовлетворять свою пагубную страсть, однако более вредными и опасными для жизни веществами, «подручными» средствами; власть имущие и состоятельные лица и вовсе не ощутили на себе влияние «сухого закона», так как пусть и серьезное повышение цен на вино не могло сильно ударить им по кошельку. В итоге больше всех страдали малоимущие и обыватели среднего достатка, которые не только лишились возможности свободно покупать алкоголь нормального качества по приемлемым ценам, но и ощутили на себе бремя повышения налогов, вызванного непоступлением «пьяных» денег в казну и войной. В итоге потребление алкоголя вышло из-под контроля, качество спиртного ухудшилось, цена взлетела до небес, что вызвало недовольство, озлобленность и, в целом, обострило без того беспокойную ситуацию в империи. В революционные месяцы выступления сопровождались, а зачастую и провоцировались пьяными погромами. Казенные и частные винные склады превратились повсеместно в «пороховой погреб» империи.

**УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ ИСТОРИИ
(1917-1920 ГГ.): ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ**

История уральского казачества — это одна из малоизученных тем современной историографии. Связано это, по всей видимости, с тем, что территория Уральского войска большей частью находится в составе Республики Казахстан. Это «освобождает» российских исследователей от более глубокого рассмотрения вопросов истории уральцев. С другой стороны, казахстанские историки также не стремятся к ее изучению по причине негативного отношения к казачеству как таковому [1, с. 93]. Однако, актуальность научной проблемы, связанная с возрождением и активизацией деятельности казачьих организаций, призывает ученых к более глубокому рассмотрению истории казачества вообще и уральцев в частности. Уральцы являются нашими соотечественниками, что также побуждает детальнее посмотреть на их прошлое. Обращение к переломному, революционному периоду истории на фоне современного интереса к событиям революции 1917 г. и гражданской войны, также актуализирует изучение событий этого периода на Урале.

В предреволюционные годы основой хозяйства уральского войска оставалась рыбная ловля. Уловы постоянно падали на фоне количественно растущего населения, что приводило к большим проблемам. Закостенелость войсковой экономики приводила к хозяйственным кризисам, а через них к социальному конфликту между различными слоями населения [2, с. 195]. Однако наличие общинного владения землей давало возможность казакам заниматься другими видами экономической деятельности. В период установления советской власти это могло стать причиной неприятия и непонимания лозунгов о передаче земли народу, так как земельный массив Уральской области всегда находился под контролем общины.

Уже в декабре 1917 г. на съезде выборных делегатов от станиц было принято решение не признавать большевистское правительство [3, с. 357]. Активное сопротивление уральцев началось в начале 1918 г. Данное обстоятельство предопределило дальнейшие отношения между войском и большевиками. Ответом советской власти на отказ казаков принять новый режим стал беспрецедентный по своим масштабам геноцид против уральцев. Результатом государственного террора против казачества стало то, что с последним уральским атаманом В.С. Толстым смогли покинуть Россию не больше сотни человек [4, с. 158]. Край-

не важно рассмотреть ход этого геноцида для понимания причин усугубления негативного отношения уральцев к Красной Армии и невозможности изменения ими решения о сопротивлении.

Революция на Урале резко поменяла не только социальную стратификацию, но и национальную. В борьбе с казачеством советская власть активно использовала националистический подход. Зная дореволюционные проблемы во взаимоотношениях уральцев и их кочевых соседей, казахов, новая власть решила разжечь прошлые конфликты. Для этого был найден самый короткий путь: территория Уральского войска, географически лежащая между двумя зонами обитания казахов (Букеевской ордой и левобережьем реки Урал), была объявлена казахской [5, с. 42]. Казаки, таким образом, автоматически становились чужеродным элементом на собственной земле. Понимание этого события раскроет многие аспекты условий, в которых оказались уральские казаки после 1917 г.

Источниковая база исследуемой темы представляется достаточно широкой. Главной группой источников представляются документы, хранящиеся в фондах государственного архива Западно-Казахстанской области (ГАЗКО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), госархива Оренбургской области (ГАОО). Различные материалы, содержащиеся в фондах центральных и местных архивов затрагивают все стороны жизни войска рассматриваемого периода, причем многие из них до настоящего времени еще не введены в научный оборот. Другая группа источников – документы, опубликованные в различных сборниках, таких, как «Документы по истории гражданской войны в СССР». Определенные сведения о казачьей области накануне революции можно почерпнуть из Памятных книжек и адрес-календарей Уральской области за 1910-1915 гг. Богатый материал дают воспоминания казачьих офицеров, оказавшихся в эмиграции (В.С. - Толстова, Л. Масынова). Обстановка, царившая на войсковой территории также отражена в периодических изданиях «Уральские войсковые ведомости», «Яицкая правда», «Красный Урал».

Таким образом, целью данного исследовательского проекта является выявление причин неприятия уральцами новой власти и уничтожения советской властью Уральского казачьего войска в годы революции и гражданской войны. Для достижения цели исследования намечено решение следующих научных задач:

- 1). Определить социально-экономическое состояние Уральского войска накануне событий 1917 г.
- 2). Рассмотреть отношения казаков к новым властям.

3). Проанализировать политику большевистской власти в отношении непокорного казачества.

4). Изучить казачье-казахские отношения в рассматриваемый отрезок времени.

Библиографический список

1. Бесбаев М.С. Зигзаги истории. Алма-Ата, 2007.
2. Фокин Н.И. Уральск православный. Уральск, 2010.
3. Клавинг В. Гражданская война в России: белые армии. СПб, 2003.
4. Масянов Л. Гибель уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963.
5. Бочагов А.К. Алаш орда. Кызыл-Орда, 1927.

Н.А.Тямкова

Самарский государственный аэрокосмический университет им. ак. С.П.Королева (НИУ)

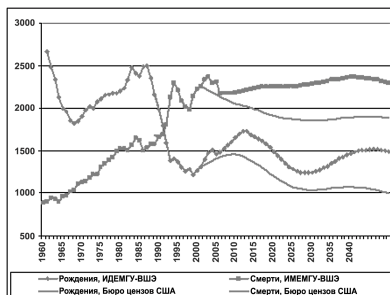
ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Современная Россия находится в глубоком демографическом кризисе. Об этом свидетельствует низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности. С 1958 по 2002 гг. число детей в расчете на одну женщину (суммарный коэффициент рождаемости) сократилось вдвое (с 2,62 до 1,34) [7].

В настоящее время, несмотря на рост числа рождений в 2008–2009 гг., тенденция снижения рождаемости не обнаруживает никаких признаков изменения. Напротив, есть все основания предполагать, что в ближайшем будущем прекратится рост рождений, и начнется их спад (в эти годы в брак вступали женщины, рожденные в 1980-е гг., предшествовавшие «демографической яме» 1990-х).

Отрицательный прирост населения начался в 1991 году, когда уровень смертности в России превысил уровень рождаемости. Изменение уровней смертности и рождаемости в России в последние десятилетия демонстрирует широко известный «русский крест», представленный на рис.1.

Согласно прогнозу ООН, по оптимистическому сценарию, население России к 2050 г. будет составлять 134,5 млн. чел., согласно пессимистическому – 92,4 млн. чел. [5]. Сегодня же население страны составляет 142 млн.чел.

Направленность демографических процессов в разных регионах России неодинакова. Самые низкие показатели рождаемости в Центральной России – традиционном ареале расселения великорусского этноса [6]. Так, в Костромской области смертность в 2,2 раза превышает рождаемость [8].

Однако в регионах Южного федерального округа (и частично в Татарстане) данные показатели выше, чем даже в среднем по России. В этом округе наблюдается рост народонаселения практически во всех областях региона (кроме Калмыкии, Волгоградской и Ростовской областей, где численность населения снижается) [4].

На спад рождаемости наиболее сильно воздействуют такие факторы как либеральная идеология сверхпотребления, ориентация на малодетные, бездетные семьи, огромное число аборт, алкоголизация и др. Так, сегодня число аборт в России превышает число рождений, составляя более 1,5 млн. в год [1, с.45].

Перечисленные факторы влияют на уровень рождаемости в странах, принявших либеральную идеологию. Несмотря на демографический кризис в своих государствах, ученые «развитых» стран обеспокоены ростом численности населения планеты. Наибольшее число рождений приходится на страны «третьего мира», где традиционные конфессиональные ценности не позволяют переориентироваться на либеральные идеалы современного мира. Некоторые ученые считают, что препятствие для консенсуса в глобальном регулировании демографии – это религия, для которой каждая жизнь свята [2]. Ведь такие меры по регулированию рождаемости, как средства защиты от беременности или аборт недопустимы во многих семьях стран «третьего мира». Насильственное распространение демократии в мире («арабская весна») позволит регулировать и демографические процессы путем прививания либеральных ценностей.

Здесь стоит также искать ответ на вопрос о неравномерности демографических процессов в России. В Татарстане и в Южном феде-

ральном округе более сильное воздействие на самосознание людей традиционных ценностей и религии, и как следствие, более высокая рождаемость, но более низкая доля разводов и уровня урбанизации [4].

Что касается регионов Центральной России, то, по нашему мнению, ключ к разгадке вопроса о низкой рождаемости кроется в истории XX века. Развитие окраин за счет центральных русских регионов сильно ослабил экономику регионов – доноров [3, с. 125-165]. Русофобия в определенные периоды советских лет, желание искусственно поставить русский народ как «угнетающий» в положение более низкое по сравнению с другими народами [3, с. 77] гонения на православную церковь настолько ослабили самосознание россиян и «истощили» их силы, что сегодня можно говорить о потере «воли к жизни» жителей центральных регионов России.

Нельзя сказать, что решение демографических проблем возможно лишь экономическими путями (хотя, это немаловажно!), но первейшая причина проблем – духовный кризис [6], и разрешить его только экономическими мерами невозможно.

Библиографический список

1. Акмалова А. А. Социальная работа с мигрантами и беженцами: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2008. – 219 с.
2. Баранов О. Регулирование демографии — оскорбление для развивающихся стран. — URL — <http://www.mn.ru/world/20111031/306481598.html> — Дата обращения — 1.11.11.
3. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. 2-е изд., испр. Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007. — 390с.
4. Данные федеральной службы государственной статистики. — URL — www.gks.ru — Дата обращения — 1.11.11.
5. Медков В.М. Демопуляционные прогнозы численности населения России в 2005-2050 гг. (по прогнозу ООН 2004 года). — URL — http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=13&idArt=352 — Дата обращения — 1.11.11
6. Протоиерей Дмитрий Лескин. Время собирать. Сборник статей. — Тольятти: Издательство Архиерейского подворья Управляющего Самарской епархией, 2010. С.245-254. 360с.
7. Статистика.ру. Возрастные коэффициенты рождаемости 1958-2006 гг. — URL: http://statistika.ru/stat/russia-world/2008/11/13/russia-world_14255.html. Дата обращения: 25.12.2010.
8. Чернявский С.Д., заместитель начальника УФМС России по Костромской области// Доклад на конференции “Диалог культур — культура диалога» г.Кострома 8.09.11 г.

**ВЛИЯНИЕ ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ НА СТАНОВЛЕНИЕ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
С 1991 ПО 1999 ГОДЫ**

Цель работы – выявить особенности местного самоуправления при формировании взаимоотношений с городами-побратимами в Пензе, Самаре и Тольятти. Хронологические рамки – ограничены периодом с 1991 по 1999 года.

Города-побратимы или породненные города – это два города, между которыми установлены постоянные дружественные связи для взаимного ознакомления с жизнью, историей и культурой. Соглашения заключают между собой в основном города из двух (и больше) разных стран. Города-побратимы внутри одного государства – исключение из правила. Отечественная история городов-побратимов начинается с 1942 года – с развития отношений между советским Сталинградом и английским Ковентри.

Проанализируем Соглашения о сотрудничестве между исследуемыми городами и их побратимами и сведем полученные данные в таблицу.

Города	Нормативный акт	Основные положения	Итог взаимодействия
Бекешчаба (Венгрия)	22.03.1992 – Соглашение о сотрудничестве между администрацией Пензенской области РФ и советом Бекешской области Венгерской республики	Экономическое, торговое, промышленное, научное, техническое, информационное и культурное сотрудничество	Представители обеих сторон ежегодно принимают участие в совместных экономических и культурных мероприятиях.
Штутгарт (Германия)	Договор о партнёрстве городов Самары и Штутгарта (ФРГ) (29.06.1992г.).	Приоритетным является сотрудничество в области здравоохранения.	Обмен опытом в области здравоохранения.

Сент-Луис (США)	Договор о партнёрстве городов Самары и Сент-Луиса (штат Миссури, США) (1994г.).		Обмен специалистами различных областей, а также музыкальных, творческих коллективов.
Стара-Загора (Болгария)	Соглашение между Администрацией города Самары и Администрацией города Стара-Загора об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 30.10.1992 г.	Связь осуществляется в области детского дошкольного образования, школьных обменов, культурных мероприятий и туризма.	
Вольфсбург (Германия)	Договор о дружбе и сотрудничестве между городами Тольятти и Вольфсбург от 12.08.1991г.	Контакты развиваются по следующим областям: - образование; - культура; - спорт; - социальные вопросы; - деловые контакты.	Передача культурного опыта, взаимодействие в промышленной и социальной сфере. Обмен делегациями.
Флинг (США)	Договор об основе отношений городов – 17.06.1992г.	Развитие взаимопонимания между нашими народами и установление дружеских отношений между нашими обществами с целью взаимовыгодного сотрудничества на благо обеих стран России и США.	
Казанлык (Болгария)	Договор о сотрудничестве (март 1995г.)		В рамках Договора представители мэрии Тольятти ежегодно принимают участие в Празднике Роз в г. Казанлык. организация летнего отдыха учащихся и студентов г. Тольятти в Казанлыке.
Кольмар (Франция)	Соглашение о культурном сотрудничестве между городами Тольятти и Кольмар (1996г.)	Кольмарский проект – содержит положения о культурном сотрудничестве	За период участия с 1996 по 2001 г. в концертах VIII-XIII Международного фестиваля классической музыки в г. Кольмар талантливыми детьми г. Тольятти дано 15 концертов.
	Соглашение о сотрудничестве в области экономики, культуры, образования, здравоохранения, экологии и охраны окружающей		<ul style="list-style-type: none"> информационный обмен и изучение опыта ОМС в вопросах муниципального управления и разработке планов стратегического развития;

Надьканижа (Венгрия)	среды, туризма и спорта (июнь 1998г.).	<ul style="list-style-type: none"> • организация отдыха и лечебного туризма для жителей Тольятти в Надьканижа и области Зала; • изучение возможности поставок в Тольятти ламп накаливания производства завода «GE Hungaru» в Надьканиже; • утилизация бытовых отходов и очистка питьевой воды; • организация оптовых поставок венгерских продуктов питания, товаров народного потребления и промоборудования; • проведение экономических миссий предпринимателей в гг. Тольятти и Надьканижа.
----------------------	--	--

Подводя итоги, можно сказать, что взаимодействие с городами-побратимыми играет важную роль в становлении местного самоуправления. Особенно важным является сотрудничество с городами – представителями стран с отличной от российской формой правления. Можно выделить особенности побратимских отношений:

- обоюдный характер взаимодействия: обе стороны оказывают влияние друг на друга;
- продуктивный обмен опытом, с учетом территориальных и законодательных особенностей;
- расширение информационного пространства, ликвидация «закрытости» стран, особенное в период после распада СССР и падения Берлинской стены;
- более развитыми областями в сфере местного самоуправления являются вопросы местного значения, особенно промышленность и социальный блок (культура, здравоохранение, образование).

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XVII Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 25-26 ноября 2011 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции
Художественный редактор *Л. В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Замамыкиной*

Подписано в печать 26.12.2011.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 14,2. Уч.-изд. л. 15,5. Гарнитура «Newton».

Тираж 150 экз. Заказ №
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Книга».
г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

